

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2003

Тайваньский вопрос
и американско-китайские отношения

•

Эпидемия атипичной пневмонии
в КНР

•

Китайцы в Забайкалье

•

Загадочный "мир
Харуки Мураками"

•

Юбилей академика
С. Л. Тихвинского

3-й этаж

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2003

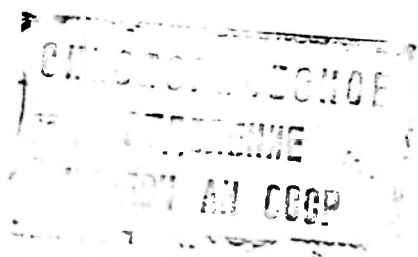
Сентябрь - Октябрь

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Г.Зиновьев.* Тайваньский вопрос и история формирования нор-
мативной базы американо-китайских отношений 6
В.Портяков. Эпидемия атипичной пневмонии в КНР 20
Н.Анисимцев. Центральный аппарат административно-государ-
ственного управления современной Японии 27
Л.Забровская. Российские корейцы и их связи с родиной пред-
ков (1990-2003 гг.) 39

ЭКОНОМИКА

- А.Ананьев.* Роль прямых иностранных инвестиций в экономике
Китая 51
А.Тарасов. Китайцы в Забайкалье 61
В.Ощепков. Перспективы поставок российского углеводородного
сырья в Северо-Восточный Китай 79

ОБРАЗОВАНИЕ

- Н.Боревская.* Частный сектор в китайской системе образования:
проблемы и перспективы 91

ИСТОРИЯ

- А.Москалев. Национализм Лян Цичао и современность..... 106
Е.Катасонова. Советско-японские переговоры о нормализации межгосударственных отношений 1955-1956 гг. Гуманитарный аспект..... 121
А.Хисамутдинов. Русская община в Шанхае..... 133
Син Хё Сук. Трансформация северокорейского общества и подготовка профессиональных кадров (1945-1960 гг.)..... 139

ФИЛОСОФИЯ

- Д.Главева. Принцип хонгаку — “исходной просветленности” в традиции японского буддизма 152

КУЛЬТУРА

- К.Родченкова. Загадочный “мир Харуки Мураками” 166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В Ученом совете ИДВ РАН..... 173

РЕЦЕНЗИИ

- С.Лузянин. История Кореи (Новое прочтение) под ред. А.В.Торкунова..... 175
Чэнь Кайкэ. Цай Хуншэн. Записки о Российской духовной миссии в Пекине..... 178
Т.Михайленко. Жукова И.В. Стилистика японского языка 182

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Академику Сергею Леонидовичу Тихвинскому 85 лет 183

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

Г.Зиновьев. Тайваньский вопрос и история формирования нормативной базы американо-китайских отношений

Статья посвящена анализу отношений в треугольнике США-Китай-Тайвань, проблемам формирования нормативной базы американо-китайских и американо-тайваньских связей. Автор отмечает, что принципиальная позиция КНР с 50-х гг. не претерпела существенных изменений. Она предусматривала возможность установления дипотношений с США только в случае расторжения официальных связей Вашингтона с режимом на Тайване. Вашингтон же пришел к установлению дипотношений с КНР в результате длительной эволюции. Тайвань оказался заложником поведения двух держав, а сама тайваньская проблема остается в подвешенном состоянии.

В.Портяков. Эпидемия атипичной пневмонии в КНР

В статье вкратце обобщены вопросы возникновения и протекания недавней эпидемии атипичной пневмонии в Китае. Показана борьба руководства и населения страны с этим инфекционным заболеванием. Дана оценка основных последствий эпидемии для КНР.

Н.Анисимцев. Центральный аппарат административно-государственного управления современной Японии

В статье дается комплексное описание структуры центрального административно-государственного аппарата Японии, сформированной в ходе осуществления административной реформы 2001 г. Подробно рассматриваются функции кабинета министров и премьер-министра, строение секретариата кабинета, канцелярии, министерств и внешних органов, квази-административных субъектов и т.п. Анализируется динамика их развития.

Л.Забровская. Российские корейцы и их связи с родиной предков (1990-2003 гг.)

В статье дан очерк истории и современного положения корейской диаспоры Приморья и Сахалина, показаны ее взаимоотношения с КНДР и РК, соперничество двух корейских государств за влияние на российских корейцев.

А.Ананьев. Роли прямых иностранных инвестиций в экономике Китая

В статье отмечается, что в 2002 г. Китаю удалось впервые обогнать США по притоку прямых иностранных инвестиций вследствие присоединения к ВТО. Формула успеха Китая — перспективный внутренний рынок, функционирующий в соответствии с правилами ВТО, дешевая рабочая сила, усовершенствованная инфраструктура в сочетании с политикой поощрения притока зарубежного капитала.

А.Тарасов. Китайцы в Забайкалье

Демографические факторы будут в течение десятилетий влиять на процессы в регионе Северо-Восточной Азии, затрудняя задачу стабилизации российско-китайских отношений и усиливая напряженность в случае их осложнения. В этой связи китайское предпринимательское и трудовое присутствие в приграничных районах России вызывает повышенный интерес общественности. Автор попытался выявить основные характеристики китайского миграционного потока, его роль в жизни Читинской области, которая имеет с КНР границу протяженностью около 1000 км.

В.Ощепков. Перспективы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай

В статье представлена позиция китайской стороны по таким важным проблемам, как основные угрозы энергетической безопасности КНР, стратегия Китая в области обеспечения такой безопасности, место России в энергетической стратегии Китая.

Н.Боревская. Частный сектор в китайской системе образования: проблемы и перспективы

Статья посвящена проблемам политики китайского государства и позиции населения КНР в отношении негосударственных учебных заведений (НОУ). Автор рассматривает вопросы, связанные с возрождением и развитием НОУ в Китае за два последних десятилетия. Подробно говорится о социально-экономических и культурно-исторических предпосылках этого процесса, о типологии спроса на НОУ в китайском обществе и их роли в решении проблем социального равенства, о финансовых сложностях в механизме функционирования НОУ и их взаимодействии с государственной системой образования.

А.Москалев. Национализм Лян Цичао и современность

Статья знакомит с трактовкой национализма Лян Цичао в его текстах разных лет. Отмечена связь некоторых идей Лян Цичао с подходами, развиваемыми современными китайскими исследователями ханьского национализма.

Е.Катасонова. Советско-японские переговоры о нормализации межгосударственных отношений 1955-1956 гг. Гуманитарный аспект

Статья посвящена одной из наиболее важных вех в истории советско-японских связей — переговорам между СССР и Японией о нормализации межгосударственных отношений 1955-1956 гг. Одной из тем переговоров стала репатриация на родину оставшихся в СССР в заключении японских военнопленных. Эта проблема нашла свое отражение в итоговом документе переговоров — “Совместной советско-японской декларации”.

А.Хисамутдинов. Русская община в Шанхае

В статье рассматриваются динамика роста русской общины в Шанхае (ее численность к 1937 г. достигла 27 тыс. чел.); роль Генерального консульства России, Комитета защиты прав и интересов русских эмигрантов и других организаций в налаживании жизни россиян в этом городе; настроения в среде русской эмиграции.

Син Хё Сук. Трансформация северокорейского общества и подготовка профессиональных кадров (1945-1966)

Автор рассматривает вопросы трансформации северокорейского общества и особенности подготовки профессиональных кадров с учетом происхо-

дивших изменений в политике и экономике, дает характеристику особенностей подготовки профессиональных кадров в довоенный (1945-1950 гг.) и послевоенный (1953-60 гг.) периоды. Основное внимание уделяется проблемам высшей школы, стажировке студентов за рубежом, идеологическому преследованию в период "внутрипартийной антифракционной борьбы" интеллигенции, получившей образование за границей. Автор пытается найти ответ на вопрос, какую роль в водовороте политических изменений 50-х гг. играли те, кто подвергся идеологическому преследованию и чисткам, и какое влияние они оказали на изменения в северокорейском обществе и системе образования.

Д.Главева. Принцип *хонгаку* — "исходной просветленности" в традиции японского буддизма

В статье рассматриваются интерпретации японскими мыслителями одной из важнейших концепций буддизма махаяны — "исходной просветленности" (яп. *хонгаку*). Этот мировоззренческий принцип, главной посылкой которого является присутствие "просветленной природы" внутри каждого человеческого существа, лег в основу многих базовых установок японской культуры, в значительной степени обусловил способы эстетического и практического освоения ею окружающей действительности. Автор показывает, как исходная идея наличия в каждом человеке "природы Будды", разработанная в индийской махаяне, последовательно интерпретировалась и преобразовывалась теоретиками разных школ японского буддизма.

К.Родченкова. Загадочный "мир Харуки Мураками"

Харуки Мураками — один из самых значительных и востребованных современных японских писателей. Его творчество столь необычно, что в современной литературе возникло понятие "мир Мураками", который создан из фрагментов реалий современного общества потребления вперемешку с фантастическими образами потусторонних сил. В статье рассматривается причина популярности этого мира у читателей, живущих в странах с различными ценностями и традициями. Предпринимается попытка показать, почему на Западе Мураками полюбили сразу и надолго, а в самой Японии отношение к его творчеству не столь однозначно.

Тайваньский вопрос и история формирования нормативной базы американо-китайских отношений

© 2003

Г. Зиновьев

Отношения в треугольнике США-КНР-Тайвань заслуживают достаточно пристального внимания, поскольку они оказывают непосредственное влияние на безопасность и стабильность не только в регионе, но и в мире в целом. Находящийся в корне американо-китайских отношений тайваньский вопрос, история которого связана с такими событиями, как японо-китайская война 1894-1895 гг., Вторая мировая война и последовавшая за ней гражданская война в Китае, послевоенное устройство мира и холодная война, будучи не решенным по сей день, потенциально является одним из наиболее взрывоопасных в системе современных международных отношений. Этот вопрос, для решения которого китайская сторона никогда не отказывалась и не собирается отказываться от применения силы, при самом негативном развитии событий способен вызвать полномасштабный военный конфликт, не исключающий даже применение ядерного оружия, между самым могущественным и самым населенным государствами мира.

Для лучшего понимания современного состояния и перспектив решения тайваньского вопроса представляется полезным кратко рассмотреть процесс формирования нормативной базы отношений между Вашингтоном и Пекином.

После эвакуации гоминьдановского правительства на Тайвань в 1949 г. вследствие поражения в гражданской войне в Китае Соединенные Штаты, не признавая Китайскую Народную Республику, полагали, что режим Чан Кайши обречен и не планировали оказывать ему военную помощь. Статус Тайваня как китайской территории, отторгнутой в свое время Японией и возвращенной Китаю в результате ее поражения во Второй мировой войне на основании Каирской и Потсдамской деклараций союзников, не вызывал тогда у американского руководства сомнений. Президент Г.Трумэн объявил 5 января 1950 г., что Америка признает суверенитет Китая над Формозой и не имеет намерения отторгать остров, как и любую другую часть территории Китая¹. Он заявил, что "Соединенные Штаты не будут предоставлять военную помощь или давать советы китайским силам на Формозе". Госсекретарь Д.Ачесон в тот же день пояснил: "Мы не собираемся использовать силу в связи с нынешней ситуацией на Формозе. Мы не собираемся пытаться захватить остров. Мы не собираемся

быть втянутыми в военные действия на острове Формоза в какой бы то ни было форме". 12 января Ачесон заявил, что "периметр обороны" США в регионе пролегает от Алеутских островов, Японии и до Филиппин, причем в качестве его составляющих не были упомянуты Южная Корея и Тайвань².

С началом 25 июня 1950 г. войны на Корейском полуострове США пересмотрели свою политику в регионе. Америка заявила, что "оккупация Формозы коммунистическими силами была бы прямой угрозой безопасности в Азиатском регионе и силам США, осуществляющим там свои законные и необходимые функции". Уже 27 июня президент Трумэн объявил, что он "приказал седьмому флоту предотвратить любое нападение на Формозу"³. Одновременно с этим он призвал "Китайское правительство на Формозе прекратить все воздушные и морские операции против материка". В этом же заявлении Трумэна определялась новая американская позиция в отношении Тайваня: "Решение о будущем статусе Формозы должно ожидать восстановления стабильности в Тихоокеанском регионе, подписания мирного договора с Японией или стать предметом рассмотрения ООН". Статья 2 заключенного 9 сентября в Сан-Франциско мирного договора с Японией (который не подписали ни СССР, ни какой-либо представитель Китая) предусматривает, что Япония отказывается от всех прав и притязаний на Формозу и Пескадорские острова (Тайвань и архипелаг Пэнху), однако не упоминает о возвращении их Китаю⁴.

После того, как китайские войска вошли в Корею, США начали еще активнее строить в регионе систему антикоммунистических альянсов, нацеленных на "сдерживание" КНР. В результате посредничества США гоминьдановское правительство на Тайване, продолжавшее именовать себя правительством Китайской Республики (КР), и Япония 28 апреля 1952 г. (всего за несколько часов до вступления в силу Сан-Францисского договора) подписали мирный договор, в котором не было четко оговорено возвращение Китаю Тайваня и Пэнху.

Новый американский президент Д.Эйзенхауэр 2 февраля 1953 г. объявил, что размещенный в Тайваньском проливе седьмой флот США не будет препятствовать военным действиям против КНР сил Чан Кайши. В августе 1954 г. последний начал сосредоточивать значительные военные силы на расположенных вблизи побережья КНР группах островов Цзиньмэнь и Мацзу, контролируемых войсками Гоминьдана. С сентября 1954 г. КНР начала массированные бомбардировки островов Цзиньмэнь, а затем других островов в Тайваньском проливе⁵.

2 декабря 1954 г. правительства США и КР заключили союзнический договор о взаимной обороне. Каждая сторона договора признала, что вооруженное нападение в Западно-тихоокеанском регионе, направленное против территории какой-либо из сторон, будет угрожать ее собственному миру и безопасности, и заявила, что будет действовать против этой общей угрозы в соответствии со своими конституционными процедурами. 18 января 1955 г. КНР осуществила высадку десанта на остров Ицзян к северу от Тайваня и продолжила бомбардировку островов в проливе. 29 января 1955 г. Конгресс США принял "Резолюцию о Формозе", уполномочивавшую президента размещать военные силы США для обороны Формозы и Пескадорских островов, а также других территорий, нуждающихся в защите (под последними имелись в виду острова в Тайваньском проливе, прежде всего Цзиньмэнь и Мацзу). Договор с правительством Чан Кайши был ратифицирован Конгрессом США и вступил в силу 9 февраля 1955 г.⁶

В апреле 1955 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай, выступивший с идеей пяти принципов мирного сосуществования, предложил США провести переговоры по вопросам, вызывающим напряженность, в том числе по тайваньской проблеме. С 1 мая прекратились бомбардировки Цзиньмэня и Мацзу. Американо-китайские переговоры начались в августе 1955 г. в Женеве на уровне послов. США предложили отказаться от применения силы между сто-

ронами вообще и в Тайваньском проливе в частности. Позиция Китая заключалась в том, что КНР и США должны решать проблемы, имеющиеся между ними, без обращения к угрозе применения силы, однако тайваньский вопрос является внутренним делом КНР и, таким образом, на него не распространяются пять принципов мирного сосуществования, предлагаемых для международных отношений. Женевские переговоры продолжались до конца 1957 г. и возобновились в Варшаве осенью 1958 г. Возобновлению переговоров предшествовали массированные бомбардировки КНР островов Цзиньмэнь и Мацзу, которые начались в августе 1958 г. и могли спровоцировать вооруженный конфликт между США, связанных союзническими обязательствами с Тайванем, и КНР, а также его союзником СССР. Этого не хотели ни в Вашингтоне, ни в Москве. На американо-китайских переговорах на уровне послов в Польше в сентябре 1958 г. США довели до сведения КНР, что, хотя они не допустят захвата островов Цзиньмэнь и Мацзу, однако в случае прекращения бомбардировок убедят гоминьдановское правительство отказаться от использования островов в качестве базы для подготовки военной операции против материка. В октябре госсекретарь США Дж. Даллес совершил визит на Тайвань, в ходе которого подписал с Чан Кайши совместное коммюнике. США подтвердили, что "в нынешних условиях оборона Цзиньмэня, как и Мацзу, тесно связана с обороной Тайваня и Пэнху". Со стороны Тайбэя было заявлено, что главным способом достижения цели восстановления свободы на материке является применение трех народных принципов Сунь Ятсена, а не военная сила⁷.

В ходе "холодной войны" с ухудшением советско-китайских отношений в шестидесятые годы и в США, и в КНР усиливалось желание нормализовать отношения для противодействия "советской угрозе". Активным сторонником создания стратегического треугольника между Вашингтоном, Пекином и Москвой и разыгрывания "китайской" и "советской карты" был Р. Никсон. В октябре 1967 г. он опубликовал статью в журнале *Foreign Affairs* о том, что в американских интересах "открыть Китай", хотя и не во время вьетнамской войны⁸. После событий в Чехословакии в августе 1968 г., уже в сентябре того же года Госдепартамент США направил китайской стороне письмо с предложением возобновить замороженные после начала "культурной революции" варшавские переговоры на уровне послов. С китайской стороны последовало сначала быстрое согласие, однако затем Китай отказался от переговоров, что было расценено американцами как проявление внутрисполитической борьбы в КНР⁹.

В ноябре 1968 г. Р. Никсон победил на президентских выборах. В июле 1969 г. в ходе кругосветного турне, выступая на Гуаме, он заявил, что США будут отходить от практики прямого вооруженного вмешательства в регионе. Во время поездки китайской стороне через пакистанское и румынское руководство было передано предложение возобновить контакты¹⁰. Не получив ответа, американская сторона повторила предложение через своего посла в Варшаве в декабре 1969 г., и КНР на этот раз ответила согласием. 20 января 1970 г. состоялись переговоры между послом США в Польше В. Стэсселом и китайским временным поверенным Лэй Яном. США предложили направить в КНР высокопоставленного эмиссара для прямых контактов. На следующем раунде переговоров 20 февраля 1970 г. Стэссел довел до сведения, что "его правительство намерено снизить уровень военного присутствия в районе Тайваня после того, как спадет напряженность в регионе". Лэй Ян сообщил о согласии на прием американского эмиссара¹¹. Этими встречами в Варшаве, положившими в определенной мере начало процессу нормализации, завершилась история американо-китайских консультаций на уровне послов, продолжавшихся с перерывами с 1955 по 1970 г. Всего за это время было проведено 136 раундов таких переговоров¹².

Сторонам потребовалось еще более года для того, чтобы договориться о визите американского представителя, которым стал помощник президента по

вопросам национальной безопасности (впоследствии госсекретарь) Г.Киссинджер. Китайская сторона первоначально предлагала обсуждать лишь проблему Тайваня, но в конце концов согласилась обменяться мнениями и по другим вопросам.

9 июля 1971 г. начался первый визит Г.Киссинджера в Китай, проходивший в атмосфере повышенной секретности. В тот же день состоялись переговоры Киссинджера с Чжоу Эньлаем.

Киссинджер в своих мемуарах стремится умалить значение тайваньского вопроса во время его пекинских переговоров, отмечая, что “в ходе нашей первой беседы о Тайване упоминалось лишь кратко”¹³. Вместе с тем, ставшие известными материалы свидетельствуют, что главным пунктом, интересовавшим китайскую сторону, был тайваньский вопрос, и его обсуждение было отнюдь не поверхностным. Киссинджер пошел навстречу интересам китайской стороны и дал заверения, которые противоречили сделанному в последний раз менее чем за три месяца до начала переговоров заявлению Государственного департамента о том, что Тайвань является “неурегулированным вопросом и предметом будущего международного разрешения”¹⁴.

Участник переговоров с американской стороны, сотрудник Совета национальной безопасности Дж.Холдридж так описывает их начало:

“Чжоу отметил, что по китайским обычаям всегда первое слово предоставляется гостю. Доктор Киссинджер начал с довольно длительного изъясления любезностей, в то время как я с нетерпением ждал, когда он перейдет к вопросу Тайваня. Наконец он сказал то, что я написал для него: “нет двум Китаям, нет одному Китаю, одному Тайваню, нет независимому Тайваню”. Ответ Чжоу был моментальным: “Хорошо, — сказал он, — вот теперь переговоры можно продолжить”¹⁵.

В конце февраля 2002 г. в США была рассекречена запись этой исторической первой беседы Киссинджера и Чжоу. Согласно ей, китайский премьер в первую очередь поднял тайваньский вопрос. Для начала он совершил экскурс в историю, отметив, что не может не покритиковать американское правительство: “Вы заявляли, что не будете вмешиваться во внутреннюю политику Китая. Однако прошло совсем немного времени, началась корейская война, и вы окружили Тайвань и заявили, что его статус не определен, и до сих пор ваш спикер госдепартамента говорит, что это ваша позиция. Вот в чем корень вопроса”. Г.Киссинджер заметил, что спикер больше этого не повторял, чем вызвал одобрительный смех китайской стороны. Чжоу потребовал от американской стороны, чтобы она, если “хочет признать Китай ..., безоговорочно признала Китайскую Народную Республику в качестве единственного законного представителя Китая... Тайвань является провинцией Китая, уже возвращенной Китаю, и является неотъемлемой частью Китая”. Далее премьер потребовал вывода всех американских вооруженных сил с Тайваня и из Тайваньского пролива. Киссинджер в ответ полностью согласился с историческим анализом Чжоу. Он подчеркнул, что “если бы не разразилась корейская война, которую ни мы, ни вы не хотели, то сегодня Тайвань, без сомнения, был бы в составе Китайской Народной Республики”. Затем он обещал сразу по окончании войны во Вьетнаме вывести с Тайваня две трети размещенных там американских вооруженных сил. “Что касается политического будущего Тайваня, — продолжил Киссинджер, — мы не поощряем варианты решения “два Китая” или “один Китай, один Тайвань”. После этого заявления Чжоу Эньлай заметил, что в таком случае есть надежда на установление в будущем дипотношений между двумя государствами, и поинтересовался позицией собеседника о движении за независимость Тайваня. Киссинджер заверил, что не поддерживает это движение. В целом, тайваньской проблематике было посвящено 9 из 46 страниц записи первой беседы Киссинджера и Чжоу Эньлая”¹⁶.

Во время своего второго визита, начавшегося 20 октября 1971 г., Киссинджер пошел еще дальше навстречу китайской стороне, как свидетельствует рассекреченная 22 мая 2002 г. запись его беседы с Чжоу Эньлаем. Помощник президента по вопросам национальной безопасности вновь подтвердил, что США не поддерживают "два Китая", "один Китай, один Тайвань" и движение независимости Тайваня. По тайваньскому вопросу он, в частности, заверил, что Америка приветствует его решение в рамках одного Китая мирными средствами. Исследователи на Тайване обращают внимание, что американская сторона до сих пор в своих документах и заявлениях, говоря о заинтересованности в мирном решении вопроса, нигде не обуславливает, что такое решение должно иметь место в рамках "одного Китая", несмотря на заверения Киссинджера тридцатилетней давности. Чжоу Эньлай потребовал от американца ответить, отошли ли США от своей позиции о том, что статус Тайваня не определен. Киссинджер ответил, что Америка не ставит под сомнение позицию китайцев о том, что в мире есть только один Китай и что Тайвань является частью Китая, и заверил, что США впредь не будут заявлять о том, что статус Тайваня не определен¹⁷.

Во время вояжей Киссинджера отрабатывались формулировки, которые были включены в историческое американо-китайское коммюнике, опубликованное 28 февраля 1972 г. в Шанхае по завершении первого визита в КНР американского президента Р.Никсона. В Шанхайском коммюнике зафиксированы следующие позиции сторон по тайваньскому вопросу.

"Китайская сторона подтверждает свою позицию: тайваньский вопрос является основным вопросом, препятствующим нормализации отношений между Китаем и Соединенными Штатами; Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством Китая; Тайвань является провинцией Китая, которая уже давно была возвращена в лоно родины; освобождение Тайваня является внутренним делом Китая, в которое не имеет права вмешиваться никакое другое государство; все американские силы и военные объекты должны быть выведены с Тайваня. Китайское Правительство решительно противодействует любой деятельности, нацеленной на создание "одного Китая, одного Тайваня", "одного Китая, двух правительств", "двух Китаев", "независимого Тайваня" или подразумевающей, что статус Тайваня остается нерешенным".

"Американская сторона заявляет: Америка принимает к сведению, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива придерживаются того, что есть только один Китай и что Тайвань является частью Китая. Правительство Соединенных Штатов не ставит под сомнение эту позицию. Оно подтверждает свою заинтересованность в мирном решении тайваньского вопроса самими китайцами. Имея в виду эту перспективу, оно подтверждает, что конечной целью является вывод всех американских сил и военных объектов с Тайваня. До этого времени оно будет постепенно сокращать свои силы и военные объекты на Тайване по мере уменьшения напряженности в регионе"¹⁸.

Как признался сам Киссинджер, американская формулировка была позаимствована еще из материалов переговоров на уровне послов в 50-е гг.¹⁹ В значительной мере американской стороне развязывал руки тот факт, что и гоминьдановское правительство на Тайване было против независимости острова и рассматривало его как провинцию в составе Китайской Республики. Таким образом, в отношении статуса острова и по вопросу одного Китая позиции КНР и КР по сути совпадали, отличаясь в том, какое правительство представляет единый Китай.

Госсекретарь У.Роджерс, пытавшийся принять участие в работе над коммюнике, был ознакомлен с его содержанием лишь по завершении переговоров. Когда Роджерс и помощник госсекретаря по Восточной Азии и Тихому океану М.Грин наконец прочли уже согласованный, но еще не опубликованный

документ, они обратили внимание на то, что в коммюнике подтверждалась приверженность США союзническим обязательствам в регионе и упоминались договоры Соединенных Штатов с Японией, Республикой Корея, Филиппинами, а также с Австралией и Новой Зеландией, однако умалчивалось о договоре о взаимной обороне, подписанном в 1954 г. с Китайской Республикой. Грин сразу напомнил, что в начале 1950 г. госсекретарь Ачесон, говоря о “периметре обороны” США в регионе, не упомянул о Южной Корее и таким образом в какой-то мере спровоцировал нападение на нее Северной Кореей. В результате пассаж о союзнических обязательствах Америки в регионе по дополнительному согласованию с китайской стороной был вообще исключен из текста коммюнике, так как КНР, естественно, не могла согласиться на упоминание о договоре США с Китайской Республикой²⁰. Сразу после опубликования коммюнике, 28 февраля 1972 г. на брифинге для американских журналистов Киссинджер подтвердил, что договор с Тайванем сохраняет силу. Он заранее предупредил китайских партнеров по переговорам о том, что даст такое разъяснение, мотивировав его необходимостью успокоить сильное тайваньское лобби в политическом истеблишменте США, и просил, чтобы китайская сторона оставила это высказывание без внимания²¹.

В ходе переговоров с Чжоу Эньлаем и Никсон, и Киссинджер пытались получить от китайской стороны заверение, что объединение (“освобождение”) Тайваня произойдет мирным путем. Чжоу Эньлай избегал давать прямое обещание. В беседе с Киссинджером он как-то сказал, что десять лет для решения тайваньского вопроса — слишком долгий срок, “я не могу ждать десять лет”²².

После 1972 г. вопрос установления дипломатических отношений между США и КНР перешел в практическую плоскость. Во время своего визита в Китай Никсон обещал установить дипломатические отношения в 1976 г., в ходе второго президентского срока²³. В феврале 1973 г. Киссинджер осуществил очередную поездку в КНР. Он повторил обещание Никсона и при этом сказал, что можно будет предпринять что-либо вроде “японского варианта” — разорвать дипотношения с Тайбэем, сохранив с ним неправительственные торговые и культурные связи (так поступила в 1972 г. Япония). В меморандуме президенту по итогам поездки Киссинджер писал, что неизбежный “последний шаг будет болезненным — мало друзей столь порядочных, как наши союзники на Тайване”²⁴.

Главным вопросом, препятствовавшим нормализации, был отказ КНР от предоставления гарантий мирного решения тайваньской проблемы. В августе 1974 г. Киссинджер принял рекомендации своих помощников о том, что пакетное соглашение о нормализации должно включать такие гарантии КНР. Китайская сторона (к этому времени больного Чжоу Эньлая заменил в качестве основного переговорщика Дэн Сяопин) не собиралась связывать себе руки и настаивала на “японском варианте” нормализации, который ей был обещан. Дэн Сяопин заявил, что “Тайвань — это внутреннее дело, в которое никто не имеет право вмешиваться”²⁵. В апреле 1975 г., после падения сайгонского режима, администрация Дж.Форда осознала невозможность каких-либо дальнейших уступок КНР по Тайваню до следующих президентских выборов. По словам Киссинджера, “падение Сайгона создало контекст, в котором какое-либо значительное изменение отношений с Тайванем, предполагающее, что мы бросаем на произвол судьбы еще одного союзника, будет неприемлемым”²⁶.

В 1974 г. китайская сторона выдвинула три условия нормализации отношений — выход из договора о взаимной обороне с Тайванем, прекращение с ним официальных отношений, вывод всех вооруженных сил США с Тайваня. Хотя Киссинджер и согласился на эти условия, но он так и не смог довести до конца дело нормализации отношений с Пекином. Эта задача досталась при-

шедшей к власти после победы на выборах в 1976 г. администрации президента Дж. Картера²⁷.

В августе 1977 г. госсекретарь С. Вэнс посетил Пекин. К разочарованию китайской стороны, предложенные им условия установления дипломатических отношений были для нее хуже, чем "японский вариант", обещанный предыдущей администрацией. Вэнс огласил условия американской стороны, согласно которым предполагалось сохранить на Тайване американское представительство, укомплектованное государственными служащими, хотя и не в ранге посольства. Дэн Сяопин резко отверг такое предложение, обвинив новую администрацию в отходе от обещаний, данных ее предшественницей²⁸. После неудачной миссии Вэнса все большую роль в китайской политике США начал играть помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, который стремился наладить отношения с Пекином прежде всего для противодействия Советскому Союзу. Он посетил Пекин в мае 1978 г. и заверил, что "президент Соединенных Штатов принял решение" нормализовать отношения. Бжезинский объявил, что после установления дипотношений все американские госслужащие покинут остров. Визит положил начало переговорам об установлении дипломатических отношений, которые было поручено вести главе миссии связи США в Пекине Л. Вудкоку²⁹.

В процессе обсуждения нормализации американо-китайских отношений важным вопросом в американской повестке была гарантия неприменения силы против Тайваня, тогда как китайская сторона стремилась добиться прекращения американских военных поставок на остров.

19 сентября 1978 г. на встрече с главой китайской миссии связи в Вашингтоне Чай Цзэминем президент Картер следующим образом сформулировал американскую позицию по тайваньскому вопросу в связи с предстоящей нормализацией отношений: во-первых, присутствие США на Тайване будет неофициальным; во-вторых, торговые, культурные и другие контакты с островом будут продолжаться; в-третьих, продажа оборонительного оружия Тайваню после нормализации отношений с КНР также продолжится; в-четвертых, США сделают заявление, в котором будет выражаться надежда на мирное решение тайваньского вопроса; в-пятых, денонсация договора о взаимной обороне будет осуществлена через год после установления дипотношений с КНР в соответствии с условиями договора, предусматривающими уведомление противоположной стороны за один год до выхода из него³⁰.

Несмотря на сохранявшиеся разногласия, стороны в октябре 1978 г. согласовали текст совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений, однако оно было сделано достоянием гласности только 15 декабря 1978 г., после того, как Конгресс США прекратил работу в связи с рождественскими каникулами. Нормализация потребовала четырех документов — совместного коммюнике, заявления президента США 15 декабря 1978 г., заявления США и заявления КНР от 1 января 1979 г.

15 декабря 1978 г. Картер зачитал текст совместного американо-китайского коммюнике и заявил, что Соединенные Штаты сохраняют заинтересованность в мирном решении тайваньского вопроса³¹. Дипломатические отношения между КНР и США были установлены с 1 января 1979 г. Второе американо-китайское коммюнике было весьма коротким. США признали правительство Китайской Народной Республики в качестве единственного законного правительства Китая. "В этом контексте народ Соединенных Штатов будет поддерживать культурные, коммерческие и другие неофициальные связи с народом Тайваня". Стороны подтвердили принципы Шанхайского коммюнике и заявили о желании снизить опасность международного конфликта. Соединенные Штаты "приняли к сведению" позицию Китая о том, что есть только один Китай и Тайвань является частью Китая³².

Одновременно с коммюнике 1 января 1979 г. стороны опубликовали свои заявления. В заявлении США говорилось, что они признают правительство КНР как единственное законное правительство Китая, содержалось обещание разорвать дипотношения с КР, выйти из договора о взаимной обороне между США и КР, в течение четырех месяцев вывести с Тайваня персонал, находящийся там в соответствии с данным договором, изменить законы и правила таким образом, чтобы обеспечить поддержание с островом торговых, культурных и других неправительственных связей в новых условиях. США также подтвердили, что продолжают сохранять заинтересованность в мирном решении тайваньского вопроса и ожидают, что тайваньский вопрос будет решен мирно самими китайцами.

Заявление КНР утверждало, что "как известно всем, правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством Китая, и Тайвань является частью Китая... Что касается путей возвращения Тайваня в лоно родины и объединения страны, то это является исключительно внутренним делом Китая"³⁴.

Ключевым неурегулированным вопросом оставались американские военные поставки Тайваню. В прессе Гонконга появились ссылки на неназванного американского дипломата, утверждавшего, что "главный прорыв заключается в том, что Пекин готов игнорировать будущие поставки оружия Тайваню". Эта готовность, впрочем, не была нигде письменно зафиксирована, и КНР не собиралась мириться с продажей Тайваню оружия³⁵.

Картер в процессе подготовки к нормализации отношений обещал китайскому руководству заморозить продажу острову вооружений в 1979 г., однако довел до сведения КНР, что после этого срока поставки возобновятся. Когда Вудкок по инструкции из Вашингтона напомнил об этом Дэн Сяопину на завершающем этапе подготовки коммюнике, тот гневно заявил, что Китай никогда не согласится на продажу США вооружений Тайваню³⁶. На пресс-конференции председатель КПК и премьер Госсовета Хуа Гофэн после опубликования коммюнике заявил: "В ходе переговоров американская сторона упомянула, что она продолжит продавать Тайваню оборонительное оружие после нормализации отношений. Мы ни в коем случае не можем с этим согласиться. Во время переговоров мы неоднократно разъясняли свою позицию. Продолжение поставок вооружений Тайваню после нормализации не отвечает принципам нормализации, препятствует мирному решению тайваньского вопроса и окажет неблагоприятное влияние на мир и стабильность в Азиатско-тихоокеанском регионе и в остальном мире"³⁷.

В этот период обстановка в регионе обострилась в связи с вводом вьетнамских войск в Кампучию. КНР, обещавшая "преподать Вьетнаму урок", нуждалась в поддержке США и, несмотря на заявления, готова была "по стратегическим соображениям" проглотить "горькую пилюлю" — продолжение американских военных поставок Тайваню³⁸.

Интересно отметить, что если в начале семидесятых годов Никсон стал налаживать отношения с КНР во многом в надежде на китайское содействие достойному выходу США из войны в Индокитае, то в конце семидесятых годов уже КНР стремилась нормализовать отношения с США, чтобы развязать себе руки против своего недавнего союзника — Вьетнама.

Китай, не отказываясь от применения силы против Тайваня, начал демонстрировать добрую волю в отношении противоположного берега Тайваньского пролива. 1 января 1979 г., в день установления дипотношений с США, Постоянный Комитет Всекитайского собрания народных представителей опубликовал "Послание тайваньским соотечественникам", провозглашавшее курс на мирное объединение³⁹. В январе 1979 г. Дэн Сяопин осуществил визит в США, в ходе которого заявил: "Мы от всего сердца желаем мирного решения тайваньского вопроса, объединения на благо нашей страны и народа. Это же-

ление выражено в послании ПК ВСНП тайваньским соотечественникам. После нормализации отношений между КНР и США шансов на мирное решение стало больше"⁴⁰.

Нормализация отношений США с КНР, осуществленная в обстановке секретности и без участия американской законодательной ветви власти, оставила нерешенным вопрос о том, каким образом будут осуществляться контакты между США и Тайванем. Коммюнике предусматривало, что обмен посольствами с КНР должен произойти 1 марта 1979 г. Администрация разработала законопроект, регулировавший отношения с Тайванем, однако он был отвергнут Конгрессом США, который счел его недоработанным. В качестве одной из претензий называлось то, что в законопроекте не упоминалось о заинтересованности США в обеспечении безопасности Тайваня и не санкционировались поставки Тайваню оборонительных вооружений⁴¹.

Сотрудники администрации предупредили, что президент наложит вето на закон, который поставит под угрозу отношения с Пекином. Картер заявил, что не примет никакую резолюцию или поправку, которая противоречила бы обязательствам, принятым перед правительством Китая, и дал понять, что не желает брать на США далеко идущих обязательств по обороне Тайваня⁴².

Большинство законодателей не собиралось отказываться от нормализации отношений с КНР и в целом одобряло этот шаг, особенно с учетом перспектив блокирования с Китаем против Советского Союза. Вопрос для них заключался в том, насколько далеко можно было пойти в деле сохранения американо-тайваньских отношений без того, чтобы подорвать нормализацию отношений с КНР. В результате все заинтересованные стороны проявили определенную сдержанность и готовность к компромиссу. Президент балансировал между обязательствами перед КНР и необходимостью нейтрализовать недовольство Конгресса, законодатели понимали, что они вряд ли наберут две трети голосов для преодоления президентского вето, если примут слишком радикальный закон. КНР, встававшая на путь реформ, не была заинтересована в том, чтобы предстать чересчур воинственной по отношению к Тайваню. Тайвань, наиболее слабый игрок, вынужденный согласиться на любое более или менее приемлемое предложение со стороны США, в результате получил достаточно выгодные условия в форме Закона об отношениях с Тайванем.

13 марта законопроект был принят Конгрессом США, однако он мог вступить в силу только после подписания его президентом. 16 марта министр иностранных дел КНР Хуан Хуа встретился с американским послом Вудкоком и выразил ему протест в связи с принятием американским Конгрессом законопроекта, который "по многим пунктам противоречит китайско-американским коммюнике". Он заявил, что во время нормализации отношений американская сторона ясно заявила о том, что признает КНР в качестве единственного законного правительства Китая, что Тайвань является частью Китая и что между Америкой и Тайванем могут существовать только неофициальные отношения. Мининдел охарактеризовал принятый Конгрессом законопроект как "попытку, в сущности, в определенной степени сохранить договор о взаимной обороне между США и Чан Кайши". Хуан Хуа расценил это как вмешательство во внутренние дела Китая и придание официального статуса американо-тайваньским отношениям, что является "неприемлемым для китайского правительства". Американский дипломат был предупрежден, что если законопроект будет подписан президентом и обретет силу закона, то новым отношениям между Китаем и США будет нанесен огромный ущерб⁴³. Вместе с тем, Дэн Сяопин дал понять, что не собирается портить отношения с Соединенными Штатами из-за Тайваня. 19 апреля в ходе беседы с членами Комитета по иностранным делам Сената США он выразил недовольствие в связи с планами США поддерживать отношения с Тайванем, однако сказал, что более озабочен ситуацией в мире. Дэн настаивал на том, чтобы США продавали вооружение

Китаю и подчеркивал стратегическую важность усиления Китая для сдерживания СССР⁴⁴.

Закон об отношениях с Тайванем был подписан президентом Картером и вступил в силу 20 апреля 1979 г. Китай предпочел игнорировать это событие, и материковые СМИ никак на него не отреагировали.

В пункте "б" статьи 2 закона в качестве политики США перечислены, в частности, следующие положения:

"ясно дать понять, что решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой основывается на ожидании, что будущее Тайваня будет определено мирным путем;

считать любые попытки определить будущее Тайваня каким-либо иным путем, кроме мирного, включая бойкоты и эмбарго, угрозой миру и безопасности в Западно-тихоокеанском регионе и предметом серьезной озабоченности США;

снабжать Тайвань оружием оборонительного характера;

поддерживать возможность Соединенных Штатов противодействовать любому проявлению силы, которое поставило бы под угрозу безопасность социальной и экономической системы народа Тайваня".

Пункт "а" статьи 3 предусматривает, что Соединенные Штаты сделают доступным для Тайваня такие товары и услуги в сфере обороны и в таком количестве, в каком может быть необходимо, чтобы позволить Тайваню поддерживать достаточные возможности самообороны.

Статья 4 предусматривает, что законы Соединенных Штатов будут применяться в отношении Тайваня таким же образом, как они применялись в отношении Тайваня до разрыва дипотношений⁴⁵.

Исполнительная ветвь власти (Госдепартамент США) в соответствии с положениями статьи 13 закона разработала правила, непосредственно регулирующие практические вопросы взаимоотношений с Тайванем. Эти правила (не публикуются) определяют порядок проведения встреч, осуществления контактов, поездок, переписки, применения терминологии и др. Правила изменяются и дополняются по мере необходимости (в частности, в них были внесены положения о порядке транзитных поездок тайваньских руководителей через территорию США)⁴⁶.

Сенатор Б.Голдуотер осенью 1979 г. начал судебный процесс против администрации Картера в связи с прекращением дипотношений с Китайской Республикой и разрывом с нею союзнического договора. Поскольку согласно Конституции США любой договор должен быть одобрен в Сенате большинством в две трети голосов, Голдуотер требовал, чтобы прекращение договора было одобрено таким же сенатским большинством. 17 октября окружной суд проголосовал в пользу иска Голдуотера, однако Верховный суд США отменил решение суда низшей инстанции⁴⁷.

На президентских выборах США 1980 г. победил Р.Рейган, известный своим отрицательным отношением к "коммунистическому режиму" в Китае. Он резко критиковал китайскую политику Картера и в ходе предвыборной кампании даже заявил о том, что восстановит дипотношения с Китайской Республикой, хотя затем его заявление было дезавуировано. Комитет, выработавший предвыборную партийную платформу республиканцев, решил придерживаться статус-кво в вопросах отношений с КНР и Тайванем, но при этом придавать первостепенное значение оборонным нуждам острова. Помощники Рейгана заявляли, что он собирается идти навстречу Тайваню так далеко, как это возможно в рамках Закона об отношениях с Тайванем. Тем не менее, Рейган назначил государственным секретарем А.Хейга, который в свое время непосредственно ассистировал Киссинджеру в его переговорах с Чжоу Эньлаем. Хейг считал своей главной задачей противодействие Советскому Союзу, для чего было необходимо поддержание хороших отношений с КНР. Руководство КНР довольно быстро осознало эту заинтересованность США. К тому времени

положение Дэн Сяопина как следующего после Мао Цзэдуна лидера Китая значительно укрепилось, в стране разворачивалась масштабная программа экономических реформ, получившая поддержку всех слоев населения. Китайское руководство решило, что созрело время для дальнейшего ограничения американо-тайваньских отношений, прежде всего их самого чувствительного компонента — военно-технического сотрудничества. В прессе была развернута антиамериканская пропагандистская кампания, требовавшая прекращения поставок вооружения Тайваню. В октябре 1981 г. в Мексике, где на международном форуме встретились руководители КНР и США, китайский министр иностранных дел Хуан Хуа в беседе с Хэйгом потребовал от американской стороны назвать дату прекращения военных поставок Тайваню. В противном случае КНР угрожала понижением уровня дипломатических отношений. Незадолго до этого КНР уже поступила таким образом в отношении Нидерландов, отозвав своего посла в этой стране из-за продажи Тайваню двух подводных лодок⁴⁸. После Мексики Хуан Хуа посетил США, где принял участие в сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 29 октября китайский министр вновь встретился с Хэйгом. Тот отказался назвать дату прекращения поставок и предупредил Китай о недопустимости применения практики ультиматумов в отношении США, однако заверил при этом, что количество и качество поставляемых вооружений не будет расти по сравнению с последним годом администрации Картера⁴⁹. Американская сторона рассчитывала, что такое обязательство не свяжет ей руки, т.к. в 1980 г. острову было предоставлено военной продукции на рекордную сумму в 550 млн. долл.⁵⁰

На основе данного заверения Хэйга стороны начали консультации, которые привели к подписанию 17 августа 1982 г. третьего коммюнике, посвященного главным образом вопросам военных поставок на Тайвань. В ходе подготовки коммюнике американская сторона уведомила, что не будет продавать Тайваню модифицированные истребители F-5G, что не смогло умиротворить КНР, продолжавшую активную антиамериканскую кампанию в прессе. США, вместе с тем, не собирались отказываться от продолжения совместного производства на Тайване боевых самолетов F-5E/F. 20 августа 1982 г. было крайним сроком для уведомления Конгресса о продолжении данного проекта, поэтому стороны спешили подготовить до этого времени совместное коммюнике⁵¹.

Американская сторона пыталась увязать уменьшение продажи оружия Тайваню с политикой отказа от применения силы, тогда как китайская сторона, не соглашаясь на такого рода обещания, хотела зафиксировать определенную дату прекращения поставок⁵². В разгар подготовки коммюнике госсекретарь Хэйг подал в отставку, которую связывали не в последнюю очередь с недовольством и несогласием Белого дома со слишком “прокитайской” политикой Госдепартамента. В меморандуме о состоянии дел в американо-китайских отношениях, составленном Хэйгом перед тем, как покинуть пост, рекомендовалось согласиться на требование китайцев назвать дату прекращения поставок, поскольку в противном случае понижение уровня отношений представлялось госсекретарю неизбежным⁵³.

В итоге США по личному указанию Рейгана все же не пошли на фиксирование конкретной даты, как того хотела китайская сторона. В подписанном 17 августа 1982 г. коммюнике США заявили, что не имеют намерений вмешиваться во внутренние дела Китая, проводить политику “двух Китаев” или “одного Тайваня, одного Китая”. Пункт 6 коммюнике зафиксировал следующую позицию США по вопросу военных поставок Тайваню: “Правительство Соединенных Штатов заявляет, что не собирается проводить долгосрочную политику продажи вооружений Тайваню, что продаваемые Тайваню вооружения не будут превосходить ни по количественным, ни по качественным показателям уровень тех, которые были предоставлены в годы после установления дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Китаем, и что

оно намеревается постепенно сокращать продажу вооружений Тайваню, что приведет через некоторое время к окончательному ее прекращению". КНР, в свою очередь, заявила, что придерживается "фундаментальной политики стремления к мирному решению" тайваньского вопроса⁵⁴.

Тайваньской стороне было известно о подготовке коммюнике по вопросам продажи вооружений острову, и она заранее приняла свои меры. Глава тайваньского представительства в США в июле 1982 г. передал помощнику госсекретаря Дж.Холдриджу, непосредственно руководившему переговорами с КНР, что тайваньская сторона хотела бы, чтобы США руководствовались в отношении острова шестью пунктами, включающими отказ от: 1) установления даты прекращения военных поставок на Тайвань, 2) проведения консультации с КНР о военных поставках Тайваню, 3) посредничества в отношениях между КНР и Тайванем, 4) пересмотра Закона об отношениях с Тайванем, 5) изменения позиции США по вопросу суверенитета Тайваня, 6) оказания давления на Тайвань с целью побудить его к переговорам с КНР. Рассмотрев эти предложения, Госдепартамент и Белый дом сочли их приемлемыми, и Холдридж уведомил тайваньскую сторону, что американская сторона согласна с ними. 27 июля 1982 г. он озвучил эти шесть пунктов в ходе слушаний в Конгрессе США⁵⁵. В день опубликования коммюнике, 17 августа 1982 г, тайваньский МИД выступил с заявлением, в котором перечислялись шесть гарантий, данных острову Соединенными Штатами⁵⁶.

Коммюнике 1982 г. в основном завершило формирование нормативной базы как американо-китайских, так и американо-тайваньских связей. До настоящего времени отношения между ними продолжают строиться на этой основе.

Можно видеть, что позиция КНР в тайваньском вопросе по существу не претерпела принципиальных изменений с пятидесятых годов. Ее суть заключается в том, что дипломатические отношения могут быть установлены только в случае расторжения таковых с Китайской Республикой на Тайване и признания партнером т.н. "тройной формулы" в отношении Тайваня ("В мире существует только один Китай, Тайвань является частью Китая, правительство КНР является единственным законным правительством Китая"). Постепенно это привело к признанию подавляющим большинством международного сообщества данной позиции КНР и к дипломатической изоляции Тайваня. Китай, выдвинувший в 1955 г. пять принципов мирного сосуществования, считает тайваньский вопрос своим внутренним делом и не распространяет на него эти принципы. С приходом к власти Дэн Сяопина КНР модифицировала свою позицию по отношению к Тайваню — если ранее лидеры считали невозможным мирное объединение, то с 1979 г. такой вариант объявлен не только как возможный, но и как предпочтительный. Вместе с тем, Китай резервирует право использования силы для решения тайваньского вопроса. Все попытки США получить от Китая обещание мирного решения не привели к успеху. В то же время это обстоятельство способствовало тому, что США, расторгнув договор о взаимной обороне с Тайванем, не бросили своего бывшего союзника на произвол судьбы и, фактически в нарушение коммюнике 1982 г., снабжают его вооружением, необходимым, по их мнению, для обороны острова.

Если позиция Китая характеризуется принципиальной неизменностью, то позиция США с 1949 г. претерпевала ряд существенных изменений. До 27 июля 1950 г. США не оспаривали принадлежность Тайваня Китаю, затем до 28 февраля 1972 г. их позиция заключалась в том, что статус острова не определен. В Шанхайском коммюнике США заявили, что не ставят под сомнение позицию китайцев по обе стороны пролива о том, что есть только один Китай и что Тайвань является частью Китая. В коммюнике об установлении дипотношений от 1 января 1979 г. США признали правительство КНР в качестве единственного законного правительства Китая и приняли к сведению позицию Китая о том, что есть только один Китай и Тайвань является его частью. На-

конец, в коммюнике от 17 августа 1982 г. США заявили, что не имеют намерений вмешиваться во внутренние дела Китая, проводить политику "двух Китаев" или "одного Тайваня, одного Китая". Постоянным элементом политики США в тайваньском вопросе является заинтересованность в его мирном решении, которую они выразили еще в 1955 г. в начале переговоров с КНР на уровне послов. При этом США не только предупреждают против использования силы, но и, начиная с 1950 г., используют свое влияние для того, чтобы удержать правительство на Тайване от провоцирования КНР. Достаточно ярко эта регулятивная роль США проявилась во время периодических обострений ситуации в Тайваньском проливе, например во время кризисов 1954-1955 гг., 1958 г. и 1995-1996 гг.

Очевидно, что самым слабым звеном является Тайвань, вынужденный зависеть от поведения двух больших держав. Вместе с тем, на острове извлекли уроки как во внутренней, так и во внешней политике из процесса нормализации отношений США и КНР. Если на протяжении пятидесятих и шестидесятих годов авторитарный гоминьдановский режим обосновывал свою легитимность подготовкой к триумфальному возвращению на материк и рассматривал Тайвань как временную базу, где осуществляется такая подготовка, то затем он стал уделять все большее внимание социально-экономическому развитию острова, а постепенно — и политическому реформированию в направлении демократизации. Тайваньская дипломатия научилась использовать тот факт, что внешняя политика США строится под влиянием и при участии различных сил. Для исполнительной ветви власти США (прежде всего президентская администрация и Госдепартамент) отношения с КНР гораздо важнее связей с Тайванем. Законодательная власть, как правило, дружелюбно настроена в отношении острова и является его главным союзником в Вашингтоне. Общественное мнение с девяностых годов, под влиянием демократизации Тайваня и событий на площади Тяньаньмэнь, симпатизирует Тайваню и критически настроено в отношении Китая. Интересы бизнеса, в свою очередь, диктуют выгодные КНР решения, однако и у Тайваня есть определенная поддержка, прежде всего от ВПК. Достигнув высокой степени влияния на процессы выработки решений, тайваньское лобби стало серьезным внутривластным фактором в США.

Несмотря на драматические изменения как на международной арене, так и во внутривластном окружении на материке и на острове, с 1949 г. в Тайваньском проливе поддерживается статус-кво, однако тайваньский вопрос остается нерешенным.

1. Чжунго дагу яньцзю цзибэнь шоуцэ [Справочник по основам исследования материкового Китая]. Тайбэй, 2002. С. 16-18.
2. Hungdah Chiu. China and the Question of Taiwan. N.Y., 1973. P. 221-222.
3. Ibid. P. 228.
4. Чжунго дагу яньцзю цзибэнь шоуцэ. С. 16-18.
5. Holdridge John. Crossing the Divide. An Insider's Account of Normalization of US-China Relations. Maryland, 1997. P. 8.
6. Ху Вэйчжэн. Мэйго дуйхуа "игэ чжунго" чжэнцэ чжи яньбянь. Ху Вэйчжэн. [Эволюция политики "одного Китая" США в отношении Китая]. Тайвань, 2001. С. 18-19.
7. Holdridge John. Op. cit. P. 21.
8. Foreign Affairs. October 1967. Vol. 46. P. 121.
9. Holdridge John. Op. cit. P. 27-28.
10. Ibid. P. 32.
11. Mann James. About Face. N.Y., 2000. P. 23.
12. The Taiwan Question and Reunification of China, <http://www.china.org>
13. Kissinger Henry. White House Years. 1979. P. 765.
14. Mann James. Op. cit. P. 33.

15. Holdridge John. Op. cit. P. 60
16. Сайт Национального архива безопасности, <http://www.gwu.edu/nsarchiv>; Лянь хэ бао. 2002. 1 марта.
17. Сайт Нац. архива безопасности...; Лянь хэ бао. 2002. 24 мая.
18. Сайт Посольства КНР в США, <http://www.china-embassy.org>
19. Holdridge John. Op. cit. P. 75.
20. Tyler Patrick . A Great Wall: Six Presidents and China. Taipei, 2000.
21. Holdridge John. Op. cit. P. 76.
22. The Kissinger Transcripts. N.Y., 1998. P. 66-67.
23. Ibid. P. 114.
24. Ibid. P. 117.
25. Ibid. P. 258.
26. Ibid. P. 372.
27. Holdridge John. Op. cit. P. 171-172.
28. Mann James. Op. cit. P. 83.
29. Mann James. Op. cit. P. 88-89.
30. Holdridge John. Op. cit. P. 183.
31. Ibid. P. 184.
32. Сайт Посольства КНР в США, <http://www.china-embassy.org>
33. Лянь хэ бао. 2002. 28 февраля; Taiwan News. 5 March 2002.
34. Dreyer. June Teufel. China's Attitude Toward the Taiwan Relations Act. The Legacy of the Taiwan Relations Act. Taipei, 1999. P. 99-100.
35. Ibid. P. 100.
36. Mann James. Op. cit. P. 91.
37. Цит. по: Dreyer June Teufel. Op. cit. P. 102-103.
38. Holdridge John. Op. cit. P. 186.
39. Чжунго дагу яньцзю цзибэнь шоуцэ. С. 16-29.
40. Holdridge John. Op. cit. P. 186.
41. Dreyer June Teufel. Op. cit. P. 104.
42. Ibid. P. 106.
43. Ibid. P. 107.
44. Ibid. P. С. 110.
45. Цит. по <http://www.taiwandocuments.org/tra>
46. Bellocchi Nat. US Policy Toward a Changing Taiwan. The Legacy of the Taiwan Relations Act. Taipei, 1999. P. 5.
47. Dreyer June Teufel. Op. cit. P. 113.
48. Holdridge John. Op. cit. P. 212.
49. Ibid. P. 213.
50. Ibid. P. 196.
51. Ibid. P. 220.
52. Ibid. P. 217.
53. Mann James. Op. cit. P. 126.
54. Сайт Посольства КНР в США, <http://www.china-embassy.org>.
55. Holdridge John. Op. cit. P. 232.
56. Ibid. P. 293.

Эпидемия атипичной пневмонии в КНР

© 2003

В. Портяков

Одним из наиболее заметных событий международной жизни в 2003 году стала эпидемия атипичной пневмонии, или "синдром острого респираторного заболевания" (по первым буквам английского названия — SARS). Хотя болезнь была выявлена примерно в двух десятках стран и регионов мира, в наибольшей степени она затронула территории, населенные этническими китайцами — КНР, Тайвань, Гонконг. (Канадский город Торонто не является исключением — сюда с 60-х гг. XX века перебралось порядка 300 тысяч китайцев из Гонконга). Несмотря на относительную непродолжительность — всего несколько месяцев — и достаточно скромные масштабы эпидемии, она явилась серьезным испытанием для всего китайского социума и, прежде всего, для КНР, где было зафиксировано наибольшее число пострадавших (по официальным данным, свыше 5300 заболевших и порядка 330 умерших).

По неподтвержденным данным, начальные единичные случаи SARS в КНР датируются ноябрем 2002 года. Более определенно, однако, можно констатировать, что массовые заболевания впервые были зафиксированы в январе 2003 года в провинции Гуандун. В период Праздника Весны, отмечавшегося 1 февраля (китайский Новый год по лунному календарю), в гуандунских газетах были опубликованы как достаточно подробная информация о странной болезни в провинции, так и репортажи об элементах паники среди населения Гуанчжоу, сметавшего с полок магазинов продукты с длительными сроками хранения. Даже пекинская англоязычная газета China Daily поместила материал об отравлении супругов из Гуандуна парами китайского соевого уксуса при проведении ими дезинфекции от новой болезни в своей квартире.

Судя по всему, центральные власти КНР упустили возможность подавить эпидемию в самом начале или хотя бы максимально локализовать ареал ее распространения. Справедливости ради следует отметить, что принятию эффективных мер объективно мешал неизвестный характер заболевания. В какой-то мере притупляло бдительность и то обстоятельство, что до поры до времени SARS в КНР практически не выходила за пределы Гуандуна — из 1190 случаев заболевания, выявленных в стране до конца марта, 1153 случая, или 97%, были зафиксированы именно в провинции Гуандун. Вместе с тем, главная причина неадекватной реакции властей на ситуацию кроется в специфике момента — приближалась сессия парламента нового созыва, призванная сформировать новый состав правительства и завершить обновление высшего эшелона китайского руководства в целом. Старое руководство уже фактически сдавало дела, а новое еще не получило бразды правления в свои руки. Так что в этот период — в феврале-марте 2003 года — высокая политика потеснила все остальное. Плюс к этому, ни старому, ни новому руководству на этапе пе-

редачи власти плохие новости были не нужны. В результате тема странной болезни исчезла со страниц печати, но надежные заслоны на пути ее распространения поставлены не были.

Последствия не заставили себя ждать. С начала апреля атипичная пневмония стала приобретать масштабы эпидемии в Гонконге. Заговорили о ней и применительно к Пекину, правда, поначалу в сугубо успокоительных тонах — мол, в городе отмечено всего несколько случаев (по некоторым данным, первый больной прибыл в Пекин из провинции Шаньси 18 марта). По сути дела, первые открытые пресс-конференции только что вновь назначенного министром здравоохранения Чжан Вэнькана вводили китайскую и международную общественность в заблуждение относительно реальных масштабов, географии и, главное, темпов распространения эпидемии. Правда выплыла наружу благодаря личному мужеству одного из врачей военных госпиталей, сообщившего гонконгским журналистам о том, что пекинские власти, заявляя всего о нескольких больных SARS в городе, не включают сюда данные по военным госпиталям, где таковых значительно больше. Хотя эти сведения были опубликованы в South China Morning Post еще в начале апреля, на принятие решительных мер потребовалось еще примерно полмесяца. И только в последней декаде апреля борьба с эпидемией атипичной пневмонии вышла в КНР на позицию абсолютного общегосударственного приоритета.

Во главе специально созданного руководящего штаба по борьбе с SARS была поставлена вице-премьер У И, по совместительству назначенная и министром здравоохранения вместо смещенного Чжан Вэнькана. Еще одной политической жертвой атипичной пневмонии стал новый мэр Пекина Мэн Сюэзун, в экстренном порядке замененный на Ван Цишаня (секретарь парткома Хайнаня, а до этого — глава Канцелярии Госсовета КНР по экономической реформе, долгие годы проработавший в парткоме Пекина).

Начались публикации ежедневных сводок о динамике эпидемии (количество вновь заболевших, умерших, подозреваемых и общее количество пострадавших) и ее распространении по регионам страны (в Пекине публиковались данные о заболевших в разбивке по районам и пригородам). В срочном порядке был принят ряд организационных мер, направленных на сдерживание эпидемии. В частности, в столице были определены 19 базовых госпиталей и больниц для лечения больных SARS, куда немедленно переместили из других медицинских учреждений всех заподозренных в заболевании атипичной пневмонией. В поселке Сяотаншань к северу от Пекина в ударном порядке был построен спецгоспиталь для содержания больных. Ряд жилых компаундов в столице был взят под карантин. Медики, постоянно подвергавшиеся опасности заражения, были надлежащим образом экипированы. Им выделялись специальные места для отдыха.

О беспрецедентной серьезности ситуации свидетельствовали такие шаги властей, как отмена первомайской “золотой” туристической недели и зрелищных мероприятий, прекращение занятий в пекинских вузах и запрет студентам покидать территорию университетских городков. Заметно сократились масштабы строительных работ, при этом занятым на них рабочим-мигрантам предписывалось не возвращаться в родные места.

С целью повышения сознательности, ответственности и дисциплинированности населения, а также для подтверждения легитимности действий властей в контексте борьбы с атипичной пневмонией центральная печать КНР в конце апреля широко растиражировала Закон о профилактике и борьбе с инфекционными болезнями, принятый в 1989 году. Согласно разъяснениям Верховного народного суда КНР, в случаях сопротивления действиям властей по

борьбе с SARS и попустительства распространению эпидемии виновные подлежали привлечению к уголовной ответственности.

Определенную позитивную роль сыграло оглашение по линии Минздрава КНР первых внятных рекомендаций по профилактике и лечению атипичной пневмонии. Были названы антибиотики (тетрациклин, доксицилин и т.п.) и лекарственные сборы традиционной китайской медицины, облегчающие течение болезни или даже позволяющие уберечься от нее. Поскольку, как предполагалось, SARS может распространяться не только воздушно-капельным, но и контактным путем, населению рекомендовалось регулярно мыть руки с мылом под струей текущей воды (в Китае принят иной способ умывания), пользоваться индивидуальным полотенцем, носить маски в местах скопления людей, регулярно проветривать помещения и измерять температуру тела (высокая температура однозначно называлась в качестве наиболее характерного симптома болезни).

Началась сплошная дезинфекция транспортных средств и немногих оставшихся открытыми пекинских достопримечательностей. В столичном аэропорту ввели автоматическое измерение температуры и рентгеноскопию пассажиров. Перед лицом в одночасье обнажившихся слабостей национальной системы здравоохранения Пекин счел необходимым обратиться за помощью к международному сообществу, выделив внушительные средства на экстренный импорт диагностического оборудования, медикаментов и средств гигиены. Был ужесточен контроль за качеством защитных масок, одноразовых перчаток, термометров и т.п., закупленных у отечественных производителей. Особое значение придавалось предотвращению переползания эпидемии в деревню, где к восстановлению системы здравоохранения только собирались приступить (прежняя кооперативная система здравоохранения на селе за годы реформ была фактически полностью разрушена). Надо сказать, что в пригородах Пекина крестьяне по собственной инициативе перекрывали дороги, не пуская машины с пекинскими номерами в традиционные места отдыха (горные ущелья, форелевые хозяйства и т.д.).

Между тем экстраординарные действия властей поначалу не только не успокоили население, но в какой-то мере даже подстегнули рост панических настроений у граждан, особенно в Пекине. Несомненно, свою лепту внесло и стремительное перемещение главного ареала распространения эпидемии в Пекин и соседние с ним регионы, а также быстрый рост числа заболевших — подчас до 200 человек в день (возможно, реальное количество инфицированных было меньше, но властям пришлось задним числом восполнять статистическую недостачу первых двух декад апреля). В целом к концу апреля число больных SARS в КНР достигло 3460 человек, в том числе 3368 случаев, или 97%, в Гуандуне и пяти регионах северного Китая (Пекин, Тяньцзинь, Шаньси, Хэбэй, Автономный район Внутренняя Монголия).

Как несколько месяцев назад в Гуанчжоу, люди бросились скупать спички и продукты питания с длительными сроками хранения, из аптек в мгновение ока исчезли рекомендованные лекарства китайской медицины, марлевые повязки и обычные термометры. Явно сократился завоз в Пекин овощей и фруктов, цены на которые незамедлительно выросли. Казалось, что призрак “экономики дефицита”, которому китайцы вроде бы твердо сказали “прощай” десять лет тому назад, вновь появился в столице.

Исходя из личных наблюдений, могу констатировать, что именно последняя декада апреля и первая декада мая психологически стали наиболее трудным временем для подавляющего большинства пекинцев. Видимо, значительная часть жителей предпочла в тот период по возможности не покидать свои дома, и обычно многолюдный Пекин на первый взгляд напоминал картин-

ку из известной детской сказки про датского мальчика Пелле, который за что-то обиделся на всех людей сразу и захотел, чтобы они исчезли из города... Даже прямые призывы властей к пекинцам побольше проводить времени на открытом воздухе не возымели действия. На первомайские праздники известный архитектурный комплекс Дагуанъюань на юго-западе Пекина, где проходили съемки фильма по классическому роману "Сон в красном тереме", оставался практически пустынным, несмотря на начертанные огромными иероглифами объявления, утверждавшие, что территория комплекса подверглась дезинфекции и абсолютно безопасна для посещения. Нежелание горожан посещать в этот период людные места подтверждается и статистическими данными. Так, дневной объем продаж в знаменитом универсаме Байходалоу на улице Ванфуцзин 1 мая 2003 года был на 85 % меньше, чем годом ранее, а в Сиданьском пассаже — на 87 % меньше.

Впрочем, пребывать в самоизоляции пекинцам надоело довольно быстро. И хотя число заболевших продолжало расти, уже в начале второй декады мая народу на улицах заметно прибавилось, а оставшиеся открытыми городские парки, например, Бадачу на западной окраине Пекина, были заполнены людьми как обычно, причем защитные повязки не надевал уже практически никто.

Хотя в мае темпы распространения инфекции несколько снизились, количество заболевших и умерших от атипичной пневмонии продолжало расти, достигнув по состоянию на 29 мая соответственно 5325 и 327 случаев. Около половины из них приходилось на Пекин (на 23 мая, например, 2456 заболевших и 158 умерших). Появился, однако, и свет в конце тоннеля. К концу месяца из госпиталей и больниц выписалось свыше 3100 человек, переболевших атипичной пневмонией и, тем не менее, выздоровевших. Несмотря на то, что часть рабочих-мигрантов сумела преодолеть заградительные барьеры и выбраться из Пекина (по слухам, их за большие деньги вывозили окольными путями таксисты), в целом массовую эпидемию SARS в сельской местности удалось предотвратить. На конец мая, по данным Минздрава КНР, атипичной пневмонией заболел только 241 крестьянин.

Более адресный характер обрело стремление руководства в центре и на местах придать борьбе с эпидемией четкий правовой статус. Так, в кратчайшие сроки были разработаны и обнародованы Положение Госсовета об экстренном реагировании на внезапные инциденты в сфере общественного здравоохранения и документ Минздрава "Методы контроля за профилактикой и лечением инфекционной атипичной пневмонии".

Руководство страны, не умаляя приоритетный характер борьбы с атипичной пневмонией, одновременно призвало общество к всемерной заботе о развитии экономики и объявило о существенных налоговых льготах для предприятий в сфере услуг, где негативное воздействие эпидемии оказалось особенно сильным. Так, в мае 2003 года объем продаж в сети общественного питания по КНР в целом по сравнению с маем 2002 года снизился на 15,5%, доходы турфирм упали на 65,1%, таксистов — на 35,6%, досуговых центров — на 45,3%, парикмахерских и салонов красоты — на 38,9%, бань — на 58,3%. Прирост общественного розничного товарооборота (4,3%) оказался не только на 3,4 процентных пункта ниже далеко не идеального апрельского показателя, но и самым низким за весь период с начала 90-х годов. На 41,5% упал в мае объем пассажирских перевозок.

Чтобы придать уверенность населению и показать, что "жизнь кончается не завтра", в сфере экономики были предприняты акции долгосрочного, стратегического характера, такие как публикация документа о дальнейшем расширении и совершенствовании практики замены на селе неналоговых отчислений унифицированным налогом и перевод в практическую плоскость ре-

формы системы управления госимуществом (как известно, на мартовской сессии ВСНП в составе Госсовета был учрежден специальный орган, призванный направлять этот процесс).

С начала июня количество вновь заболевших SARS начинает изо дня в день заметно сокращаться. "Жэньминь жибао" перестает публиковать развернутые сводки о статистике и географии эпидемии. 24 июня Всемирная организация здравоохранения объявляет Пекин городом, безопасным для посещения. В течение июля долечиваются последние больные SARS в медицинских учреждениях, а к середине августа в истории эпидемии атипичной пневмонии в КНР ставится последняя точка.

Итоги борьбы с эпидемией и те уроки, которые Китаю надлежит извлечь из нее на будущее, подвели 28 июля в специальных выступлениях Председатель КНР Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао, отметившие, в частности, как самоотверженность большинства китайских медиков, так и очевидную слабость системы здравоохранения страны.

Попробуем подвести некоторые итоги и мы. В целом очевидно, что Китаю удалось избежать наихудшего варианта развития событий и что апокалиптические прогнозы, строившиеся на допущении затяжного характера эпидемии, не сбылись.

Эпидемия не привела к ослаблению политических позиций тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао. Ответственность за начальное промедление с реакцией на SARS должен был бы, по идее, нести кабинет Чжу Жунцзи, но с него теперь взятки гладки. Новый же состав правительства во главе с Вэнь Цзябао реагировал на ситуацию почти на пределе возможной оперативности.

Самой высокой оценки заслуживают деятельность руководящего штаба Госсовета во главе с У И. Представляют интерес некоторые нюансы взаимоотношений власти с народом, проявившиеся в ходе эпидемии. Борьба с ней показала как неплохой уровень организованности и дисциплинированности граждан КНР, так и их растущую способность к самоорганизации и к защите своих прав и интересов (показательны, например, протесты жителей Сяотаншаня против строительства инфекционной больницы на их территории).

Видимо, неслучайно в своей речи по случаю 82-й годовщины Компартии Китая, посвященной разворачиванию в стране кампании углубленного изучения доктрины "трех представительств", Ху Цзиньтао вновь сделал особый акцент на необходимости сохранения и укрепления максимально тесной связи партии с народом (Цзян Цзэминь однозначно отдавал приоритет задаче развития передовых производительных сил). Не исключено также, что те трудности, с которыми столкнулась КНР в преодолении эпидемии, послужат для Ху Цзиньтао дополнительным аргументом в пользу утверждения в среде кадровых работников стиля скромности и бережливости, ориентация на который была провозглашена новым генсеком ЦК КПК в январе 2003 года при посещении революционной базы Сибайпо в провинции Хэбэй.

В числе негативных политических последствий эпидемии SARS (правда, скорее косвенных, чем прямых) можно назвать осложнение внутренней ситуации в Гонконге (его в Пекине на какое-то время явно выпустили из виду) и появление новых поводов для трений материка с Тайванем. В частности, на повышенных тонах дискутировался вопрос о том, откуда проникла на Тайвань атипичная пневмония (на острове многие утверждали, что из КНР, где, в свою очередь, это яростно отрицали). Немало хлопот региону доставило и требование Тайбэя о его участии в мероприятиях по линии ВОЗ, связанных с SARS.

Наконец, нарекания у международного сообщества вызвал недостаток гласности и попытки приукрасить ситуацию на начальном этапе эпидемии. В другой раз Пекину этого просто так не спустили бы, однако на фоне вопиющих

неувязок англо-американского досье по Ираку с реальными фактами западные СМИ на этот раз особый шум по поводу Китая поднимать не стали.

Ущерб, нанесенный эпидемией экономике КНР, оказался серьезным, но не смертельным. Прирост ВВП с рекордных 9,9% в первом квартале 2003 года снизился до 6,7 % во втором квартале (по сравнению с соответствующими периодами 2002 года). В условиях очевидного ослабления внутреннего спроса поддержать экономический рост помогла высокая степень вовлеченности КНР в мировое хозяйство. Несмотря на эпидемию, в апреле-июне сохранились заданные в начале года очень высокие темпы прироста объема внешней торговли и привлечения прямых иностранных инвестиций. Вместе с тем, некоторые негативные последствия для экономики страны могут более полно проявиться в дальнейшем. В частности, сжатие сферы услуг, неприятное само по себе, грозит обострить и без того тяжелую ситуацию с занятостью (по некоторым данным, количество рабочих мест в сфере услуг за период эпидемии сократилось на три миллиона). Скорее всего, придется отодвинуть на неопределенный срок недавние “наполеоновские планы” превращения КНР к 2010 году в мирового лидера по числу привлеченных иностранных туристов. Неясно, что будет с внутренним туризмом и с набравшей обороты “экономикой выходного дня”. Изменится ли модель поведения рядовых китайцев и насколько — скорее всего, покажет празднование уже следующего Праздника Весны.

На наш взгляд, еще более существенны и многоплановы последствия эпидемии SARS в социальной сфере.

Ощутимый удар был нанесен по доходам крестьян, рост которых после нескольких лет фактического топтания на месте только начал выходить на уровень, сопоставимый с ростом доходов городского населения. Во втором квартале среднедушевые наличные доходы крестьян упали на 35 юаней, или на 4,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2002 года. Усугубляет положение и то обстоятельство, что порядка 6 млн. рабочих-мигрантов всеми правдами и неправдами вернулись из городов в родные села, оставив семьи без важнейшего источника доходов.

Новой проблемой стали гонения на граждан, переболевших атипичной пневмонией, вплоть до увольнения с работы. Министерство труда и социального обеспечения было вынуждено принять специальный циркуляр о защите законных прав этой категории населения.

Однако нет худа без добра. Эпидемия предельно четко выявила слаботи системы медицинского обслуживания и здравоохранения в Китае. Разумеется, одним махом выправить все недочеты не удастся, однако политический импульс движению в нужном направлении дан, а здравоохранение в центре и на местах получило дополнительную финансовую поддержку. Кроме того, телу этого китайское руководство или нет, но после эпидемии SARS в ползрения общественности попали и другие опасные болезни — такие как СПИД и вирусный гепатит, о значительных масштабах распространения которых в Китае уже давно поговаривают в мире. Немаловажно и то обстоятельство, что эпидемия в какой-то мере показала всю порочность курса на одностороннюю коммерциализацию системы медицинского обслуживания, ведь в ряде случаев врачи отказывались принимать пациентов, больных SARS, без предварительной оплаты, и те несли инфекцию дальше...

Что касается внешнеполитической сферы, то здесь прямые негативные последствия эпидемии выглядят умеренными. Было отменено проведение ряда международных мероприятий на территории КНР. Наиболее болезненным явился срыв намечавшегося на май Форума Боао на острове Хайнань, продвигаемого Пекином на роль “китайского Давоса”, но пока явно не раскрученного. Были смещены сроки многих визитов и двусторонних мероприятий раз-

личного уровня. Заметные сложности наблюдались в работе дипкорпуса в Пекине. Тем не менее, КНР не выпала из общей канвы международной жизни. В последней декаде апреля в китайской столице состоялись важные контакты представителей США и КНДР. В конце мая Ху Цзинтао посетил с официальными визитами Россию, Казахстан и Монголию и принял полноценное участие в саммите глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в Москве и в юбилейных торжествах в Санкт-Петербурге.

Вместе с тем для имиджа КНР на международной арене эпидемия не прошла бесследно. Похоже, мир отныне довольно долго будет взирать на Китай сквозь призму атипичной пневмонии, как бы прикидывая, а не преподнесет ли Пекин планете еще какой-нибудь неприятный сюрприз. Так сказать, один пишем, два в уме...

Несколько слов о причинах эпидемии. Уже на начальном гуандунском этапе медики уверенно называли ее возбудителем одну из разновидностей семейства коронавирусов, обычно не опасного для людей. В гонконгской печати было немало публикаций о том, что провинция Гуандун, где люди, домашняя птица и скот обитают в постоянном тесном соседстве, является, с учетом влажного и жаркого климата региона, естественным инкубатором для формирования весьма причудливых комбинаций и мутаций болезнетворных вирусов. Среди возможных причин эпидемии называлось и пристрастие китайцев к экзотической пище. В последнее время в КНР действительно стало входить в моду потребление мяса диких животных, одно из которых — виверра, родственная мангустам, и была заподозрена как вероятный источник заразы. На наш взгляд, в распространении эпидемии в Пекине несомненную роль сыграли погодные аномалии — вместо обычных “семи ветров” весной 2003 года не было фактически не одного, а сама весна оказалась поздней и холодной.

Самой большой загадкой является то обстоятельство, что эпидемия сошла на нет как-то сама собой — ведь вакцину от SARS создать так и не удалось, да и среди применявшихся для лечения атипичной пневмонии лекарств западной и китайской медицины врачи затруднились назвать какое-либо безусловно эффективное. Совпадение это или нет, но именно по такому сценарию нередко развиваются события во многих фильмах об утечках биологического оружия: в них кажущиеся смертельно опасными инфекции прекращаются сами собой, и большинство заразившихся благополучно выздоравливает. Как известно, версию о чем-то похожем на биологическое оружие в случае с SARS озвучивали и некоторые российские эксперты. Высокая этническая избирательность атипичной пневмонии заставляет подозревать нечто подобное и многих китайцев. Возможно, продолжающиеся исследования помогут в дальнейшем прояснить подлинную причину возникновения эпидемии атипичной пневмонии в КНР.

Хотя в Китае эпидемию SARS и все с ней связанное нередко характеризовали как “кризис”, на наш взгляд, до настоящего политического, социально-экономического и тем более общественного кризиса дело не дошло. В целом руководство и народ страны выдержали нелегкое испытание, выпавшее на их долю. Однако не зря многие китайцы побаивались Года Козы (а именно такой год наступил 1 февраля 2003 года по восточному календарю) — боднула она их весьма ощутимо. Вот и не верь после этого гороскопам...

Центральный аппарат административно-государственного управления современной Японии

© 2003

Н. Анисимцев

С 6-го января 2001 г. в Японии вступила в действие новая структура центрального аппарата административно-государственного управления. Тем самым была реализована важнейшая часть осуществляемой в стране в последние годы административной реформы.

Административная реформа в целом была задумана в неолиберальном/неоконсервативном духе — как “дерегулирование” и “смягчение регулирования”, движение к “малому правительству” (но “сильному государству”) путем его разгрузки от многих дел, которые развитое гражданское общество может решать без государственного вмешательства.

Административная организация страны национального уровня образуется из трёх основных составляющих. Во-первых, кабинет министров, являющийся верховным органом исполнительной власти, и входящие в него вспомогательные структуры. Во-вторых, находящиеся под общим и прямым управлением кабинета административные органы высокого ранга — канцелярия кабинета, министерства, управления и комитеты. В-третьих, часть административных функций фактически исполняется “специальными административными субъектами”.

Кабинет министров

Как установлено ст.65 Конституции Японии, “исполнительная власть осуществляется кабинетом”. В соответствии с принципом разделения трёх ветвей власти кабинет (*найкакэ, Cabinet*) является высшим органом исполнительной власти.

Кабинет состоит из премьер-министра, который возглавляет его, и государственных министров (*жокуму-дайдзин, Minister of State*).

Государственные министры должны быть назначены в своем большинстве из числа депутатов парламента (ст.68 Конституции) и являться гражданскими лицами (ст.66). Назначение их производит премьер-министр. Император лишь подтверждает эти назначения (ст.7).

Допустимое число государственных министров в ходе реформы было сокращено, по закону о кабинете министров (ст.2) оно установлено “в пределах 14” (было “в пределах 20”) с оговоркой о возможности увеличения до 17 в случае особой необходимости¹.

Государственные министры могут быть назначены на должности глав различных административных органов: они могут занимать посты генерального секретаря кабинета министров, начальников некоторых управлений, председателя государственного комитета общественной безопасности. Некоторых государственных министров премьер-министр может по своему усмотрению назначать министрами по особым поручениям.

Функциональные обязанности кабинета определены в ст.73 Конституции. Кабинет выполняет следующие обязанности: добросовестное проведение в жизнь законов, ведение государственных дел; руководство внешними сношениями государства; заключение международных договоров с предварительным или последующим одобрением парламента; организация гражданской службы согласно установленным законами нормам; составление бюджета и представление его на рассмотрение и решение парламенту; издание правительственных указов с целью реализации положений конституции и законов; принятие решений о всеобщей или выборочной амнистии, смягчении и отсрочке наказаний, реабилитации; кабинет представляет на утверждение императора главного судью верховного суда (ст.6), назначает всех других судей верховного суда (ст.79), судей судов низших инстанций из списка кандидатур, представляемых верховным судом (ст.80); кабинет может также принимать решения о созыве чрезвычайных сессий парламента (ст.53) и о созыве чрезвычайной сессии палаты советников (ст.54). Функции кабинета определяются также в Законе о кабинете министров (ЗКМ) и в специальных законах, принимаемых по конкретным вопросам, а именно: кабинет утверждает политический курс в вопросах контроля и надзора за всеми административными органами страны, который затем претворяется в жизнь Премьер-министром (ЗКМ, ст.6); кабинет рассматривает информацию премьер-министра в случае разногласий между отдельными министрами и министерствами относительно их компетенции и даёт консультации, исполняя тем самым арбитражные функции в отношениях министерств (ЗКМ, ст.7); кабинет принимает решения в случаях, когда премьер-министр приостановил мероприятия и распоряжения любого административного органа (ЗКМ, ст.8).

Таким образом, кабинет обладает широкими полномочиями. Ему принадлежит вся полнота исполнительной административной власти в стране, он может оказывать влияние на законодательный процесс, играет важную роль и в формировании судебной власти.

Премьер-министр (*найкакү-соридайдзин, Prime Minister*) предлагается из числа депутатов парламента, он должен являться гражданским лицом (ст.66). Его выдвижение должно предшествовать всем прочим делам парламента. Когда палаты парламента приняли различные решения о выдвижении, и соглашение по кандидатуре премьера не достигнуто на объединенном заседании обеих палат, а также, когда палата советников не приняла своего решения в течение 10 дней после выдвижения премьера нижней палатой (исключая время перерыва в работе парламента), то решением парламента автоматически становится решение палаты представителей (ст.67). Назначение исполняется императором по представлению парламента (с.6).

Обязанности премьера подразделяются на три группы: он является главным министром (премьером) в отношениях с кабинетом министров, он — ответственный министр — руководитель канцелярии кабинета и в этой части ведет работу, аналогичную министрам — руководителям других министерств. Премьер имеет должностные обязанности в качестве ответственного министра и в отношении вспомогательных отделов, непосредственно входящих в кабинет.

В качестве премьер-министра он имеет по конституции широкие полномочия: назначать и отправлять в отставку государственных министров

(ст.68); председательствовать на заседаниях кабинета (ст. 66); присутствовать и выступать на заседаниях парламента (ст.63); представлять законопроекты парламента (ст.72); делать доклады парламента о государственных делах в целом и о внешней политике (ст.72); право предлагать на рассмотрение Кабинета основные направления политики в важнейших сферах государственной деятельности (ст.4); выполнять арбитражные функции в случае неясности разделения компетенции между отдельными министерствами (ст.7); приостанавливать приказы и мероприятия любых административных подразделений (ст.8); возражать против приостановления исполнения административных мер (ст.27 Закона об административных процедурах); назначать временных исполняющих обязанности премьер-министра (ст. 9); назначать временных исполняющих обязанности государственных министров (ст.10); осуществлять высший контроль и надзор за силами самообороны Японии (ст.7 Закона о силах самообороны); объявлять чрезвычайное положение (ст.71-72 Закона о полиции); объявлять чрезвычайное положение в связи со стихийными бедствиями (ст. 105 Закона о стихийных бедствиях).

Процедурной формой, в которой кабинет реализует свои полномочия — осуществлять административно-государственное управление страной, — является заседание кабинета (*какуги, Cabinet Meeting*). Традиционная практика такова, что заседания кабинета проводятся еженедельно по вторникам и пятницам. При необходимости могут проводиться и чрезвычайные заседания кабинета (*риндзи какуги*).

Ранее по традиции руководящая роль премьер-министра в кабинете была ограничена принципом “коллегиальности” и практикой консенсусного принятия решений.

Важнейшей новацией нынешней реформы правительственной структуры в Японии признается внесение поправки в Закон о кабинете министров, касающейся заседаний кабинета. Данная поправка истолковывается как отнесение к полномочиям премьер-министра права инициативы в определении основного курса в области внешней политики, национальной безопасности, менеджмента административных органов и кадров, формирования бюджета. Теперь инициатива в решении этих вопросов переходит от бюрократии к политическому лидеру.

Еще один элемент реформы, направленный на усиление политического руководства, состоит в ослаблении роли административных заместителей в определении курса деятельности министерств и управлений путем увеличения в составе руководящего ядра последних политических назначенцев, депутатов парламента от правящей партии. В прежней структуре правительства “политиками” являлись, помимо министров, только их парламентские заместители (*сэйму дзикан*), по одному-два в министерстве, управлении. Теперь же учреждена должность заместителя министра (*фуку дайдзин*). Установлено, что в административных органах, возглавляющихся государственными министрами, могут назначаться от одного до трех заместителей. Бывшие парламентские заместители теперь именуются парламентскими советниками (*сэймухан*).

Расширение представительства “политиков” в руководстве административных органов дает премьеру-министру большую независимость от поддержки министерской бюрократии. Это означает усиление политического контроля над бюрократией и, в конечном счете, тенденцию к повышению мобильности административной власти.

В целом, роль института премьер-министра в Японии, его полномочия в будущем могут существенно возрасти. В настоящее время в специальных комитетах по изучению конституции, существующих с января 2000 г. в обеих палатах парламента, обсуждается реформа конституции. В числе предлагаемых

новшеств есть проекты введения всеобщих прямых выборов премьер-министра, или выборов премьера одной палатой парламента — палатой представителей. Реализация подобных предложений означала бы укрепление позиций премьер-министра не только в отношениях с административными структурами, бюрократией, но и в отношениях с политическими кругами страны.

В структуру кабинета министров входят подразделения непосредственной помощи кабинету (*найкакю-но тѣхудзоку-но ходзѣ бухѣку*).

Важнейшим среди них является секретариат кабинета (*найкакю-камбо, The Cabinet Secretariat*).

Секретариат кабинета обеспечивает непосредственную помощь и поддержку премьер-министру. В его обязанности сегодня входят: формирование повестки, подготовка вопросов, выносимых на заседание кабинета; планирование, конкретная проработка, общая координация базовых направлений политического курса кабинета, сбор и анализ информации по этим направлениям политики; координация, необходимая для обеспечения единства и согласованности в деятельности всех административных подразделений.

Состав секретариата кабинета значительно расширен и усилен за счет "политиков" и введения дополнительных должностей высокопоставленных чиновников. Предусмотрена также возможность назначения на эти должности "выдающихся лиц", не являющихся государственными служащими.

Руководит работой секретариата генеральный секретарь кабинета (*найкакю-камбо-тѣкан, The Chief Cabinet Secretary*) — чиновник в ранге государственного министра. Традиционно на этот пост премьер-министр назначает влиятельного и опытного политика из собственной внутрипартийной фракции.

Помощь генеральному секретарю оказывают три заместителя (*найкакю-камбо-фуку-тѣкан, The Deputy Chief Cabinet Secretary*), несущие ответственность за вопросы внутренней политики, внешней политики, национальной безопасности и кризисного менеджмента при секретариате кабинета.

Заместители в свою очередь могут иметь помощников (*фуку-тѣкан-хо*), которые оказывают помощь генеральному секретарю, его заместителям, а также инспектору кризисного управления.

В секретариате по представлению премьера назначается инспектор кризисного управления (*найкакю-кихи-канри-кан, Deputy Chief Cabinet Secretary for Crisis Management*). Он оказывает помощь генеральному секретарю и его заместителям, на основании приказа исполняет функции управления в условиях чрезвычайного положения, исключая вопросы, связанные с национальной обороной.

К секретариату относятся советники-помощники премьер-министра (*найкакю-соридайдзин-хосакан, Special Advisor to the Prime Minister*), до пяти. Они подчиняются премьер-министру напрямую, минуя генерального секретаря, разрабатывают рекомендации для него лично и могут по его указанию представлять ему подробное собственное мнение.

В число служащих секретариата входят семь советников-координаторов (*найкакю-сингикан, Cabinet Deliberator*), отвечающих за координацию вопросов повестки заседаний кабинета и общую координацию с целью обеспечения единства деятельности всех административных подразделений.

39 советников кабинета по организационной работе (*найкакю-сандзикан, Cabinet Councilor*) занимаются подготовкой повестки заседаний и рассматриваемых на них вопросов.

Советник кабинета по связям с общественностью (*найкакю-кохокан, Cabinet Secretary for Public Relations*) оказывает помощь генеральному секретарю и его заместителям, инспектору кризисного управления в вопросах ин-

формационного обеспечения и публикаций. При нём работает офис по связям с общественностью (*найкакю-кохосицу*).

Советник кабинета по информации (*найкакю-дзёхокан, The Cabinet Researcher*) отвечает за сбор и анализ информации по важным направлениям работы кабинета. При нём функционирует офис по исследованию информации кабинета (*найкакю-дзёхо-тёсасицу*).

Личные секретари (*хисёкан, Confidential Secretary*) заняты непосредственным, по личным и конфиденциальным вопросам, обслуживанием премьер-министра и всех государственных министров, их численность устанавливается правительственным указом.

Делопроизводитель кабинета (*найкакю-дзимукан*) ведает делопроизводством секретариата.

В составе секретариата кабинета имеются также управляющий делами официальной резиденции премьер-министра (*соридайдзин-кантэй-дзимутё*), советник кабинета по общим вопросам (*найкакю-сомукан*) и его офис (*найкакю-сомукан-сицу*).

Высокий статус секретариата, тенденция его развития, в частности, создание новых должностей и гибкость штатного расписания говорят о существенном возрастании роли этого органа.

Закон о кабинете министров позволяет учреждать специальным законом и другие органы помимо секретариата, необходимые для поддержки деятельности кабинета.

Совет обеспечения безопасности (*андзэн-хосё-кайги, Security Council of Japan*) — один из них, он готовит рекомендации по мероприятиям на случай чрезвычайных ситуаций и по вопросам национальной обороны. В его составе работают премьер-министр, генеральный секретарь кабинета, министры иностранных дел, финансов, председатель государственного комитета общественной безопасности, начальник управления национальной обороны.

Правовое бюро кабинета (*найкакю-хосэй-кёку, Cabinet Legislation Bureau*) осуществляет подготовку и экспертизу представляемых правительственных законопроектов, договоров, указов, готовит доклады кабинету, премьер-министру и всем министрам по правовым проблемам.

Национальная кадровая палата (*дзиндзи-ин, National Personnel Authority*) призвана обеспечить независимую и нейтральную кадровую политику в соответствии с Законом о государственной службе, она работает под общим контролем кабинета.

При кабинете могут учреждаться и действовать временные органы. Подобные органы призваны заниматься преходящими проблемами, после их решения они упраздняются.

Аудиторская палата (*кайкэй-кэнсаин, Board of Audit*). В отечественной научной литературе её название также переводится как ревизионный совет или финансово-ревизионная палата. Это единственный официальный административно-государственный орган, находящийся вне сферы юрисдикции кабинета министров. Аудиторская палата учреждается на основании Конституции (ст.90).

Канцелярия, министерства, комитеты, управления.

Административные органы высшего ранга — кабинет министров и премьер-министр — осуществляют в отношении административных органов более низкого ранга, находящихся под их общим руководством и юрисдикцией (*токацу, канкацу*), общую координацию, управление и контроль. К таким органам относятся канцелярия кабинета, министерства, их внешние структуры — комитеты и управления.

Реорганизованная структура министерств (с января 2001 г.) представлена канцелярией кабинета министров и 10 министерствами: общих дел (*сомусё, Ministry of Public Management, Home Affairs, Posts and Telecommunications*); юстиции (*хомусё, Ministry of Justice*); иностранных дел (*гаймусё, Ministry of Foreign Affairs*); финансов (*дзаймусё, Ministry of Finance*); просвещения и науки (*момбу-кагаку-сё, Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology*); благосостояния и труда (*косэй-родо-сё, Ministry of Health, Labor and Welfare*); сельского, лесного и рыбного хозяйства (*но-рин-суйсан-сё, Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries*); экономики и промышленности (*кэйдзай-сангё-сё, Ministry of Economy, Trade and Industry*); государственной территории и транспорта (*кокудо-коцу-сё, Ministry of Land, Infrastructure and Transport*); по делам окружающей среды (*канкё-сё, Ministry of the Environment*). К ним примыкают два внешних органа Канцелярии, фактически приравняемые к министерствам, – управление национальной обороны (*бозэй-тё, Defense Agency*) и государственный комитет общественной безопасности (*кокка-коан-шинкай, National Public Safety Commission*) (Именно их имеют ввиду японские авторы, употребляя для характеристики новой структуры устойчивое сочетание “1 канцелярия и 12 министерств и управлений”. (В действительности общее число внешних органов – комитетов и управлений “3-й статьи Закона об административной организации государства” (ЗАОГ)” – значительно больше).

Канцелярия кабинета (*найкакү-фу, The Cabinet Office*) является органом, учреждённым на базе бывшей канцелярии премьер-министра (*сори-фу*).

Канцелярия кабинета оказывает помощь в работе кабинета и его секретариата. Она осуществляет базовое планирование, конкретное проектирование, общую координацию деятельности всех административных подразделений государства на наиболее важных направлениях политики кабинета.

Характерной чертой канцелярии кабинета является то, что именно к ней относятся функции, связанные с обеспечением государственной и общественной безопасности страны. Ей подчиняются управление национальной обороны и государственный комитет общественной безопасности с подведомственным ему полицейским управлением, призванные обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность страны. Входящее сюда же управление по делам кредитно-финансовых учреждений занимается не рутинными вопросами финансового оборота (что отнесено к компетенции министерства финансов), а вопросами реагирования на финансовые банкротства и кризисы, поскольку они представляют угрозу национальной безопасности. За проблематикой Окинавы и “северных территорий” проглядывает внимание к специфическим проблемам отношений с США и Россией. Императорский дом традиционно рассматривался как центральное звено национальных устоев Японии, её важнейший идеологический и общественный институт, поэтому сохранение управления императорского двора в составе канцелярии также выглядит органично.

Одновременно некоторые общие межотраслевые функции деятельности администрации, не связанные с вопросами безопасности, переданы во вновь учрежденное министерство общих вопросов, а не сохранены за канцелярией. Тем самым кристаллизуется роль канцелярии кабинета как организатора в решении проблем стратегии и обеспечения безопасности (в широком их смысле).

Высокий статус канцелярии и ранее определялся тем, что её непосредственным руководителем является лично премьер-министр страны.

Теперь в канцелярии сосредоточены и многие другие ответственные должности. Помимо генерального секретаря кабинета, оказывающего непосредственную помощь премьеру в руководстве осуществлением функций канцелярии, и трёх его заместителей, сюда же относятся министры по особым поруче-

ниям (*токумэй- танто-дайджин*, *Minister of State for Special Missions*), три парламентских советника и три заместителя министра.

В целом, преобразованная канцелярия кабинета играет важную и растущую роль как орган поддержки деятельности премьер-министра и кабинета.

Министерство (сё, *Ministry*). Руководители министерств называются **ответственными министрами (сюнин-но дайджин, *Competent Minister*)**. В каждом министерстве в помощь министру учреждаются от 1 до 3 должностей заместителей министров (*фуку-дайджин, Vice-Minister*), парламентские советники (*сэймикан*) от 1 до 3, назначение которых и отставка также осуществляются по представлению ответственного министра. По предварительному назначению министра они могут его замещать во время его отсутствия (ст.17 ЗАОГ).

В ходе реформы число министерств сократилось незначительно, с 12 до 10.

Внутренняя организация министерств и канцелярии имеет сложную структуру. Их костяком являются “собственно министерство/канцелярия” и их “внешние органы”, представленные комитетами и управлениями. “Собственно министерство/канцелярия”, а также их “внешние органы” в свою очередь образуются из нескольких групп органов — “внутренние подразделения”, “сопутствующие органы”, “местные филиалы и отделения”.

Внешние органы (*гайкёку, Independent Organs*) – комитеты и управления. Комитеты и управления, учреждаемые на основании ст.3 ЗАОГ в канцелярии кабинета и министерствах как их внешние органы, в отличие от министерств не являются структурами, непосредственно подчиняющимися кабинету. Их руководители не имеют права напрямую, в обход руководителя министерства издавать приказы, аналогичные министерским, обращаться с докладом к кабинету министров, вносить законопроекты.

В ходе проводимой в стране реформы центрального административного аппарата осуществляется политика разделения руководящей работы на функцию планирования и наиболее общего руководства и на функцию практического проведения политики министерства в жизнь; функция планирования становится приоритетом деятельности министерства, а на внешние органы возлагается преимущественно ответственность за практическую реализацию политики министерства.

Комитеты (*иинкай, Commission*). В японском языке наименование “комитет” (*иинкай*) используется весьма широко. Комитеты “3-й статьи ЗАОГ” (*иинкай, Commission*), или “административные комитеты” следует отличать от административных органов “8-й статьи ЗАОГ”, многие из которых имеют в своём названии слово “комитет” (*иинкай, Council*) как имя собственное. Предназначение комитетов “3-й статьи” состоит в том, чтобы служить реализации задач обеспечения политической демократии внутри бюрократического аппарата, привнести в государственную деятельность честность, объективность, нейтральность.

По способу формирования члены комитетов бывают выборными и назначаемыми; к примеру, члены Государственного комитета общественной безопасности назначаются премьер-министром с согласия депутатов обеих палат парламента, а его председатель назначается премьером из числа государственных министров. Комитеты — органы коллегиального руководства.

В отличие от министерств, где имеется сложная структура “внутренних органов”, в большинстве Комитетов создаются только “исполнительные секретариаты” (*дзимухёку, Executive Office*) или “общие исполнительные секретариаты” (*дзиму-сохёку, General Executive Office*). Государственный комитет общественной безопасности исполняет обязанности через находящийся под его контролем специальный орган — полицейское управление.

Общая динамика развития комитетов показывает, что их число сокращается по сравнению с послевоенным периодом: сегодня существуют один комитет в канцелярии и семь комитетов в министерствах.

Управления (тё, Agency) также являются административным органом "3-й статьи ЗАОГ", внешним органом канцелярии кабинета или министерства. Таксономическую категорию "управление" также следует отличать от слова "управление" в ином, общеупотребительном значении, в частности, от обозначения так называемых "органов 8-й статьи ЗАОГ". К примеру, управление прокурорского надзора (*кэнсацу-тё*) при министерстве юстиции в действительности относится к "органам 8-й статьи", а именно — "специальным органам" в группе "сопутствующих органов" собственно министерств или канцелярии. К ним относится и управление императорского двора.

Управления, как и комитеты, призваны быть проводником практической реализации планов министерств, на них также возлагается ответственность за осуществление самостоятельной, независимой, нейтральной политики.

Когда речь идёт о самостоятельности и нейтральности комитетов, то подразумевается в первую очередь требование обеспечения их идейной и политической независимости. Когда же речь идёт об особенностях управлений, то на первый план выходят соображения прагматического характера, связанные с объёмом или технологической спецификой управленческой работы.

Иногда критерии политического и технологического характера сливаются, разделить их трудно. Таково, к примеру, существующее при канцелярии управление национальной обороны. Оно фактически исполняет обязанности министерства обороны, и поэтому учреждение его должно рассматриваться как правовой механизм, призванный обойти запреты, сформулированные в 9-й статье конституции, запрещающей Японии иметь вооружённые силы и вести войну, следовательно, и иметь Министерство обороны.

В порядке исключения, в единственном экземпляре существует и "управление внутри управления" — это "управление оборонных сооружений" (или "инженерно-строительное управление") внутри управления национальной обороны. Его возникновение, очевидно, обусловлено неофициальным министерским статусом последнего, его косвенным признанием.

Внутренняя структура управлений в целом является систематичной и регулярной, принципы её организации аналогичны организации собственно министерств.

"Собственно министерство/канцелярия" (хонсё/хонпу) состоит из нескольких групп органов.

Группа **"внутренние подразделения" (найбу-букёку, Internal Subdivisions)**.

Для эффективной управленческой работы требуются органы более компактные и специализированные нежели министерства и внешние органы. Одной из групп таких органов являются "внутренние подразделения" собственно министерств и канцелярии.

Внутренние подразделения по объёму своей компетенции и размерам структуры делятся в порядке убывания сверху вниз на секретариат министра и бюро, далее, департамент, внизу — секции, офисы, уполномоченные/ответственные, далее — секторы. Наименьшей единицей в этом ряду является должность (сёку).

Секретариаты министра (дайджин-камбо, Minister's Secretariat) — важнейшие органы внутри министерств. Они учреждаются для руководства работой по исполнению обязанностей административной организации и являются органом, координирующим работу министерства. Секретариат исполняет функции планирования, практического проектирования, координации деятель-

ности министерства, решает кадровые и финансовые вопросы, контролирует официальный документооборот и официальные печати, поддерживает международные сношения. Именно через сеть секретариатов происходит интеграция политической и административной работы.

Бюро (*кёкю, Bureau*) образуются как подразделения высшего уровня при необходимости разделить объём обязанностей министерств и управлений и вести работу, не относящуюся к компетенции секретариата министра. Секретариат министра и бюро являются однопорядковыми по размеру и объёмам задач подразделениями.

Секция (*ка, Division*) — основное универсальное подразделение низшего уровня, которое образуется при разделении объёма компетенции секретариата министра и бюро; все бюро и секретариаты министра состоят из секций. Первая секция внутри бюро/секретариата может иметь различные наименования — секция общих дел, административная секция и т.п., — но именно она выполняет роль координатора деятельности бюро. В секциях функционируют секторы/группы (*какари*).

Встречаются прививаемые к секциям подразделения — “уполномоченный/ ответственный” (*кан, Official*), *офис* (*сичу, Office*), но они не обладают свойством универсального распространения.

Департаменты (*бу, Department*) (иногда переводились как “отделы”) являются промежуточным звеном между бюро и секцией. Они создаются, когда объём работ бюро и количество секций чрезмерно разрослись, и управление стало затруднительным. Департаменты не являются универсальным органом в группе внутренних подразделений.

В ходе реформ с целью повышения эффективности деятельности внутренних подразделений правительство осуществило значительное их сокращение. Общее число секретариатов министра и бюро уменьшено со 128 до 96, а число секций и офисов — с 1200 до 1000.

“Сопутствующие органы” (*фудзоку-кикан*) представляют собой следующую группу органов в структуре собственно министерств и управлений после “внутренних подразделений”. К их числу относятся “комиссии”, “учреждения и другие органы (далее — учреждения)”, “специальные органы”, учреждаемые на основе ст.8 ЗАОГ.

“Внутренние подразделения” успешно справляются с такими задачами как планирование, координация, регулирование административной деятельности, но они не достаточно подходят для работ исследовательского характера, консультаций, предоставления сервиса; эти задачи возлагаются на сопутствующие органы.

Комиссии (*сингикай, Council*) (в литературе их часто называют собирательно “совещательные органы”, “политические комитеты”) могут учреждаться канцелярией, министерствами, управлениями и комитетами. Они учреждаются, когда необходимы высокие знания, квалификация, которые трудно найти внутри бюрократического аппарата. Фактически все научные, консультационные органы правительства принадлежат к этой группе. Также, поскольку современное демократическое общество представляет собой сложное переплетение частных интересов, комиссии служат совещательными органами для выявления и согласования этих разнообразных интересов. Кадровые принципы формирования комиссий предполагают, что в них включаются не только высокопрофессиональные специалисты — учёные и практики, но также представители различных социальных контингентов — потребители, страхователи, предприниматели, деятели местных общин и т.д.

Собственные наименования комиссий отличаются значительным разнообразием. Помимо собственно “комиссий” (*сингикай*) используются и наименования

“совет” (кайги), “совет по обследованию/исследованию” (*тесакай*), “комитет” (ин-кай), “инспекционный совет” (*синсакай*), “конференция” (*кегикай*) и другие.

На основе принятого в ходе реформы Базового закона о перестройке и рационализации комиссий их численность радикально сокращена: из 211, имевшихся в апреле 1999 г., оставлено 90 комиссий. Осуществлены меры по обособлению комиссий от правительства, чтобы общество знало, что ответственность за политические решения лежит на кабинете и государственных министрах, а не на комиссиях.

“Учреждения и другие органы” (*сисэцу-надо-но кикан, Facilities*) формируются канцелярией кабинета, министерствами, комитетами и управлениями, это — “экспериментально-исследовательские органы, органы анализа и испытаний, учреждения для учёбы и повышения квалификации (включая им подобные учреждения), лечебно-оздоровительные, исправительно-приёмные, операционные (*сагё*) учреждения” (ст.8 ЗАОГ). В настоящее время большинство из этих учреждений преобразуется в “самостоятельные административные юридические лица”. Тем самым учреждения, по крайней мере формально, в основной своей массе выводятся за рамки министерского административного аппарата.

“Специальные органы” (*токубэцу-кикан, Extraordinary Organizations*) учреждаются канцелярией кабинета, министерствами и управлениями в случае особой необходимости и на основе специальных законов (ст.8 ЗАОГ). Среди них есть органы коллегиальные: например, Совет борьбы с промышленным загрязнением среды, Совет защиты потребителей, Японская академия наук (*нихон-гакуси-ин*), Японская академия искусств (*нихон-гэйдзюцу-ин*) и другие. Есть и органы единоначального руководства, в том числе полицейское управление, управление прокурорского надзора и другие.

“Местные отделения и филиалы” (*тихо-сibun-букёку, Local Branch Offices*) создаются внутри канцелярии, министерств, управлений и комитетов и отвечают за выполнение работы на местах. К ним относятся, например, региональные бюро перевозок министерства государственной территории и транспорта, региональные налоговые бюро национального налогового управления при министерстве финансов.

Таким образом, канцелярия кабинета и министерства Японии представляют собой развитую, сложную структуру, позволяющую кабинету министров проводить в жизнь курс государственного управления.

Специальные административные субъекты

Термины “специальные административные субъекты” (*токубэцу-гэсэй-сютай*), “квази-административные субъекты” (*дзюн-гэсэй-кикан*) используются в специальной юридической литературе наряду с термином “публичные корпорации” как общее название разнообразных юридических лиц, осуществляющих свою деятельность на принципах объединения норм публичного и гражданского права, путём соединения административных целей и ресурсов публичной власти с интересами и ресурсами частного сектора. В Японии существуют не только государственный и частный секторы, но и “третий сектор”, или “серая зона”, сфера “общественного предпринимательства” — сфера пересечения, взаимодействия, взаимопроникновения и сращивания государства и бизнеса.

Главными юридическими формами общественного предпринимательства в Японии являются “особые юридические лица”, “санкционированные юридические лица”, “общественно полезные юридические лица”, а также учрежденные в процессе нынешней реформы “самостоятельные административные юридические лица”.

В 2001 г. под эгидой государственных административных органов функционировали 77 особых юридических лиц, 86 санкционированных юридических лиц и примерно 7 тысяч общественно полезных юридических лиц, в том числе около одной тысячи, исполняющих административные поручения государства³.

“Особые юридические лица” (далее ОЮЛ), или **“особые публичные корпорации”** (*сэйфу-канкэй-токусю-ходзин, Special Public Corporations*). ОЮЛ создаются, когда правительству необходимо осуществлять определенную работу в производственной, финансовой и других сферах, но вести эту работу силами административного органа эффективно не представляется возможным из-за различных системных ограничений. В таком случае парламент по представлению правительства на основании специальных законов и специальных процедур учреждает самостоятельное юридическое лицо для ее исполнения, или возлагает эту работу на существующее юридическое лицо, отличное от правительства. Правительство осуществляет контроль и поддержку ОЮЛ вплоть до того, что дает за него государственное поручительство в залог, вместе с тем правительство поощряет насколько возможно его предпринимательскую самостоятельность и гибкость в ведении дел. Контроль над особыми юридическими лицами возложен на министерство общих дел и профильные министерства.

В послевоенные годы, особенно в период бурного экономического роста, число ОЮЛ непрерывно росло вплоть до 1978 г., когда их насчитывалось 111. Затем число их сокращалось — до 77 в 2001 г.

“Санкционированные юридические лица”, или **“санкционированные публичные корпорации”** (*нинка-ходзин, Government-approved corporations*). СЮЛ — формально частные организации, функционирующие под контролем министерств. В отличие от ОЮЛ, СЮЛ учреждается, как правило, на основе не специального закона, а закона, регламентирующего какую-либо сферу или вид деятельности, путем получения разрешения ответственного министра. В Японии любые корпорации, согласно гражданскому кодексу, если их деятельность носит публичный характер, нуждаются в санкции (одобрении) компетентных официальных инстанций. К санкционированным юридическим лицам относятся, например, Японская торгово-промышленная палата, Банк Японии.

В многочисленной группе **“общественно полезных юридических лиц”** (*коэки ходзин, Public-interest Corporations*), то есть организаций, имеющих целью не извлечение прибыли, а общественную пользу, некоторая их часть уполномачивается административными органами государства для исполнения специальных обязанностей.

Речь идет о прежде всего о гражданских организациях, которым доверяют исполнение функций государственного управления; чаще всего подобные организации работают в сфере проведения испытаний, проверок, экспертизы и т.д. Поддержка государством их деятельности проявляется в форме определенной защиты от свободной частной конкуренции, выделения правительственных субсидий на осуществление услуг, в которых заинтересовано правительство, налоговых льгот.

“Самостоятельные административные юридические лица” (далее САЮЛ), или **“самостоятельные административные корпорации”** (*докурицугэсэй-ходзин, Independent Administrative Institutions*). В ходе административной реформы в стране создан новый тип квази-административных органов — **“самостоятельные административные юридические лица”**. Они учреждаются на общем основании **“Закона об основных принципах САЮЛ”** (июль 1999 г.)⁴, а также специальных законов, принимаемых в процессе их формирования.

Подобные органы созданы под эгидой всех министерств. Большая их часть образована из группы **“Учреждения и другие органы”**, представляет собой

научно-исследовательские институты, лаборатории, университеты, госпитали и са-натории, музеи. Реальное существование САЮЛ начинается с апреля 2001 г.

В Японии САЮЛ считают пробным полигоном новых систем деятельности в интересах активизации гражданского общества.

В июне 2001 г. в Японии принят "Основной закон о реформе особых и санкционированных юридических лиц", установивший для практического осуществления их реформы пятилетний срок. В декабре 2001 г. правительство на основании данного закона утвердило "План упорядочения и рационализации особых и санкционированных юридических лиц". Имеются в виду разные способы их преобразования: ликвидация, приватизация, объединение, пересмотр решаемых задач, сокращение участия государственного капитала и дотаций, перевод на статус самостоятельных административных юридических лиц. Этим же планом поставлена задача осуществить реформу общественно полезных юридических лиц, исполняющих работу по поручению государства и получающих от него дотации, а также коренным образом пересмотреть всю систему формирования и функционирования общественно полезных юридических лиц.

Порученное управление

Самостоятельную роль в теории и практике управления в Японии играет административный институт "порученного управления" (*инин-гёсэй, Mandate*).

"Порученное управление" не образует какой-либо постоянной обособленной структуры органов административного управления, его сущность заключается в том, что административный орган, обладающий полномочиями, может передать исполнение своих обязанностей другому административному органу. При возникновении отношений "порученного управления" орган, передающий полномочия, сам утрачивает их в пользу получателя полномочий. С другой стороны, орган, получающий полномочия не становится представителем дателя поручения, получатель полномочий исполняет порученные функции от своего имени и под свою ответственность.

Основной сферой практического применения этого типа административно-государственных отношений до недавнего времени были отношения национальной власти (государства) с местным самоуправлением. В центральном административном аппарате, за рамками отношений "центр — местное самоуправление" институт "порученного управления" сохраняется, он может иметь определенное значение в практике общегосударственного управления, поскольку дает возможность образования динамичных и разветвленных властных конфигураций.

Время покажет, в какой степени реформа центрального административного аппарата Японии сможет дать стране новый мощный импульс развития в XXI-м веке.

1. Закон о кабинете министров // Роппо дзэнсё [Сборник законов]. Токио. Юхикаку, 2000. Т. 1. С.233-235.
2. Закон об административной организации государства // Роппо дзэнсё. Т.1. Сс.240-243.
3. Токи-но угоки. 2001. № 10. С. 23, 25, 37.
4. Закон об основных принципах самостоятельных административных юридических лиц // Роппо дзэнсё. Т.1. С. 248-252.

Российские корейцы и их связи с родиной предков (1990-2003 гг.)

© 2003

Л. Забровская

В конце XX в. опека внешних диаспор как современная разновидность внешней политики приобрела определенные очертания и сформировала явные и скрытые цели. Естественное тяготение зарубежных диаспор к своим историческим родинам не только находит понимание и сочувствие у властей этих стран, но и встраивается во внешнеполитические концепции, используется как неофициальный канал влияния на страну проживания зарубежных собратьев. Мировым флагманом в этом процессе выступает континентальный Китай, широко использующий влияние и финансовые возможности своих хуацяо в странах Юго-Восточной Азии как для развития собственно китайской экономики, так и для влияния на внутреннюю политику этих стран. Не отстают от Китая и другие восточно-азиатские страны, в том числе КНДР и Республика Корея (РК), которые, соперничая друг с другом, также ведут целенаправленную политику в отношении зарубежных корейцев и, в частности, российских. Хотя политика КНДР и РК в отношении зарубежных диаспор отличается своими тактическими приемами, стратегическая цель остается сходной — получить контроль над умами и настроением своих зарубежных соотечественников.

1. Приморские корейцы и соперничество КНДР и РК

В течение 90-х годов корейское население Приморского края продолжало увеличиваться за счет переселенцев — граждан государств Средней Азии. Они старались поселиться в тех же местах, где ранее проживали их родители, и заниматься сельскохозяйственным трудом. В конце 80-х годов в Приморье проживало 8300 корейцев (0,4 процента от общего числа населения края), в начале 1996 г. — свыше 18 тыс. чел. (0,8 процента), а через год — 26 тыс. чел. (1,2 процента), согласно переписи населения 2002 г. — более 35 тыс. чел. (6 процентов)¹. Всего же в начале нового века на российском Дальнем Востоке проживало более 100 тыс. этнических корейцев, а в странах Средней Азии, Украине и Казахстане — более 300 тыс. человек. В 2001 г. число проживающих корейцев в странах СНГ составляло: Таджикистан — 1700 чел.; Украина — 20 тыс. чел.; Узбекистан — 220 тыс. чел.; Киргизия — 20 тыс. чел.; Россия — около 250 тыс. чел.².

Ассоциация корейцев России планировала переселить в Приморье из стран Средней Азии 150 тыс. корейцев, но впоследствии руководители средне-

---

Забровская Лариса Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

азиатских корейских общин отказались от этих планов ввиду неготовности приморских властей принять их. На их решение прежде всего повлияла неготовность предоставить им достаточно земельных угодий для компактного проживания и ведения сельского хозяйства. Они считали, что условия их нынешнего проживания намного лучше, чем на российском Дальнем Востоке.

Тем не менее подобные намерения вызвали беспокойство в Министерстве внутренних дел России. По данным российского МВД, еще в 1992-1994 гг. имела место активизация деятельности различных религиозных организаций, возглавляемых южнокорейскими миссионерами. Как говорилось в документе, «были попытки религиозных общин, возглавляемых южнокорейскими пасторами и с материальной помощью южнокорейских бизнесменов, взять в аренду пустующие плодородные земли в Приморском крае для создания на них религиозных трудовых поселений»³.

В начале 1996 г. начальник Управления внутренних дел Приморского края генерал-майор А.Васильев направил служебную записку приморскому губернатору Е.Наздратенко, краевой думе и представителю президента. В этом опубликованном впоследствии в прессе документе А.Васильев выразил опасение по поводу предполагаемого создания в крае национальной автономии корейцев, территория которой «в дальнейшем могла быть отторгнута от России». По его мнению, хотя в осуществлении таких планов наиболее заинтересована Республика Корея⁴, КНДР также не оставляет без внимания приморских корейцев, и Приморский край стал «местом борьбы за социально-экономическое и духовное влияние двух враждебных друг другу корейских государств — КНДР и Республики Корея (РК) — на лиц корейской национальности».

В связи с этим генерал обратился с предложением принять закон об ограничении въезда и ужесточения правил пребывания иностранных граждан на территории края, так как в условиях этого противостояния власти КНДР, например, направить завести в край максимальное количество рабочей силы на основе долгосрочных контрактов. При этом, как считают в приморской милиции, Федеральная миграционная служба не учитывает трудностей социально-экономической ситуации в Приморье, выдавая без ограничений разрешения на использование иностранной рабочей силы — конкурента местного населения.

Подобные «антикорейские откровения» генерала А. Васильева вызвали бурю негодования в корейской общине Приморского края, руководители которой усмотрели в них угрозу массовых выселений, аналогичных гонениям 1937 г. Для успокоения приморских корейцев вице-губернатор края Н.Садомский письменно заверил руководство общины в том, что администрация Приморского края не видит никаких оснований для беспокойства и не планирует каких-либо репрессивных мер в отношении приморских корейцев.

Краевые власти опасались, что принятие нормативных актов, ограничивающих въезд в Приморье иностранцев, приведет к резкому сокращению их инвестиционной активности, что, в свою очередь, могло бы привести к сокращению налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, и восприняли сентенции генерала А.Васильева скептически. Потому власти ограничились лишь постановлением о введении квоты на количество приглашаемых в край иностранных рабочих, которая с февраля 1996 г. не должна превышать 15 тыс. человек⁵.

Параллельно небезынтересно отметить совершенно невозмутимую реакцию на публикацию служебной записки генерала А.Васильева сахалинских корейцев. По их мнению, Сахалин мог бы стать приемлемым местом расселения среднеазиатских корейцев. Они полагают, что расселение их в приграничных районах российского Приморья «нецелесообразно, так как корейцы никог-

да не утратят национальную гордость и ностальгию по родине предков". Сахалин представляется им более подходящим местом, так как "отдален от сухопутных границ. В настоящее время наблюдается отток с Сахалина квалифицированной [русской] рабочей силы, островная территория позволяет контролировать миграцию населения ..." ⁶.

Интересно отметить и действия Генерального консульства РК во Владивостоке, которое после публикации служебной записки А.Васильева в центральной и местной прессе сразу же прервало с приморской общиной корейцев все контакты. Они были возобновлены год спустя, но это вызвало у приморских корейцев не меньше обиды, чем докладная генерала.

Напротив, Генеральное консульство КНДР в Находке не стало отгораживаться от приморских корейцев из-за газетной публикации, а предложило расширить экономическое сотрудничество на частном уровне, прислало северокорейского учителя корейского языка, который к тому же владел русским языком и т.п. ⁷. Так, с 1997 г. в одной из уссурийских гимназий начал преподавать корейский язык Ким Ин Хо, а его жена Ен Хи, известная северокорейская балерина, — руководить танцевальными группами, обучая приморцев корейским народным танцам.

Однако последующие события, связанные с убийством во Владивостоке южнокорейского дипломата, а затем северокорейского рабочего показали, что у генерала А.Васильева были серьезные основания для беспокойства.

Варварское, во многом соответствующее восточным ритуальным канонам убийство 1 октября 1996 г. во Владивостоке южнокорейского дипломата Чой Дук Кина (транскрипция автора — прим. ред.) заставило дальневосточников задуматься о характере деятельности некоторых граждан КНДР и РК на территории Приморья ⁸. Одна из версий следствия состояла в причастности к убийству северокорейских спецслужб, преследовавших цель таким способом "отомстить" южанам за ликвидацию группы лазутчиков с северокорейской подводной лодки. Только 22 октября Генеральное консульство КНДР в Находке сочло необходимым "опровергнуть досужие домыслы некоторых приморских газет", заявив, что "требует немедленно остановить искусственное связывание КНДР с убийством, поскольку до сих пор не было никаких официальных заявлений следственных органов, ведущих дело об убийстве" ⁹.

Первыми стали обсуждать версию о "северокорейском следе" корреспонденты японских и южнокорейских газет, в которых Чой Дук Кин характеризовался как профессиональный сотрудник южнокорейских спецслужб, занимавшийся легальной разведкой в отношении КНДР и отслеживавший пути и методы распространения северокорейскими гражданами наркотиков и фальшивых долларов. По их же сведениям, у покойного были обнаружены служебные материалы, содержавшие данные об обстоятельствах задержания в Приморском крае в 1994 г. сына высокопоставленного северокорейского политика за проведение незаконных операций с наркотиками.

Приморские средства массовой информации обратили внимание на метод убийства, схожий с тем, который иногда случается в корейских леспрохозах Хабаровского края, где "продолжает легально действовать в рамках межправительственного соглашения представительство спецслужб КНДР, которое возглавляет генерал-майор МГБ КНДР" ¹⁰.

Показательно, что через сутки после убийства дипломата представители миграционной службы Приморского края направили в МИД РФ документ, в котором говорилось, что "представительство северокорейского сельскохозяйственного комитета в Приморье, находящееся в г.Артеме, грубо нарушает рос-

сийские законы и поэтому краевая миграционная служба вынуждена настаивать на его закрытии". В документе указывалось, что хотя цель этого представительства состояла в развитии сотрудничества и совместной деятельности в сельском хозяйстве, в действительности в его работе выявлен ряд значительных нарушений правил пребывания иностранных граждан на территории России. Так, без оформления разрешений Федеральной миграционной службы РФ, без каких-либо уведомлений краевой миграционной и паспортно-визовой служб, пользуясь безвизовым порядком въезда на территорию края, этот комитет только в 1996 г. ввез в Приморье в качестве "рабочей силы" более 250 граждан КНДР, которые "практически самовольно и бесконтрольно перемещались по территории края и занимались делами, не соответствующими их статусу"¹¹. Понятно, что бесконтрольное передвижение северокорейцев по территории края не могло не породить версию о "северокорейском следе" и политической подоплеке убийства южнокорейского дипломата.

Распространению версии о межкорейских стычках на приморской территории также способствовало известие об убийстве во Владивостоке северокорейского рабочего и тяжелом ранении другого, последовавшее через 20 дней после убийства Чой Дук Кина. Краевые следственные органы не смогли вмешаться в расследование этого преступления, поскольку убитый и раненый были в срочном порядке вывезены в КНДР¹².

В октябре 1996 г. Министерства иностранных дел России и Республики Корея обменялись нотами по поводу происшедшего, заверив друг друга, что "убийство дипломата не должно повлечь за собой ухудшения межгосударственных двусторонних связей"¹³. Тем не менее нераскрытие подлинных причин убийства южнокорейского дипломата оказало негативное влияние на развитие российско-южнокорейских отношений в целом и торгово-экономические связи Приморья и РК, в частности, а также на международную репутацию Владивостока. Южнокорейские бизнесмены, опасаясь за свою безопасность, отменяли деловые поездки в Приморье, что поставило под удар продолжение южнокорейского инвестирования в крае. До 1996 г. РК являлась лидером в инвестировании дальневосточной экономики, а затем переместилась на третье место после Китая и Японии.

Вправе было ожидать быструю и радикальную реакцию российских властей на события, происшедшие во Владивостоке, а также на оценку принятых ими мер в местной и зарубежной прессе. Действительно, российские центральные власти прореагировали незамедлительно и по разным административным каналам. В 1997 г. Федеральная миграционная служба РФ приняла ряд мер по ужесточению правил миграционного и паспортно-визового въезда северокорейцев в Россию, а также их перемещения по территории страны. Местные органы власти обязали все фирмы, приглашающие на работу северокорейцев, дать дополнительные гарантии о их полной занятости и своевременном выезде после завершения работы.

Консульская служба российского МИДа со своей стороны разработала и приняла ряд мер по введению строгого порядка въезда и выезда из России северокорейцев. Кроме того, во время визита в Пхеньян в январе 1997 г. заместителя министра иностранных дел России Г. Карасина было подписано Соглашение между правительством РФ и правительством КНДР о взаимных поездках граждан двух стран, по которому все поездки граждан России и КНДР были переведены на визовую основу¹⁴.

Если до этого северокорейские рабочие могли приезжать в Россию со своими внутренними паспортами, а их имена лишь вносились в общий список,

составленный на русском языке для российских пограничников, то данное соглашение предусматривало для приезжающих на российскую территорию граждан КНДР прохождение обязательной регистрации местными органами власти и представление текста контракта с российской фирмой, по приглашению которой они приехали в Россию. Эти меры были призваны упорядочить деятельность северокорейских рабочих в России, более эффективно отслеживать и регулировать миграционные процессы между двумя странами.

Вместе с тем, власти КНДР и РК стараются при любом удобном случае опекать приморских корейцев. При этом обе стороны придерживаются своих специфических методов в привлечении их внимания. Северокорейские официальные лица, как правило, стараются не афишировать свои контакты с россиянами корейского происхождения и никогда не устраивают встреч между руководителями российских корейских общин и лидерами партии и правительства КНДР, когда те посещают Россию.

Для южнокорейских властей характерно открытое патронирование различных общин российских корейцев и их общественных организаций. Так, южнокорейские парламентарии считают, что необходимо повысить роль общественных организаций российских корейцев таких как "Единство", Общероссийское объединение корейцев, Федерально-культурная автономия корейцев (ФНКА) и др. Члены южнокорейского парламента также полагают, что празднование в 2004 г. важной исторической даты в отношениях России и Кореи — 140-летней годовщины переселения корейцев на российскую территорию — необходимо широко отметить в обеих корейских государствах и России. Они отмечают правильность и объективность политики российского правительства в отношении различных национальностей, населяющих Россию, в том числе и корейцев.

Вместе с тем южнокорейские парламентарии в лице вице-президента Великой национальной партии Ким Док Рёна пожелали в будущем иметь контакты не с массой различных общин и общественных организаций, а с единой организацией российских корейцев, чтобы более эффективно оказывать им помощь. Южнокорейские парламентарии также высказались за создание на территории России "компактного района проживания корейцев, например, в Приморье. Это позволило бы сделать более ощутимой помощь корейцам в связи с происходящими процессами миграции в РФ из стран СНГ"¹⁵.

Как видно, власти РК не оставляют попыток создать район компактного проживания корейцев на территории российского Дальнего Востока. Эту идею поддерживают и некоторые руководители корейских общественных организаций Москвы. К такой идее положительно относится и часть российских корейцев, у которых, несмотря на все трудности, не угасла тяга к объединению, обусловленная тем, что корейский этнос проявляет в течение многих десятилетий завидную устойчивость к внешним влияниям и попыткам ассимиляции.

Однако многие приморские корейцы не одобряют такие планы. Так, жительница г.Партизанска Е.В.Ким писала в газете "Российские корейцы": "Не согласна с лидером ФНКА. Во-первых, кто пойдет в корейскую автономию — он один там будет жить? И во-вторых, кто даст автономию, у нас в паспорте нет национальности, мы граждане России. Мы советские корейцы воспитаны в духе коммунизма и интернационализма... Я убеждена, наши корейцы компактно жить не должны, ведь это может опять привести к 1937-му году. Зачем же повторять старые ошибки? Пусть лидеры забывают слова "автономно" и "компактно". Пусть они чаще общаются с людьми и тогда, может быть, поймут, чего хотят российские корейцы. Надо, чтобы они помогали людям, пусть не мате-

риально, но хотя бы морально. Наши корейцы ... должны уважать себя и других"¹⁶. Очевидно, что те, кто пережил сталинские репрессии, нашел в себе силы переосмыслить пережитую трагедию своего народа и не желают повторения прошлого и не хотят быть безмолвной игрушкой в руках своих и зарубежных политиков.

Тем не менее, различные общины российских корейцев и корейских переселенцев из стран СНГ не отказываются от материальной поддержки, которую им предлагают южнокорейские религиозные и благотворительные организации. Так, в 1999-2003 гг. в пос. Михайловка Приморского края южнокорейская Ассоциация компаний жилищного строительства построила 30 домов для корейских переселенцев из Казахстана. Также им было передано в аренду 2000 га земельных угодий для выращивания сельхозпродуктов и разведения скота¹⁷.

В Приморье действует 31 южнокорейская протестантская церковь, прихожанами которой являются главным образом приморские корейцы. При протестантских приходах действуют воскресные школы по изучению религиозных канонов и корейского языка. Особо активные прихожане поощряются бесплатными двухнедельными поездками в РК.

По всей видимости, корейская автономия на территории России пока остается призрачной мечтой не только потому, что не находит поддержки у российских властей, но главным образом потому, что не приобрела четких целей и путей воплощения в умах представителей различных корейских общин. К тому же ни в одном районе российского Дальнего Востока корейцы не проживают компактно и далеко не составляют более 50 процентов жителей, как это было в 20-30-х годах на юге Приморья¹⁸.

2. Политика КНДР и РК в отношении сахалинских корейцев

Сложна и трагична судьба сахалинских корейцев — бывших подданных Японской империи. В годы Второй мировой войны они были завезены японскими вербовщиками на юг острова Сахалин и работали в тяжелейших условиях на шахтах, рудниках, лесозаготовках, терпя унижения и притеснения со стороны японских надсмотрщиков и получая мизерную зарплату. Соглашаться на такие рабские условия труда их заставляла безработица и беспросветная жизнь на родине, превращенной Японией в свою колонию.

В августе 1945 г. после освобождения Советской армией Южного Сахалина от японских милитаристов на острове осталось 23 тыс. корейцев, которых японские власти уже не считали своими подданными и отказались вывезти на Японские острова. Вернуться в Корею у них также не было возможности, так как страна была разорена и находилась на перепутье социально-политического развития. Да и родственники были бедны и не ждали их возвращения домой. Советские же власти не притесняли их, предоставляя по их собственному желанию советское гражданство, давая возможность работать и учиться.

После образования КНДР северокорейские консулы стали частыми гостями сахалинской корейской общины, агитируя ее членов получить гражданство КНДР и затем переехать на Север. Так, в 1958-1959 гг. 6346 чел. приняли гражданство КНДР, из которых 5096 уехали на Север. Советское гражданство получили 6414 сахалинских корейцев¹⁹. Остальные оставались лицами без гражданства. В дальнейшем переход в советское гражданство был затруднен, так как власти КНДР настаивали на выдаче всем сахалинским корейцам северокорейских паспортов. Подавляющее большинство сахалинских корейцев поначалу решило остаться лицами без гражданства, втайне лелея надежду при благоприятном стечении внешнеполитических обстоятельств перебраться в Япо-

нию или Южную Корею, с которой у СССР тогда еще не было дипломатических отношений.

Тем временем в 50-80-е годыросло новое поколение сахалинских корейцев, для которого оставаться "лицами без гражданства" означало ограничение гражданских прав. Поэтому они прилагали немало усилий, чтобы получить советское гражданство. Многим это удавалось. Согласно последней переписи населения СССР на 1 января 1988 г. на территории Сахалинской области проживало 35 тыс. этнических корейцев, из которых — около 32 тыс. граждан СССР, 456 — граждан КНДР и 2621 чел. — лица без гражданства.

Сахалинская община российских корейцев представляет для властей КНДР многоплановый интерес: они имеют богатых родственников как в Японии, так и в РК, получают от них постоянную материальную поддержку, активно занимаются бизнесом и обосновались на территории богатой полезными ископаемыми. Корейцы, проживающие в Приморском и Хабаровском краях, а также в государствах Средней Азии, хотя и являются потомками уроженцев Северной Кореи, но не пользуются таким благорасположением северокорейских властей, как сахалинские корейцы, в массе своей выходцы из Южной Кореи. Причины этого кроются, по всей видимости, в материальной сфере: потомки северян — это люди, пережившие сталинские репрессии и переселения, имеющие средний достаток, и нередко не в состоянии оказывать постоянную финансовую помощь своим родственникам в КНДР. Последнее, как представляется, является наиболее важным.

С конца 80-х годов власти КНДР с согласия МИД СССР начали кампанию за возрождение национальной культуры: сахалинские корейцы приглашались в Пхеньян изучать корейский язык, сахалинским школам присылались учебники и литература, посвященная корейским национальным традициям.

С 1988 г. стала отмечаться памятная дата — день освобождения Южно-Сахалина от империалистической Японии. В 1989 г. по инициативе корейцев была основана областная Ассоциация сахалинских корейцев, цель которой состояла в возрождении национальной культуры и традиций. При активном содействии Ассоциации 17 ноября 1992 г. в г. Южно-Сахалинске открыт памятник сахалинским корейцам — жертвам японского империализма. В сентябре 1990 г. был образован Сахалинский комитет содействия мирному объединению Кореи ("Помминрен"), который ориентирован в своей деятельности на КНДР, занимается разъяснением политики КНДР по объединению родины и помогает родственникам поддерживать связь друг с другом. Председателем комитета является Кон Чан Сик, заместителем — Ан Мен Бок (Ан Михаил Борисович).

После 1990 г., когда СССР установил официальные отношения с РК, южнокорейские власти также начали проявлять интерес к сахалинским корейцам. В 1990 г. при финансовой поддержке южан была создана Ассоциация корейских старейшин Сахалина ("Ноинхве"), первым председателем которой была Ли Октя (Ли Октябрина). В настоящее время председателем является Николай Пак (Пак Хе Рен). Основная задача "Ноинхве" — содействие установлению контактов между родственниками, проживающими на Сахалине и в РК, и помощь в переселении пожилых сахалинских корейцев в РК.

В феврале 1990 г. из Южно-Сахалинска в Сеул для встречи с родственниками выезжала первая группа сахалинских корейцев в количестве 120 человек. В последующие годы южнокорейские власти постоянно организовывали чартерные рейсы своих авиакомпаний, чтобы как можно больше сахалинских корейцев смогло посетить историческую родину и встретиться с родственника-

ми. В течение последнего десятилетия более 12 тыс. сахалинских корейцев смогли побывать на исторической родине в качестве туристов.

В 1992 г. на Сахалине побывала группа японских и южнокорейских парламентариев с целью изучения возможностей для расширения помощи разьединенным семьям сахалинских корейцев. Им был передан список на 13484 чел., пожелавших выехать в РК на постоянное место жительства²⁰, что составило 38,5 процентов численности сахалинской общины.

В декабре 1993 г. в Южно-Сахалинске в целях изучения сахалинскими корейцами родного языка и возрождения культурных традиций при содействии правительства РК и южносахалинской городской администрации создан Центр просвещения Республики Корея. Центр занимается подготовкой учителей корейского языка, знакомит жителей области с историей и культурой РК, проводит постоянно действующие семинары для носителей языка и т.п.

Помимо отправки учебной и религиозной литературы южнокорейцы стали оказывать финансовую поддержку бывшей советской государственной корееязычной газете "Сэ Коре синмун" ("Новая корейская газета"), которая начала перепечатывать материалы из южнокорейской прессы, оставляя без внимания северокорейские события, что порождало неудовольствие у тех, кто симпатизировал КНДР.

Кроме того, южнокорейские пасторы-протестанты развили активную религиозную деятельность на юге Сахалина, построив там более десяти церквей и агитируя не только корейцев, но и русских принимать протестанство. В 1993 г. в Южно-Сахалинске по инициативе и финансовой поддержке южнокорейских пасторов был основан частный религиозный Институт "Сам Юк", где ведется преподавание религиозных дисциплин наряду с иностранными языками — корейским и английским. Институт "Сам Юк" готовит переводчиков иностранных языков, которые могут быть ассистентами у южнокорейских пасторов.

В 1993 г. южнокорейские представители попытались провести социологический опрос среди сахалинских корейцев, что вызвало возражения как со стороны местных властей, так и российского МИДа. Опрос был проведен весной 1997 г. уже совместно со статистическим управлением Сахалинской области и представителями южнокорейского правительства. Результаты опроса не были обнародованы. Судя по содержанию опросных листков, южнокорейскую сторону интересовал, главным образом, один вопрос — какое количество сахалинских корейцев желает переехать в РК на постоянное место жительства и на каких условиях. Согласно неофициальным данным, менее пяти тысяч сахалинских корейцев выразили такое желание²¹, что почти в три раза меньше в сравнении с показателями 1992 г. Желавшие эмигрировать — в основном пожилые люди, родившиеся в Корее, которым южнокорейские власти обещали предоставить жилье, медицинскую страховку и небольшую пенсию.

На первом этапе южнокорейские власти разрешили 500-м пожилым корейцам, рожденным на Юге, переехать на родину. Переселение стало возможным после заключения в 1992 г. трехстороннего российско-южнокорейско-японского межгосударственного соглашения о воссоединении разделенных семей, по которому Япония обязалась возместить материальный ущерб насильственно переселенным в 30-е годы на юг Сахалина корейцам, а южнокорейские власти — предоставить территорию для строительства жилья.

Однако право на возмещение материального ущерба получили только те пожилые сахалинские корейцы, которым южнокорейские власти разрешили переселиться на родину. Таковым предоставлялась небольшая компенсация по прибытии в РК и получение южнокорейского гражданства. При отборе кандидатов на переселение в РК южнокорейские власти отдавали предпочтение тем

сахалинским корейцам, которые проживали в СССР/России на положении лиц без гражданства, предоставляя им южнокорейское гражданство в первую очередь. Первоначально в эту категорию попали те сахалинские корейцы, которые родились в Корее до 1936 г. включительно. За уже выехавшими на историческую родину сахалинскими корейцами в течение 5 лет сохранялось гражданство России, и в любой момент они могли вернуться к своим детям. За период 1992-2002 гг. 1550 престарелых сахалинских корейцев, получив южнокорейское гражданство, переселились на историческую родину.

Южнокорейские власти проводят расселение сахалинских корейцев в пригородах Сеула. Так, в Ансане, на японские средства для переселенцев построены более десяти многоэтажных домов, образовавших целый квартал, где проживает около 1200 чел. Каждая семейная пара получила отдельную квартиру площадью около 50 кв. м, а также медицинскую страховку и пенсию в размере 700 тыс. вон. Эти квартиры не являются частной собственностью и будут возвращены государству после выезда или смерти нынешних жильцов. По наследству их также нельзя передавать. Сахалинские родственники часто приезжают к своим пожилым родителям, которым южнокорейское правительство также предоставило возможность раз в год бесплатно съездить на Сахалин.

Сахалинские корейцы также поселились в г.Коренгун (пров. Кенсан), где гражданка Республики Корея госпожа О Ги Мон построила на свои средства для одиноких стариков дом для престарелых на 85 мест²². 30 пожилых сахалинца поселились в районе Кимпо (пригород Сеула)²³.

Хотя официально программа репатриации сахалинских корейцев в РК не свернута, однако с января 2000 г. приостановлено строительство новых домов, которое вел южнокорейский Красный Крест на деньги, выделенные японским правительством. Как выяснили руководители сахалинской общественной организации "Репатриация", отпущенные средства использовались нецеленаправленно. Так, в период 1997-2001 гг. представители южнокорейского Красного Креста получили от японского правительства 6,2 млрд. иен на строительство домов для репатриантов, но 31 процент от этой суммы был потрачен не по назначению, а на туристические поездки сахалинских корейцев в РК. Причем эти поездки оплачивались по повышенным тарифам и, тем самым, "способствовали развитию туристического бизнеса в самой Корее"²⁴.

По этой причине руководство общества "Репатриация" приняло в январе 2003 г. "решение прекратить временные посещения РК сахалинскими корейцами, а средства, выделенные на эти цели, направить на строительство домов и покупку квартир для новых репатриантов", справедливо посчитав, что важнее обеспечить сахалинским корейцам "реальную возможность переселения на родину или получение достойной компенсации остающимся на Сахалине"²⁵. Исходя из таких соображений, сахалинские корейцы хотели бы перенаправить и другие средства, выделенные японским правительством, на строительство домов для новых репатриантов в РК.

Оставшиеся на Сахалине дети и внуки репатриантов не получили никакой компенсации, что, разумеется, вызвало у последних недоумение и возмущение. Сахалинские корейцы не оставили попыток добиться разрешения на переселение в РК не только стариков, родившихся в Корее, но и всех членов их семей, а также возмещение японским правительством морального и материального ущерба за тяжелый подневольный труд во время Второй мировой войны их отцов и дедов²⁶.

Сахалинские корейцы также потребовали, чтобы японское правительство вернуло им сбережения и средства "добровольного страхования", а также

проценты по ним в размере 180 млн. иен, которые были накоплены их отцами и дедами в 1930-е-1940-е годы в период японской оккупации Южного Сахалина и которые находятся в японском банке г.Отару. Они также требуют, чтобы Япония субсидировала строительство благоустроенного жилья для тех сахалинских корейцев, которые пожелали остаться жить на Сахалине со своими родными, выплатила каждому компенсацию, признав полноправными наследниками своих отцов тех сахалинских корейцев, кто родился на Сахалине до 15 августа 1945 г., т.е. до освобождения Кореи от японского колониального владычества.

Генеральный консул Японии на Сахалине Есихида Курода, объясняя политику своего правительства, заявил сахалинским корейцам, что Япония не признает свою "ответственность за возвращение в Корею выходцев с Корейского полуострова, потерявших японское подданство". Он также заявил, что "японское правительство не обязано осуществлять выплату компенсации и возмещение убытков всем сахалинским корейцам. Единственное, о чем может идти речь — это строительство корейского культурного центра в Южно-Сахалинске, на которое в 1999 г. японское правительство выделило 5 млн. долл."²⁷

Однако японская сторона, не спешила передать средства на строительство центра в полное распоряжение сахалинских корейцев. Последовали длительные препирательства, в ходе которых японские власти так и не предоставили сахалинским корейцам выделенные средства. Японская сторона объясняла свое бездействие попыткой предотвратить передачу будущего центра в частные руки. Поэтому южнокорейский Красный Крест выступил в конце 2002 г. с инициативой оказать финансовую помощь в строительстве корейского культурного центра на Сахалине. Однако эта южнокорейская инициатива не нашла поддержки у сахалинских корейцев, которые пожелали, чтобы средства, выделенные Японией на строительство культурного центра, были перенаправлены на строительство квартир для новых сахалинских репатриантов в РК.

Более сложную для разрешения проблему представляет возврат денег сахалинских корейцев, хранящихся со времен Второй мировой войны в японском банке. Согласно японским законам право на получение сбережений сахалинских корейцев, хранящихся в японском банке, имеют лишь сам накопитель или же их поручители при наличии соответствующих документов и письменных просьб о выплате. Естественно, что ныне тех, кто делал эти взносы в японском банке, давно нет в живых, и они не оставили своим наследникам никаких поручений. Поэтому, подчеркнул японский консул, "разрешить эту проблему очень трудно". Возможно лишь создание специального фонда на основе этих военных почтовых сбережений и процентов по ним. Сахалинские корейцы так и не смогли понять, почему японское правительство считает возможным до сих пор единолично распоряжаться этими деньгами, которые в свое время корейские рабочие в принудительном порядке перечисляли в японский банк. Японский консул обещал, что его правительство намерено и в дальнейшем оказывать материальную помощь сахалинским корейцам при возвращении их на историческую родину на постоянное место жительства.

После трехстороннего соглашения 1992 г. планы сахалинских корейцев, особенно молодежи, стали меняться. Не отказавшись от желания бывать на родине предков, они уже не строили иллюзии относительно переселения туда навсегда. Возможно именно этого результата и добивались южнокорейские власти, и без того озабоченные перенаселением страны и растущей безработицей. По всей видимости, политика КНДР и РК в отношении сахалинских корейцев направлена на то, чтобы те оставались гражданами России и продол-

жали жить на Сахалине, но не забывали, что являются этническими корейцами и что родина помнит о них.

К сожалению, власти КНДР и РК не задумываются об интересах сахалинской корейской общины, которая из-за их эгоистических действий оказалась расколотой. При более благоприятных обстоятельствах ее влияние могло бы стать более многоплановым — сыграть роль посредника в сближении Севера и Юга, способствовать сглаживанию конфронтации между двумя частями разьединенной страны, оживить неформальные связи разделенных семей. Пока же в КНДР могут бывать только те сахалинские корейцы, кто поддерживает общество “Помминрен” и чьи родственники имеют гражданство КНДР. Южнокорейское правительство, в свою очередь, относится с предубеждением к тем сахалинским корейцам, кто ранее имел северокорейский паспорт, а затем получил советское гражданство.

* * *

Нет ничего удивительного в том, что корейцы волею судьбы оказавшиеся в России и ставшие российскими гражданами, вызывают определенный интерес у властей КНДР и РК. Сами российские корейцы, особенно те, кто прожил долгие годы на Дальнем Востоке России, не утратили интерес к исторической родине. Этому способствует близость родины предков, возможность слушать корейские радиопередачи и читать прессу. Цементирующим элементом в жизни корейской диаспоры России являлось длительное компактное проживание в Приморье, Хабаровском крае и Сахалине, что позволило сохранить родной язык, многие традиции и национальные обычаи, особенно в сфере межличностных отношений, семейном укладе и питании.

Открывшиеся в 90-е годы перспективы поездок в КНДР и РК и восстановление непосредственных контактов с родственниками позволили российским корейцам, с одной стороны, следить за всем происходящим на Корейском полуострове, не отрываться от культурных традиций и не забывать родной язык, а с другой стороны, затруднили свободу выбора места проживания.

Вместе с тем в своей массе российские корейцы осознают, что ни в КНДР, ни в РК их не ждут и не считают “настоящими корейцами”, а всего лишь “Коре сарам” (“люди государства Коре” — так Корея назвалась в средневековье и такое государство уже давно не существует). Самоназвание северокорейцев — “Чосон сарам” (“люди государства Чосон”). Самоназвание южнокорейцев — “Хангук сарам” (“люди государства Хангук”). Поэтому российские корейцы не могут считаться ни в КНДР, ни в РК составляющей частью одного из двух ныне существующих гражданских обществ. Характерно, что наиболее состоятельные сахалинские корейцы, поднакопив денег на перепродаже южнокорейских товаров в России, решили перебраться на постоянное место жительства не в РК или Японию, где они имеют богатых родственников, а в Москву, считая, что именно там они и их дети имеют больше перспектив для дальнейшего повышения своего социального статуса и получения больших шансов перебраться в дальнейшем в Западную Европу. Такое решение позволяет им также избегать оказывать постоянную материальную помощь КНДР, которая часто обращается к наиболее состоятельным сахалинским корейцам об оказании безвозмездной поддержки.

Путем тактичной национальной политики и недопущения в печати двусмысленных публикаций российские власти должны помочь российским корейцам почувствовать, что их ум, трудолюбие и квалификация нужны России. Правительство России могло бы воспользоваться знанием российскими корей-

цами своих традиций и культуры как аргументом в улучшении отношений с КНДР и РК, как одной из основ для проведения сбалансированной политики в отношении двух корейских государств. Это помогло бы российским корейцам утвердиться в своих помыслах в качестве российских граждан и преодолеть разобщенность, которая возникает из-за борьбы за их симпатии между конфронтующими между собой КНДР и Республикой Корея.

Вместе с тем опыт КНДР и РК в области сотрудничества с зарубежными общинами соотечественников может быть полезен для российских властей при их контактах с русскоязычным населением стран СНГ.

1. Коммерсантъ-Daily. 1996. 17 июля. С. 7.
2. Сеульский вестник. 2001. 1-31 июля. № 59. С.5.
3. Коммерсантъ-Daily. 1996. 17 июля. С. 7.
4. Там же.
5. Владивосток. 1996 г. 1 марта.
6. Из беседы автора с преподавателем сахалинского корейского частного института "Сам Юк" Кан Су Еном (Южно-Сахалинск, январь 1997 г.).
7. Из беседы автора с председателем Совета корейской национально-культурной автономии г. Владивостока В.В.Ли (декабрь 1996 г.).
8. Там же. 1996 г. 3 и 5 октября.
9. Там же. 1996 г. 25 октября.
10. Там же. 1996 г. 10 октября.
11. Там же. 1996 г. 5 октября.
12. Там же. 1996 г. 9 ноября.
13. Забровская Л.В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. С. 33.
14. Пульс планеты. Азиатско-тихоокеанский регион (ИТАР\ТАСС). 1997. 27 января. 1997 г.
15. Бугай Н. Лучше понять друг друга // Российские корейцы. М. 2003. № 2. С. 3.
16. Зачем нам автономия? // Российские корейцы. М. 2003. № 2. С. 7.
17. Утро России. Владивосток. 2003. 20 мая. С. 1.
18. Нам С.Г. Корейский национальный район. Пути поиска исследователя. М.: Наука, 1991. С. 20, 22.
19. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство. Сахалинское отделение, 1993. С. 262-263.
20. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский государственный педагогический институт. 1993. С. 218.
21. Советский Сахалин. Южно-Сахалинск. 1998. 27 февраля.
22. Там же. 2001 г. 25 июля.
23. Там же. 2001 г. 4 мая.
24. Репатриация — не турбизнес. Интервью с председателем совета старейшин корейцев г.Южно-Сахалинска Ким Ги Намом // Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 2003. 8 апреля. С.2.
25. Там же.
26. Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1998. 27 февраля.
27. Там же. 2001 г. 21 июня.

Экономика

Роль прямых иностранных инвестиций в экономике Китая (по оценке экспертов ООН)

© 2003

А. Ананьев

Последние несколько лет устойчиво росли прямые иностранные инвестиции (ПИИ)¹ в китайскую экономику (Рис. 1)². Незначительный спад отмечался лишь в 1999 и 2000 гг., когда в переговорах по присоединению Китая к ВТО возникали временные проблемы. Пиковых показателей объем ПИИ достиг в 2001 и 2002 гг. (46,9 млрд. долл. США и 52,7 млрд. долл. США, соответственно), т.е. накануне и сразу после присоединения Китая к ВТО³. В 2002 г. Китаю удалось впервые обогнать США по притоку ПИИ, что, как отмечают аналитики ООН, прежде всего объясняется присоединением КНР к ВТО. Рост инвестиций в китайскую экономику происходил на фоне как общего снижения объема ПИИ в мировой экономике, так и резкого замедления темпов экономического развития большинства стран (Рис. 2). Наибольшее сокращение притока капиталов произошло в промышленно развитых странах, особенно в США, где ПИИ снизились с 301 млрд. долл. США в 2000 г. до 44 млрд. долл. США в 2002 г.; приток ПИИ в развивающиеся страны сократился на 20%, до 165 млрд. долл. США, что едва составило треть от пиковых значений 2000 г.⁴

В 2001 г. темпы роста мировой экономики опустились до самого низкого за текущее десятилетие показателя — до 1,1%. В 2002 г. положение не намного улучшилось — рост мировой экономики составил всего 1,7%⁵. Причем действие факторов, вызвавших такое резкое замедление роста, сохраняется. К основным причинам экономической неопределенности, кроме Иракского кризиса, относятся: продолжающаяся депрессия на фондовых рынках основных развитых стран и сильная зависимость мировой экономики от экономики США, находящейся в состоянии стагнации.

Китай остается одной из немногих стран, не подверженных циклической уязвимости, ориентирующейся на США мировой экономики, что способствует уменьшению капиталовложений в экономику США и увеличению — в китайскую⁶.

Многие предприятия с участием иностранного капитала (ПИК) находятся в собственности этнических китайцев из Сянган (около 48%), Тайваня

Ананьев Александр Васильевич — старший советник Постоянного Представительства Российской Федерации при ООН в Нью-Йорке.

(8%) и Сингапура (6%)⁷. Согласно одной из оценок, 15—25% ПИИ, поступивших в Китай до середины 90-х годов, представляли собой “возвратные” инвестиции, имевшие своим источником сам Китай.⁸ Во владении инвесторов из США, Японии и ЕС находятся по 7—9% ПИК, но в последние 2 года их инвестиции в Китай росли более высокими темпами.⁹ Основная часть ПИИ из промышленно развитых стран направляется в предприятия восточного побережья Китая.

Китайская экономика всегда устойчива по отношению к воздействию внешних факторов, хотя внутреннее потребление по-прежнему находится на низком уровне. Объем розничных продаж вырос лишь на 8,8% в 2002 г. против запланированных государством 10% (Рис. 3). В жестких внешних условиях отсутствие “подушки безопасности” в виде внутреннего спроса обычно создает проблемы для экономики. Однако рост китайской экономики питают три других источника: бурный рост экспорта, достигший 22,3% в 2002 г. (Рис 4); продолжающееся быстрое увеличение расходов на развитие инфраструктуры (рост объема инвестиций в основной капитал в 2002 г. составил 16,1% (Рис. 5); непрерывно увеличивающийся приток ПИИ в китайскую экономику (Рис. 1). Именно эти факторы способствовали увеличению объема промышленного производства в 2002 г. на 13%, а в первом квартале 2003 г. рост в промышленном секторе составил 17,2%¹⁰, что значительно превышает за период 2000–2001 гг.¹¹.

При численности населения в 1,3 млрд. человек, что составляет четверть населения земного шара, доля Китая в мировом ВВП находится на уровне 4%, доля в мировой торговле — 4,5%. Однако следует учитывать стремительные темпы развития экономики (Рис. 6) и торговли (рис. 7). Годовой прирост ВВП в последние годы составлял 7% — 8%¹², а в первом квартале 2003 г. показатели роста ВВП составили 9,9%¹³. Еще до присоединения к ВТО торговля Китая как товарами, так и услугами росла темпами, составляющими двузначные величины, более чем вдвое превышая среднемировые показатели, а в 2002 г. на Китай приходилось 20% прироста мировой торговли. В результате бурного роста экспорта Китай стал во многом определять мировой уровень цен.

По мнению аналитиков ООН, формула успеха Китая — перспективный внутренний рынок, функционирующий в соответствии с правилами ВТО, дешевая рабочая сила, усовершенствованная инфраструктура вкупе с политической, благоприятствующей притоку ПИИ.

В процессе присоединения к ВТО Китаю удалось внедрить в свое законодательство те стабильные, предсказуемые “правила игры” для экономических операторов, которые применяют члены Организации. Компании, занятые в мировой торговле или осуществляющие капиталовложения, знают, что в Китае, как и в любой другой стране-члене ВТО, они могут рассчитывать на согласованные подходы к применению тарифов и других инструментов регулирования внешнеэкономической деятельности, что существенно повышает эффективность принимаемых коммерческих решений. Распространение правил ВТО на Китай не только повысило его внешнюю инвестиционную привлекательность, но и сделало более предсказуемым и ясным экономический и правовой климат для собственных предпринимателей.

С момента присоединения к ВТО Китай провел значительную либерализацию законодательства, регламентирующего ПИИ и операции ТНК. Ранее закрытые секторы экономики постепенно открывались в соответствии с обязательствами, принятыми при присоединении к ВТО. Также были ослаблены ограничения на право владения собственностью иностранцами и на предоставление услуг в районах, где ранее они были запрещены. 1 апреля 2002 г. вошло в действие “Руководство по отраслям, открытым для иностранных инвестиций”, в котором содержался расширенный со 186 до 262 перечень отраслей, доступных для иностранных инвестиций, и сокращался со 112 до 75 перечень запре-

ценных отраслей. С 1 декабря 2002 г. иностранным инвесторам в Китае разрешено приобретать котирующиеся и не котирующиеся на внутренней бирже акции зарегистрированных компаний, а также приобретать контрольный пакет акций зарегистрированных компаний при условии соблюдения законодательства, регулирующего ПИИ¹⁴. К 2007 г. Китай должен будет выполнить все обязательства перед ВТО и снять практически все ограничения на ПИИ¹⁵.

В то же время, применяя жесткие меры государственного регулирования, не противоречащие принятым перед странами-членами ВТО обязательствам, Китаю удается направлять возрастающий поток ПИИ в приоритетные для страны сектора экономики. В процессе присоединения к ВТО Китай широко открыл для иностранных капиталовложений свой промышленный сектор, на который приходилось 2/3 общего притока ПИИ. Высокие показатели динамики торговли связаны с увеличением до 90% доли продукции обрабатывающей промышленности в совокупном экспорте Китая. Китай все активнее участвует в сборочном производстве техноёмкой продукции: на долю телекоммуникационного оборудования и компьютеров приходится четверть его суммарного экспорта¹⁶. С 2001 г. более 80% из 500 крупнейших компаний мира, входящих в перечень журнала "Форчун", вложили средства в более чем 2 000 проектов в Китае, не говоря уже об открытии в стране более 400 000 отделений иностранных компаний. Присоединение Китая к ВТО еще более усилило эту тенденцию: в 2002 г. было создано более 34 тысяч ПИК, что почти на треть больше показателей 2001 г. Отрасли высоких технологий привлекают всевозрастающий объем инвестиций спада потока ПИИ в традиционные отрасли¹⁷. Доля продукции отраслей высоких технологий в приросте экспорта составила 42% за период с августа 2001 по август 2002 г., при ее доле в 54% в совокупном росте ВВП за первую половину 2002 г.

Иностранных инвесторов привлекают масштабы китайского рынка, гибкость его экономической политики, малое количество реальных конкурентов. Многие западные компании планируют новые инвестиции в китайскую экономику, особенно в предприятия электронной промышленности. Специалисты полагают, что продукция ряда предприятий фирмы "Сони" в Китае не уступает по качеству японской¹⁸.

Сочетание инвестиций в инфраструктуру, в человеческий капитал и в новые технологии позволяет Китаю достаточно быстро повышать производительность труда. Положительное воздействие ПИИ на рост экономики Китая связано прежде всего с повышением производительности труда (оно дало 2-2,5% роста ВВП в 90-х гг.). На предприятиях с иностранным участием производительность труда вдвое превышает показатели госпредприятий. На этих предприятиях создаются рабочие места, обеспечивая 3% занятости в городах¹⁹.

Выполнение принятых в связи с присоединением к ВТО обязательств сопряжено для Китая с рядом трудностей и опасностей. Ослабление господдержки, а также более свободный доступ импортной сельскохозяйственной продукции на китайский рынок может привести к разорению крестьянских хозяйств и еще большему сокращению возможностей занятости в аграрном секторе экономики (по оценкам, может быть потеряно до 11 млн. рабочих мест). Столь же пессимистически оценивались перспективы автомобильной промышленности в связи с необходимостью снизить таможенные тарифы. Однако неблагоприятные прогнозы пока не оправдываются: в 2002 г. производство автомобилей увеличилось на 38,5% по сравнению с 2001 г., а за I квартал 2003 г. в Китае было произведено свыше 1 млн. автомобилей, что более чем вдвое превосходит показатель аналогичного периода предыдущего года²⁰.

Правительство КНР принимает меры, чтобы предотвратить обострение социально-экономических проблем. Проводится реструктуризация государст-

венных предприятий, расширяется производство и создаются новые рабочие места (в 2003 г. будет создано 9,5 млн. рабочих мест); выравниваются налоговые ставки для отечественных и иностранных компаний; привлекаются ПИИ в западные и центральные провинции, чтобы сократить разрыв в доходах между прибрежными и внутренними районами.

Более 200 млрд. долл. США было направлено в Китае в 2002 г. на развитие инфраструктуры. Крупные государственные капиталовложения идут в строительство метро в городах, на прокладку железных дорог, в строительство Западно-восточного газопровода, в строительство гидроузла на реке Янцзы и строительство на ней электростанции и др.

Императивом макроэкономической политики Китая становится повышение внутреннего спроса, с тем, чтобы ослабить зависимость от экспорта (рост экспорта составил 54% совокупного роста ВВП Китая в первой половине 2002 г.). В этом свете большую роль должны сыграть капиталовложения в инфраструктуру и стимулирование внутреннего потребительского рынка (например, объем продаж в Китае автомобилей компании "Ниссан" возрос за год на 80%)²¹.

Предпринимая шаги по либерализации торговли и режима ПИИ, правительство КНР по-прежнему осуществляет жесткий государственный контроль за стабильностью обменного курса (Рис. 8), сокращает каналы оттока капитала и защищает некоторые отрасли своей экономики.

Между тем, по мнению некоторых экспертов²², жесткая финансово-экономическая политика Китая неблагоприятно сказывается на состоянии мировой экономики в целом. Фиксированный курс юаня к доллару при ослаблении доллара приводит к повышению конкурентоспособности китайского экспорта, что негативно сказывается на других производителях из Азии и затрудняет выравнивание мировой экономики. Кроме того, возлагает на Китай ответственность за рост дефляции в мировом масштабе ряд экспертов. Наличие дефляции в Японии не вызывает у экспертов сомнения, рост инфляции в США самый значительный за последние 48 лет. Риск дефляции в Европе также высок. Азия, за исключением Южной Кореи, уже переживает дефляцию (Сингапур, Гонконг, Тайвань, а также Китай). Дефляция в Азии — серьезная проблема для ослабленной мировой экономики. Вместе с импортом в развитые промышленные страны дешевоющихся товаров и услуг из Азии импортируется и дефляция. Доля Китая в импорте Японии из стран Азии составила 33% в 2001 г. против 22% в 1996 г. Доля Китая в приросте экспорта из Азии (без учета Японии) в США составила 50% за период 1996–2001 гг. Это делает Китай важным компонентом дефляции в США. Преобладание американского потребителя и китайского производителя, по мнению экспертов, приводит к неустойчивости мировой экономики²³.

В последнее время развитые страны усилили давление на Китай, призывая его ввести конвертируемость национальной валюты, в пользу чего приводят следующие аргументы: рекордные показатели китайского экспорта; рост золотовалютных резервов Китая за последний год на 35% до уровня 286,4 млрд. долл. США; улучшение положительного сальдо внешнеторгового баланса с 22,6 млрд. долл. США в 2001 г. до 30,3 млрд. долл. США в 2002 г.; рекордный объем инвестиций за последние годы. Однако китайское правительство считает, что введение конвертируемости юаня может затруднить рост экспорта, сделать импорт более привлекательным и препятствовать притоку ПИИ в экономику Китая. Данные факторы, по мнению китайского правительства, могут замедлить экономическое развитие страны и обострить проблему безработицы. Руководство Китая проявляет осторожность в данном вопросе.

замедлить экономическое развитие страны и обострить проблему безработицы. Руководство Китая проявляет осторожность в данном вопросе.

Согласно прогнозу ООН, в краткосрочной и среднесрочной перспективе по мере снятия ограничений в соответствии с обязательствами по присоединению к ВТО приток ПИИ в Китай, включая трансграничные слияния и поглощения, будет продолжать расти, особенно в областях, в которых иностранным компаниям важно получить доступ на китайский рынок или укрепить свои позиции на нем. Традиционные факторы, влияющие на объем ПИИ, также сохраняют значение: по-прежнему привлекательным будет инвестирование в промышленность страны. В то же время в ближайшие годы ПИИ будут расти быстрее всего в секторе услуг. Ожидается, что наибольшие изменения произойдут в отраслях, ранее закрытых для ПИИ — в телекоммуникациях, в финансовом секторе, в оптовой и розничной торговле. В целом предполагается умеренный рост объема ПИИ при существенном сдвиге в их структуре.

Вместе с тем аналитики ООН²⁴ не ожидают резкого роста приобретения иностранцами местных активов. Наиболее привлекательные компании уже связаны с ТНК с 90-х гг. через принадлежащие государству СП. Другие факторы также могут затруднить слияния и поглощения: например, трудно установить реальную стоимость местной компании в силу различия в стандартах и в практике учета. У китайских государственных компаний могут быть обязательства (по защите окружающей среды или по расходам на социальные нужды), которые ТНК не захотят принимать на себя. Многие государственные предприятия опутаны долгами, что также может отпугивать ТНК от приобретения. Наконец, новое антитрестовское законодательство также способно служить препятствием для слияний и поглощений в Китае (согласно нему, административному контролю подлежит приобретение иностранной компанией активов стоимостью свыше 30 млн. долл. США; капиталовложение объемом свыше 100 млн. долл. США в течение года; доля свыше 33% на внутреннем рынке; или финансируемый за счет иностранных инвестиций 11-ый в течение года проект в отрасли).

В целом, по мнению аналитиков из Академии общественных наук Китая, прогноз развития экономики КНР на 2003 г. остается положительным²⁵ ожидается дальнейшее повышение потребительского спроса до 10,1% (Рис. 3) устойчивый рост экспорта на 15,6% (Рис. 4); увеличение объема инвестиций в основной капитал на 16,6% (Рис. 5). Эти факторы должны, по их прогнозу, позволить не только сохранить, но и ускорить темпы экономического роста в текущем году до 8,6%. Эпидемия атипичной пневмонии, отрицательно воздействовавшая на такие важные отрасли китайской индустрии услуг, как туризм, индустрию развлечений, общественное питание, розничную торговлю, транспорт, дает экономистам несколько скорректировать предварительный прогноз²⁶. По некоторым оценкам, последствия распространения этой болезни могут отрицательно повлиять на экономику Китая.

1. Прямые инвестиции — вложения в уставный капитал предприятия с целью извлечения дохода и получения прав на участие в управлении предприятием.
2. Все графики (Рис. 1 — 8) даны в конце статьи. Они построены на основе статистических данных Института количественной и технической экономики Китайской академии общественных наук, приведенных в докладе Country Report: China. Project LINK Meeting. April 23-25, 2003. New York.
3. Китай стал членом ВТО 11 декабря 2001 г.
4. World Economic Situation and Prospects 2003. Department of Economic and Social Affairs UN and UNCTAD. United Nations. New York, 2003.
5. Там же.

8. Huang Y (2002). *Selling China: Foreign Direct Investment During the Reform Era*. New York, Cambridge University Press.
9. UNCTAD, Trade and Development Report, 2002.
10. Country Report: China. Project LINK Meeting. April 23-25, 2003. New York.
11. Stephen S. Roach. Global: Daily Economic Comment, Morgan Stanley, Oct.14, 2002.
12. World Economic Situation and Prospects 2003. Department of Economic and Social Affairs UN and UNCTAD. United Nations. New York, 2003.
13. Country Report: China. Project LINK Meeting. April 23-25, 2003. New York.
14. Государственные компании, которые составляют 90% из более 1200 зарегистрированных акционерных компаний, имеют право продавать треть своих акций на бирже. По новым правилам инвесторы могут перепродавать приобретенные акции после года владения и репатриировать капитал.
15. World Economic Situation and Prospects 2003. Department of Economic and Social Affairs UN and UNCTAD. United Nations. New York, 2003.
16. UNCTAD, Trade and Development Report, 2002.
17. World Investment Report 2001.
18. Stephen S. Roach. Global: Daily Economic Comment, Morgan Stanley, Nov. 4, 2002.
19. IMF Survey. Vol. 31. № 10. 2002.
20. Country Report: China. Project LINK Meeting. April 23-25, 2003. New York.
21. Stephen S. Roach. Global: Daily Economic Comment, Morgan Stanley, Nov. 4, 2002.
22. Stephen S. Roach. Global: Daily Economic Comment, Oct.14. 2002.
23. Там же.
24. World Economic Situation and Prospects 2003. Department of Economic and Social Affairs UN and UNCTAD. United Nations. New York, 2003.
25. Country Report: China. Project LINK Meeting. April 23-25, 2003. New York.
26. K. Leggett and J. Dean. China's Growth May Fall Below 7% // The Wall Street Journal. 29 April, 2003.

**Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая с 1990 г. по 2002 г.
(млрд. долл. США)**

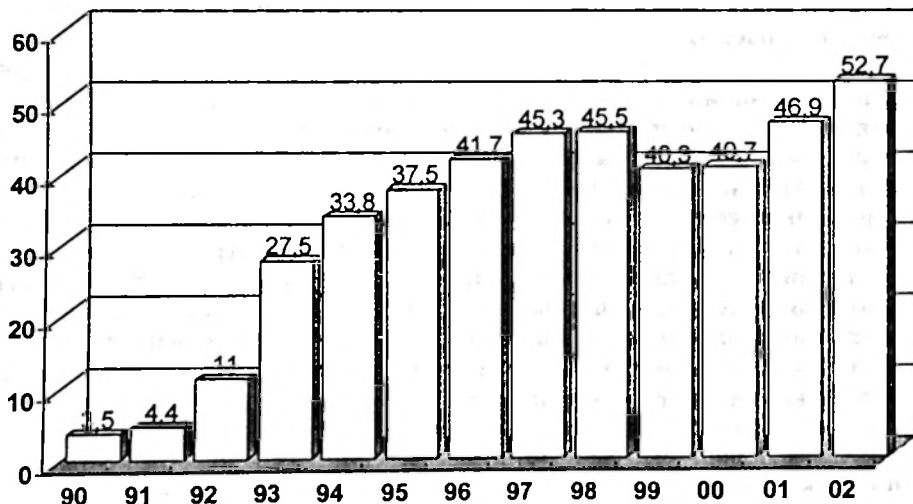

Рис. 1

Темпы роста ВВП в различных странах (%)

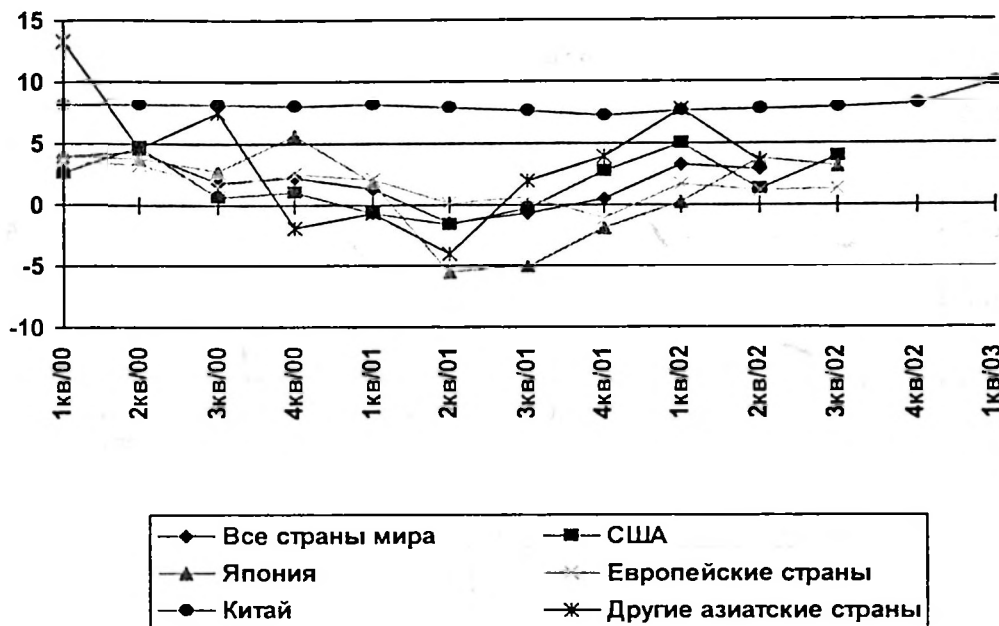

Рис. 2

Потребительские расходы в Китае (1998-2003)

Рис. 3

Внешняя торговля Китая: объем экспорта (1998-2003)

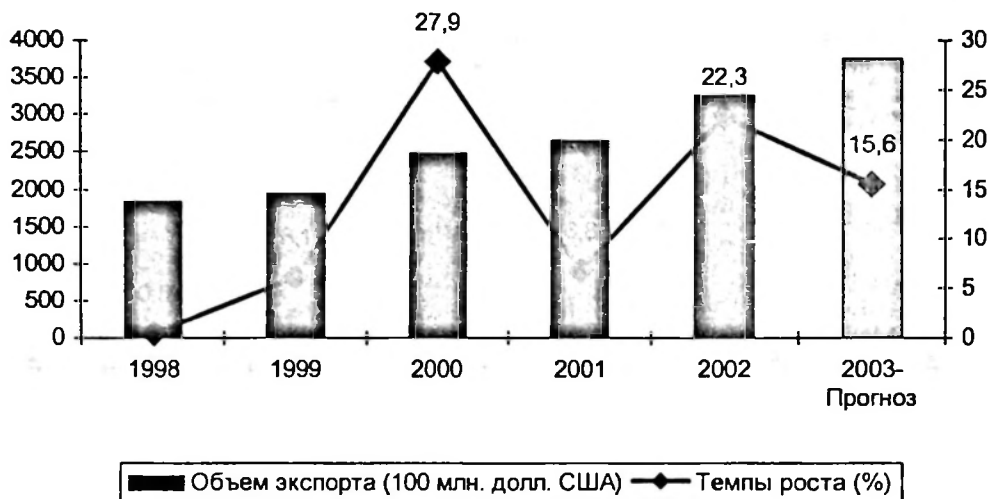

Рис. 4

Объем инвестиций в основной капитал в Китае (1998-2003)

Рис. 5

ВВП и темпы экономического роста в Китае (1998 – 2003)

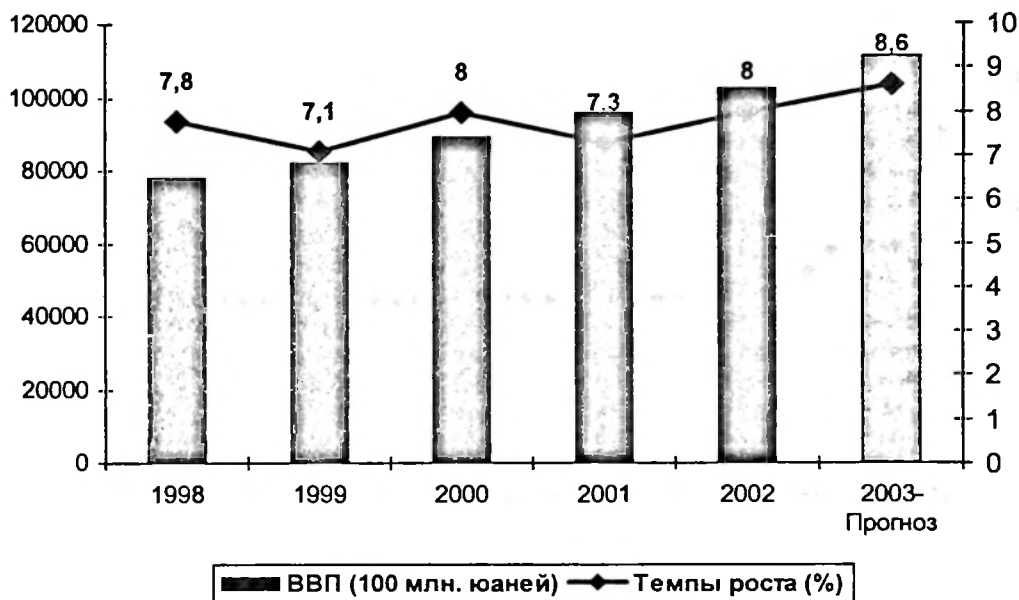

Рис. 6

Внешняя торговля Китая: экспорт и импорт (1998-2003)

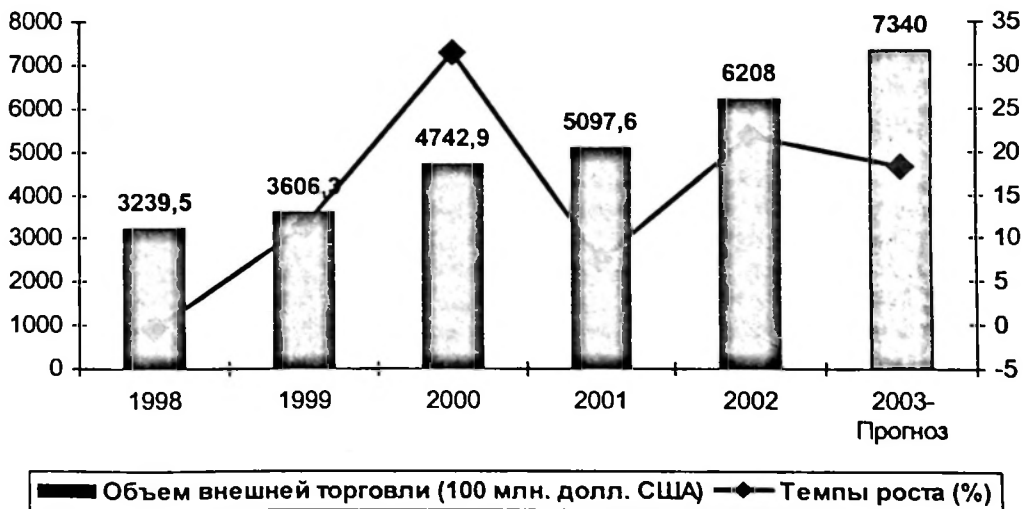

Рис. 7

Обменный курс (100 юаней/долл.США)

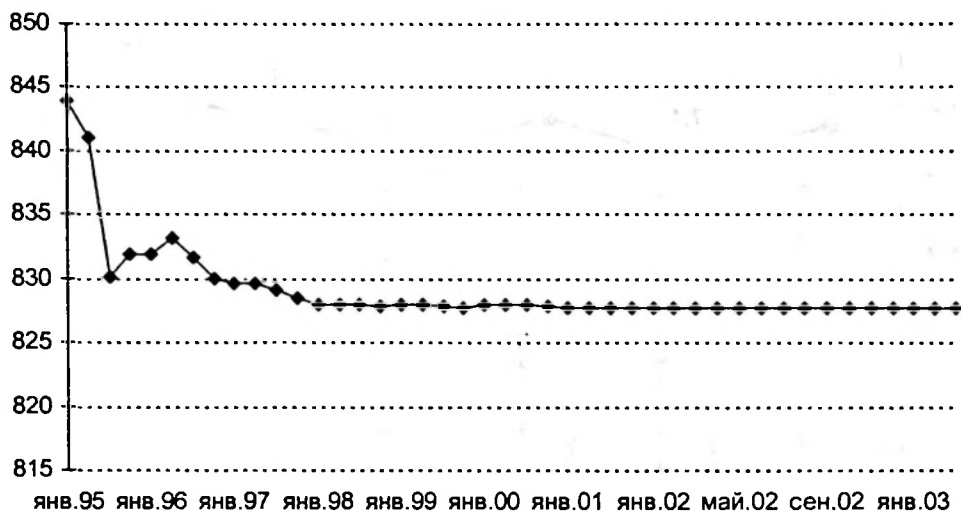

Рис. 8

Китайцы в Забайкалье

© 2003

А. Тарасов

В период нормализации отношений, в июне 1988 г., были подписаны "Соглашение об установлении и развитии торгово-экономических связей между союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинциями, автономными районами и городами КНР" и "Соглашение о принципах создания и деятельности советско-китайских совместных предприятий". Эти документы создали необходимые условия для расширения сотрудничества. С этого времени предоставление услуг с использованием китайской рабочей силы стало достаточно распространенной формой сотрудничества между советскими и китайскими организациями. Заключавшиеся сделки охватывали, прежде всего, лесозаготовки, услуги по строительству жилья, производственных зданий, гостиниц, детских садов и больниц, услуги по выращиванию сельхозпродукции (в основном огородных культур), услуги специалистов традиционной китайской и тибетской медицины. Использование этих услуг началось в 1989 г., и в первый же год, по данным статистики КНР, в СССР работало около 10 тыс. человек, а в 1990 г. число работающих увеличилось до 15 тыс. специалистов. Экспортом трудовых ресурсов в СССР могли заниматься в основном только компании, в сферу деятельности которых входило технико-экономическое сотрудничество. Такие компании были во всех провинциях и городах центрального подчинения.

Отношения советских и китайских организаций в этой области дополнительно регламентировались "Соглашением между правительствами СССР и КНР о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях СССР", подписанном сторонами в августе 1990 г. Накопленный опыт показывал, что в основном китайские партнеры выполняли услуги с привлечением достаточно квалифицированных работников, однако в отдельных случаях советские организации были вынуждены предлагать замену китайских рабочих из-за низкой квалификации и недобросовестного отношения к работе.

Все большее применение находила международная кооперация труда и в Читинской области. Так, в 1992 г. китайские специалисты работали на контрактной основе в сельскохозяйственных предприятиях области на выращивании овощей и строительстве важнейших объектов (более 2,5 тыс. человек). В то же время российские специалисты и рабочие сельскохозяйственного производства, дорожного строительства Читинской области занимались на территории КНР возделыванием зерновых культур и строительством дорог.

Современность: разность демографических потенциалов на читинском участке границы

Население нашей страны продолжает сокращаться. Государственный комитет по статистике прогнозирует дальнейшее убывание населения — до 138 млн. в 2015 г. По некоторым прогнозам, население России к концу XXI века сократится наполовину¹. Пишут даже, что уже к середине XXI в. в результате данных процессов китайцы в России могут стать второй после русских национальностью страны и неотъемлемой частью российских трудовых ресурсов². По этой логике, должны иметь место признаки замещения сокращающегося местного населения китайскими мигрантами, в том числе и в сопредельном с Китаем российском Забайкалье.

Плотность населения пограничных с Китаем областей России держится на уровне трех человек на один кв. км, за исключением Приморского края, однако и его показатель (12,1 чел.) далек от уровня большинства территориальных единиц России. Соседняя с Забайкальем территория Китая — Внутренняя Монголия — считается в Китае малозаселенной провинцией³. На 1 января 2002 г. население Читинской области составило 1237,2 тыс. человек. В течение последних пяти лет — с 1997 по 2002 г. — население Читинской области сократилось на 46,8 тыс. человек (абсолютные темпы сокращения — 25,6 человек в день). По прогнозу Госкомстата России, предположительная численность населения в Читинской области в 2003 — 2007 гг. также имеет тенденцию к понижению:

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Все население на начало года, тыс. человек	1229	1225	1216	1209	1202

Забайкалье уступает большинству областей страны по качеству и уровню жизни и не располагает перспективами расширенного воспроизводства своего демографического потенциала. Общероссийская кризисная ситуация здесь обострена до предела. Пограничное с Китаем пространство Читинской области составляют семь административных районов — Могочинский, Нерчинско-Заводский, Газимуро-Заводский, Калганский, Приаргунский, Краснокаменский и Забайкальский. Из этого перечня следует выделить территории практически без жителей в пограничных ареалах в пределах транспортной доступности границ (50 — 60 км), в которых численность жителей равняется нескольким десяткам, — Могочинский и Газимуро-Заводский. В целом, однако, плотность населения в приграничной зоне составляет до 6 человек на 1 кв. км, включая жителей городов Краснокаменск и Борзя, в которых сосредоточено 2/3 всего пограничного населения.

Для сопоставления демографических потенциалов Читинской области и сопредельных районов Китая мы взяли близкую по основным параметрам территории непосредственно граничащего с нею Хулунбуирского аймака, одного из восьми аймаков автономного района Внутренняя Монголия. Площадь аймака составляет 253 тыс. кв. км — в 1,7 раза меньше территории Читинской области. Правда, по численности населения — 2,6 млн. человек — аймак более чем в 2 раза превосходит нашу область.

С 1997 по 2001 г. его население сократилось на 70,6 тыс. человек⁴, то есть абсолютные темпы сокращения численности населения в китайском приграничье составили 48,4 человек в день:

Регион	Показатель	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Сопредельный с Читинской областью Хулунбуирский аймак	Население, тыс. человек	2720,1	2717,4	2713,7	2736,5	2649,5
	Плотность, чел./км ²	10,75	10,74	10,72	10,82	10,47
	Рождаемость, %	10,88	9,75	8,57	—	—
	Смертность, %	5,48	3,79	3,91	—	—
	Естественный прирост, %	+5,65	+5,96	+6,66	—	—
Читинская область	Население, тыс. человек	1284,0	1274,1	1265,9	1256,2	1246,7
	Плотность чел./км ²	2,976	2,953	2,934	2,911	2,889
	Рождаемость, %	11,0	11,7	10,9	11,1	11,7
	Смертность, %	12,0	11,6	13,6	13,7	14,4
	Естественный прирост, %	-1,0	+0,1	-2,7	-2,6	-2,7

В 1997 — 1999 гг. в аймаке наблюдалось сокращение населения при положительных значениях естественного прироста, что говорит о наличии миграционной убыли. В одном только 2001 г. при отсутствии административно-территориальных преобразований Хулунбуир потерял 87 тыс. жителей или более 3% населения, что, по мнению читинских демографов, не может быть связано с естественными причинами:

Показатель (человек)	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Расчетная миграция	-15370	-19900	+4730

В период 1997, 1998 и 1999 гг. Читинская область превосходила Хулунбуирский аймак по рождаемости, что не может быть объяснено только проведением в Китае политики плановой рождаемости, поскольку в то же время Хулунбуир отставал по рождаемости от средних показателей Внутренней Монголии, которые приняли значения соответственно 15,2, 14,4 и 13,32. В то же время показатели смертности в Забайкалье значительно выше, нежели в соседних районах Китая. О возрастной структуре населения приграничных районов Китая известно немного. Во Внутренней Монголии в 2001 г. доля населения в возрасте 65 лет и старше составляла 5,68%, что на 0,32 процентных пункта выше соответствующего показателя предыдущего года. Число жителей престарелого возраста составило 1349 тыс. человек. В Читинской области в 2001 г. жителей данной возрастной группы насчитывалось 110 тыс. человек (8,8%), а в 2000 г. — 108,8 (8,7%).

Плотность населения в Хулунбуире — 10,47 человек на кв. км, ненамного превышает плотность населения в среднем по России (8,5 человек на кв. км) и в 1,7 раза превышает плотность населения в пограничной с Китаем полосе Читинской области. Нельзя не обратить внимания, что Забайкалье и Хулунбуир обладают взаимно дополняемыми половыми структурами населения: в Читинской области женщины преобладают, в то время как в Хулунбуире их не хватает.

Регион	Соотношение мужчин и женщин	1998 г.		1999 г.		2000 г.		2001 г.	
		всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Хулунбуирский аймак	мужчин	1391,5	51,20	1390,5	51,20	1409,7	51,51	1355,6	51,16
	женщин	1325,9	48,84	1323,2	48,80	1326,8	48,49	1293,9	48,84
	соотношение	104,9:100		105,1:100		106,2:100		104,8:100	
Читинская область	мужчин	623,1	48,80	619,1	48,80	615,7	48,90	609,7	48,80
	женщин	653,7	51,20	649,5	51,20	643,3	51,10	639,7	51,20
	соотношение	100:104,9		100:104,9		100:104,5		100:104,9	

Половая структура населения Хулунбуира отражает общекитайскую тенденцию. Демографы КНР выступают в печати с предупреждением: в стране возникли серьезные половые диспропорции — в последние годы на каждые 100 новорожденных девочек рождается в среднем 117 мальчиков. Китайцы мальчиков предпочитают девочкам, поэтому многие семьи предпочитают родить ребенка заданного пола, а в некоторых районах страны молодых женщин уже не хватает. Поскольку вряд ли удастся лишить молодых китайцев желания жениться, придется наладить импорт невест из сопредельных государств⁵. В Забайкалье для этого, по-видимому, возникают необходимые условия. к тому же по обе стороны границы проживают группы населения, у которых близки традиции и жизненный уклад. Данное обстоятельство, по мнению китайских ученых, также способствует перемещению людей через границу⁶.

Автономный район Внутренняя Монголия в числе важнейших задач социально-экономического развития в период 10-й пятилетки провозгласил сохранение естественного прироста населения не выше 10%, чтобы до 2005 года удержать его численность пределах 25 млн. человек (в 2001 г. в АРВМ проживало 23774,9 тыс. человек)⁷.

Закономерен интерес и к анализу миграционных потоков в Читинской области, включая исследование объема, динамики, структуры и других аспектов данной формы российско-китайского приграничного взаимодействия.

Миграционные потоки в Забайкалье

Материалы Управления по делам миграции УВД Читинской области говорят о том, что миграционная обстановка на территории Читинской области имеет две важных особенности⁸:

1. Поток внутренней миграции направлен из Забайкалья в старообжитые районы Российской Федерации и более благополучные соседние районы, т. е. основной причиной оттока населения выступают социально-экономические проблемы. В связи с этим для территории области остается характерной миграционная убыль. Население области уменьшается ежегодно в среднем на 9,4 тыс. человек. Одновременно, как это бывает в кризисные периоды, резко ухудшились все демографические показатели: снизилась рождаемость, возросла смертность. Миграционная убыль характеризуется следующими значениями:

Показатель (человек)	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Миграция — всего	-6340	-7887	-8318	-6148	-6305	-6121
В т.ч. межрегиональная	-7539	-8808	-8586	-6184	-6591	-6181

2. В последние несколько лет значительно изменились характеристики потока внешней миграции на территории Российской Федерации и Читинской

области. Регион всегда испытывал большой дефицит трудовых ресурсов. Здесь сходятся наземные и воздушные коммуникации между востоком и западом России, что также важно с точки зрения миграционных процессов. Высокий уровень инфраструктурной интеграции с остальной Россией закономерно превратил Читинскую область в центр притяжения и путь транзита двух потоков внешней миграции.

Прежде всего, это граждане государств СНГ Средней Азии и Закавказья. Поток направлен из стран со сложной социально-экономической обстановкой, регионов национальных конфликтов и войн в более благополучные страны. По отношению к странам Средней Азии и Закавказья такой страной выступает Российская Федерация. На территорию области ежегодно прибывает несколько тысяч граждан стран СНГ, которые в большинстве своем незаконно занимаются трудовой деятельностью. Хотя официальные данные о миграционном приросте населения в результате международной миграции в Забайкалье значительно скромнее (чел.):

1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
1330	921	268	36	286	60

Учитывая перенаселенность и трудоизбыточность государств исхода и слабую заселенность Сибири, нетрудно прогнозировать, что этот поток будет существовать, а в перспективе — и расти⁹.

Во-вторых, это граждане КНР. Проблема именно китайского присутствия побудила нас попытаться выявить основные характеристики китайского миграционного потока.

Миграция китайцев на территории Забайкалья понимается нами как процесс перемещения граждан КНР через читинский участок российско-китайской границы со сменой навсегда или на время постоянного места жительства, либо с регулярным возвращением к нему. В соответствии с этим, основными формами миграции являются стационарная, сезонная и маятниковая, в том числе эпизодическая¹⁰.

1. *Стационарная*, когда граждане КНР переселяются на новое место жительства в Читинской области на постоянной основе, получают соответствующую регистрацию, устраиваются на работу. По некоторым данным, эта категория китайских граждан насчитывает 54 человека: 33 мужчины, 21 женщина (кроме того, 10 детей). На протяжении последних лет эта цифра не меняется. Данная категория формируется в результате заключения браков между мигрантами из Китая и местными жителями. В Чите получили известность Лу Мин, бывший владелец теплиц пригородного колхоза "Маяк", а также Ван Вэйцзя, владелец известного в городе кафе "Цин Сян", женами которых стали российские гражданки. В связи с проводимой в Китае демографической политикой по ограничению рождаемости, некоторые китайские гражданки стараются родить второго и третьего ребенка на территории РФ (например, некая Ван Пин родила двух детей в городе Чите, которые были признаны в законном порядке гражданами России).

2. *Сезонная*, связанная с временным переездом для выполнения конкретных хозяйственных задач (различные виды работ: строительные, сельскохозяйственные, которые распространены повсеместно на территории Читинской области).

В настоящее время китайский труд играет определенную роль в хозяйственной жизни Забайкалья. В 2001 г. выдано 104 разрешения на привлечение и использование иностранной рабочей силы предприятиям различной формы

собственности, заявленной численностью 4136 человек. За привлечение иностранной рабочей силы в 2001 г. в областной бюджет поступило 413,6 тыс. руб. (за первое полугодие 2002 г. — 330,3 тыс. руб.). Фактически прибыли для работы и получили подтверждение на право трудовой деятельности 2494 иностранных гражданина. Из общего числа прибывших трудящихся мигрантов 59% — граждане КНР. Иностранная рабочая сила привлекалась и использовалась в 18 районах Читинской области. По количеству привлекаемой рабочей силы на первом месте находится город Чита — 33,6%, за ним следуют районы Читинской области, в которых заготавливается лес: Могочинский — 16,6% и Хилокский — 10,5%. Принимая во внимание, что в 2001 г. занятых в экономике российских граждан насчитывалось 459,8 тыс. человек, доля иностранной рабочей силы составила 0,54%, в том числе китайской рабочей силы — 0,33%, что, очевидно, не повлияло существенно на рынок труда в Забайкалье.

Число предприятий и организаций, оформивших разрешение на привлечение и использование иностранной рабочей силы, в 2001 г. по сравнению с 1999 годом выросло на 82,5%, в том числе — предприятий, использующих рабочую силу: из стран дальнего зарубежья — на 28,6%, из стран СНГ — более чем в пять раз. Значительный рост числа предприятий, оформивших разрешения на привлечение и использование граждан из стран СНГ, произошел, как считают в миграционном ведомстве, в результате улучшения организации контроля за привлечением и использованием иностранной рабочей силы. Использование иностранной рабочей силы на территории Забайкалья в ретроспективе выглядит так:

Показатель	1994		1995		1996		1997	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Прибыло всего, в т.ч.:	2394	100	2238	100	1950	100	2053	100
Граждан КНР	1105	46	1543	69	1330	68	1555	75
Граждан СНГ и прочих	1289	54	695	31	620	32	498	25

Показатель	1998		1999		2000		2001	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Прибыло всего, в т.ч.:	2237	100	1444	100	2056	100	2494	100
Граждан КНР	1758	79	1169	81	1123	54	1476	59
Граждан СНГ и прочих	473	21	275	19	933	46	1018	41

На протяжении последних лет число иностранных рабочих остается стабильным — на уровне 2 — 2,5 тыс. человек, за исключением следующего за девальвацией российского рубля 1999 г., когда число трудовых мигрантов было минимальным за весь рассматриваемый период. Более половины составляют граждане КНР. В период с 1994 по 1998 гг. наблюдается рост числа китайских трудовых мигрантов, в 1998 г. их число принимает максимальное за рассматриваемый период значение — 1758 человек. А в 1999 г. и доля китайских рабочих была максимальной — 81%. На протяжении первого полугодия 2002 г. в различных отраслях экономики области работало всего 3381 иностранный гражданин, из них 73,9% — граждане КНР.

Основную массу иностранных граждан, прибывающих в область на работу, составляют строители и лесозаготовители. Отраслевая структура использования иностранцев в последние годы сложилась следующим образом (проценты):

	Строительство	Лесное хозяйство	Сельское хозяйство	Промышленность	Другие
Профессионально-квалификационный состав	каменщики, штукатурки, сантехники, маляры, плотники, крановщики башенных кранов, плиточники	водители лесовозов, вальщики, штабелевщики, сучкорубы, крановщики, трелевщики, учетчики	овощеводы	машинисты бульдозера и промприборов, водители большегрузных автомобилей, токари, сварщики, маркшейдеры, геологи	работники общественного питания и торговли, провизоры, грузчики на транспорте, руководящий управленческий персонал
2000 г.	18,7	31,4	2,3	11,3	36,3
2001 г.	41,4	24,9	3,0	18,0	12,7
2002 г. (первое полугодие)	52,2	29,2	—	8,1	10,5

Китайская рабочая сила отличается, как правило, высоким качеством выполнения работ, достаточной квалификацией и дисциплинированностью.

3. *Маятниковая*, когда люди совершают ежедневные или частые и регулярные переезды от места работы к месту жительства и обратно. Сюда же можно отнести и миграцию эпизодическую, связанную с временной переменой места жительства на период, зависящий от целей приезда (командировки, "туристические" поездки по перевозке потребительских товаров для реализации на рынках области).

Год	По целям поездок						Итого
	Служебная	Туризм	На ПМЖ	Частная	Обслуж. персонал транспортных средств	Транзит	
1998	66952	43716	—	3375	6689	33	120765
1999	73632	22964	3	3084	8140	14	107837
2000	122449	35073	—	6192	2340	15	166069
2001	96111	21110	—	66923	4672	14	188830

Основная часть миграционного потока из КНР носит маятниковый характер, поскольку большинство китайских граждан не следуют к месту, указанному в визе, а совершают ежедневные поездки из КНР в Россию и обратно. Анализ данных компьютерной системы по учету иностранных граждан поста иммиграционного контроля "Забайкальск" показывает, что в прошлом году каждый китайский гражданин, следующий до поселка Забайкальск, в среднем пересекал границу до 15 раз.

В последние несколько лет поток внешней миграции стал значительно интенсивнее. Если в 1999 г. число въехавших китайских граждан сократилось на 10%, то уже в 2000 г. оно выросло более чем на треть, а в 2001 г. увеличилось еще на 12%. Доля граждан КНР в потоке внешней миграции остается высокой — 94,1% от общего числа иностранных граждан, въехавших через пункт

ты пропуска, расположенные на читинском участке госграницы. В первом полугодии 2002 г. количество иностранных граждан, прошедших иммиграционный контроль, увеличилось по сравнению с соответствующим периодом 2001 г. еще на 20,1%.

Скачкообразный рост численности маятниковых мигрантов в пунктах пропуска на читинском участке границы наблюдается не только в отношении китайских граждан, въехавших в РФ, но и российских граждан, выехавших в КНР (чел.):

Год	По целям поездок						Итого
	Служебная	Туризм	На ПМЖ	Частная	Обслуж. персонал транспортных средств	Транзит	
1998	29217	143394	—	147	11850	—	184608
1999	25789	212729	3	—	13275	—	251796
2000	40331	284246	—	111	5581	—	330269
2001	115464	203528	—	98908	7750	—	425650

Практически все российские граждане следуют в пограничный китайский город Маньчжурию. Большинство китайцев — до 60% — также едут только до российского пограничного поселка Забайкальск, но значительная их часть следует в глубь России. При этом нельзя не обратить внимание, что из года в год российский граждан ездит в Китай значительно больше, нежели китайских в Россию:

	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Соотношение числа граждан КНР, въехавших в РФ, к числу граждан РФ, выехавших в КНР	1:1,53	1:2,33	1:1,99	1:2,25

В 2001 г. на автомобильный транспорт пришлось 94,3% от общего числа китайских граждан, въехавших в РФ, и 97,5% от общего числа российских граждан, выехавших в КНР через читинский участок границы. Главными воротами как въезда китайских, так и выезда российских граждан выступает автомобильный пункт пропуска "Забайкальск", крупнейший в азиатской части России (чел.):

Год	По видам транспорта		Итого
	Автомобильный	Железнодорожный	
<i>Граждане КНР, въехавшие в РФ</i>			
1998	105051	15714	120765
1999	95802	12035	107837
2000	154563	11506	166069
2001	178002	10828	188830
<i>Граждане РФ, выехавшие в КНР</i>			
1998	174946	9662	184608
1999	243874	7922	251796
2000	321490	8779	330269
2001	415122	10528	425650

В структуре въезда существенно изменилось соотношение китайских граждан, въезжающих по визам и безвизовым туристическим формальностям (%):

Год	По целям поездок в процентах						Итого
	Служебная	Туризм	На ПМЖ	Частная	Обслуж. персонал транспортных средств	Транзит	
1998	55,4	36,2	—	2,8	5,5	0,0	100
1999	68,3	21,3	0,0	2,9	7,5	0,0	100
2000	73,7	21,1	—	3,7	1,4	0,0	100
2001	50,9	11,2	—	35,4	2,4	0,0	100

В течение рассматриваемого периода безвизовый туризм начал утрачивать свое значение в качестве канала для въезда мятниковых китайских мигрантов. Доля туристов среди въехавших китайцев снизилась с 36,5% в 1998 г. до 21,3 и 21,1% в 1999 и 2000 гг. соответственно. Статистика показывает, что многократная российская виза для них оказалась удобнее. Примечательно, что в мае — июне 1999 г. постом иммиграционного контроля “Забайкальск” в качестве эксперимента осуществлялась процедура отказа в пропуске на территорию РФ китайским гражданам, пересекающим границу по визе, но нарушившим положения Закона “О въезде в Российскую Федерацию и выезде из Российской Федерации” относительно цели приезда. Всего не было пропущено 24 гражданина КНР. Среди них 4 “переводчика”, не знающие русского языка, 9 “экспедиторов” без груза и 11 “водителей” без водительских прав — до недавнего времени данные категории граждан имели льготы при получении многократных виз. Данная процедура могла быть применена еще к 441 китайскому гражданину, что составляет 0,5% от общего числа въехавших за время проведения эксперимента граждан КНР. Экстраполяция данной цифры на общее количество китайских граждан, въезжавших на территорию РФ по визам, выданным консульскими учреждениями МИД РФ, давала значительное число нарушителей упомянутого Закона.

Тем не менее в 2000 г. Минэкономразвития России и Китайская государственная администрация по туризму подписали новое соглашение о безвизовом въезде для туристических групп, которое увеличило численность членов групп с 2 до 5 человек и ограничило срок их пребывания до 30 календарных дней¹¹, что существенно осложнило условия поездок. Данные нововведения, вступив в силу с 1 марта 2001 г., привели к дальнейшему сокращению доли граждан КНР, въехавших в Читинскую область по туристическим формальностям, — до 11,2% в 2001 г.

Как пояснили в Управлении внешнеэкономических и межрегиональных связей Администрации Читинской области, при заключении указанного соглашения “такое жесткое условие поставили чиновники российского МИДа. Они настаивали даже на цифре 15 для любой группы”¹². В результате увеличилась доля граждан КНР, въехавших по визам как служебного, так и частного характера: с 77,4% в 2000 г. до 86,3% в 2001 г., что, надо полагать, соответственно увеличило и доходы МИД РФ от консульских сборов.

Увеличение доли китайцев, въезжающих в Россию по визам, немедленно вызвало к жизни бизнес по оформлению приглашений, необходимых для получения визы в российском консульском учреждении. Чаще всего в 2001 г. приглашения для китайцев оформлялись организациями и лицами в других регионах России: из 140 организаций, оформивших приглашения для китай-

цев, въехавших через читинский участок границы, только 27 были зарегистрированы в Читинской области. Например, по приглашениям хабаровского ООО "Питсинтез" проследовало 6260 граждан КНР. При проведении опроса во время иммиграционного контроля и в ходе проверок ни один гражданин КНР, въехавший по приглашению данной организации, не мог назвать ее местонахождение и конкретную цель приезда. Данное положение сохранилось и в первой половине 2002 г.: за это время для въезда по коммерческим визам только компания "Юньтун" оформила приглашения для 9192 граждан КНР. По словам китайцев, визы оформляли посредники, взимая при этом за услугу от 2000 до 5000 юаней.

Следует также отметить, что из 21110 китайских туристов, въехавших в РФ в 2001 г. через читинский участок границы, читинские туристические организации приняли только 18831 туриста, или 89,2%. Остальные проследовали в другие регионы России. В то же время, из 203528 российских туристов, выехавших в КНР, только 74805, или всего 36,8%, были направлены читинскими туристическими организациями. Остальные прибыли из других регионов России.

В течение ряда лет наблюдается устойчивый отрицательный баланс между въехавшими и выехавшими иностранными гражданами. По данным Забайкальского регионального управления ФПС России, в 2001 г. разница составила 2981 человек в пользу въехавших. Это 1,6% от общего числа въехавших за год китайцев. Данная ситуация естественна для интенсивной маятниковой миграции — в любое время определенное количество челноков находится на российской территории.

Экономическая специализация маятниковых китайских мигрантов — челночная мелкооптовая и розничная торговля, неформальный бизнес. Китайцы занимаются торговлей практически на всех вещевых рынках города Читы и районных центров Читинской области. Средоточие экономической жизни китайцев Читы — рынок на улице им. Белика, известный в городе как "Китайка". В свое время китайские торговцы буквально спасли город от товарного голода и этим, возможно, внесли вклад в предотвращение социального взрыва. Сейчас "Китайка" продолжает играть важную и незаменимую роль как рынок для бедных¹³, хотя наряду с ней реализуется ряд довольно крупных по местным меркам инвестиционных проектов по созданию центров для торговли товарами престижных китайских марок. На "Китайке" ежедневно занимаются торговлей 400 — 500 китайских граждан. То же можно видеть на оптовом рынке Читинского хладокомбината, где граждане КНР занимаются реализацией овощей и фруктов. В целях упорядочения торговли иностранными гражданами было принято постановление главы администрации области № 292 "Об упорядочении торговой деятельности иностранных граждан на рынках Читинской области".

Китайские товары в основном доставляются российскими гражданами, которые при таможенном оформлении заявляют их как некоммерческие, для личного потребления, и на этом основании, по действующим таможенным правилам, получают возможность не уплачивать импортную пошлину и НДС на 50-килограммовую партию. В пос. Забайкальск и других районах области сформировался многочисленный контингент российских граждан, так называемых "кэмэлов" (от английского "camel"), которые предлагают подобного рода услуги по цене до 500 руб. в день. Целью многократных поездок китайцев является, главным образом, контроль за доставкой потребительских товаров в качестве багажа с последующей реализацией на рынках Читы и области. Экономия на уплате в России импортных пошлин и НДС выступает, таким образом, хозяйственной основой организации неформальными экспортерами в Ки-

тае и импортерами в России контингентов "кэмэлов", которые буквально на себе перетаскивают через таможенный контроль тюки с товарами.

Незаконная иммиграция из КНР

Проблема незаконной внешней трудовой миграции пока еще ждет своего решения. При существующей системе контроля на государственной границе и на территории страны въезд иностранных граждан по коммерческим и деловым визам становится более удобным способом легализации на территории Российской Федерации и Читинской области. Иностранные граждане, и в первую очередь граждане КНР, нарушают сроки пребывания, самовольно меняют свой статус, что и приводит к возникновению проблем незаконной миграции. В 1999 г. работниками миграционной службы была проверена часть районов области на предмет использования иностранной рабочей силы. В ходе проверок на 145 предприятиях в Чите и в 11 районах Читинской области было установлено, что без разрешений миграционной службы работало 390 человек (из стран СНГ — 224, из КНР — 161, из КНДР — 5), однако можно предположить, что численность нелегальных иностранных рабочих больше в 3 — 5 раз. Данные проверки говорят о том, что проблемы незаконной внешней трудовой миграции создаются, главным образом, не китайскими нелегальными гастарбайтерами, как это принято считать, а выходцами из стран СНГ.

В течение 2001 г. миграционным ведомством было проведено 214 проверок, в ходе которых выявлено 253 иностранных гражданина, незаконно занимающихся трудовой деятельностью, а также 3914 иностранных граждан, нарушивших правила пребывания на территории области. По фактам выявленных нарушений направлено 43 представления о привлечении к административной ответственности руководителей предприятий, принимавших иностранцев-нарушителей. В 6 случаях лица, отвечающие за пребывание иностранных граждан, были оштрафованы. До недавнего времени безвизовый туризм считался основным каналом незаконной иммиграции китайских граждан, хотя не меньшую роль в этом плане играл безвизовый въезд по служебным паспортам.

Иностранца можно отнести к категории незаконного иммигранта только тогда, когда он своевременно не покидает территорию страны пребывания. Среди приемов, используемых китайцами для незаконного продления срока своего пребывания на территории Читинской области, можно назвать следующие:

1. Уклонение от выезда и регистрации в органах внутренних дел.
2. Умышленная утеря документов, получение соответствующей справки в органах внутренних дел о направлении данного гражданина в генеральное консульство КНР в г. Хабаровске для оформления выездных документов и затем многократное продление срока действия этой справки по причине "отсутствия средств для выезда в г. Хабаровск".
3. Участие в качестве свидетелей по "бесперспективным" уголовным делам (как правило, кража имущества).
4. Подделка заменяющих паспорта документов (гостиничных карточек, справок об изъятии, утере документов и пр.), которые не имеют никаких степеней защиты.
5. Подделка штампов о временной регистрации и выезд в близлежащий регион, где установление подлинности штампа практически невозможно.

Та часть китайских граждан, которая прибыла для незаконного участия в строительных работах и торговле, предпочитает, в основном, приграничные районы области и г. Читы. Количество административных правонарушений со стороны иностранных граждан, главным образом — нарушений правил пребывания на территории Читинской области, в период с 1999 по 2001 г. сокращалось следующим образом¹⁴:

Граждане:	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
КНР	5 884	6 207	7 895	9 305	5 379	2 523
МНР	740	648	333	241	366	200
СРВ	—	108	302	361	407	350
КНДР	6	—	43	65	75	73

Наиболее распространенными видами правонарушений являются уклонение от выезда по истечении установленного срока (80%), несоблюдение порядка регистрации (10%) и проживание по недействительным документам (10%). В первой половине 2000 г. было выдворено 476 человек, за тот же период 2001 г. — 287.

Можно также отметить, что постановлением мэра г. Читы "Об упорядочении проживания иностранных граждан в г. Чите" от 15 ноября 1996 г. № 2135 запрещена купля-продажа квартир временно пребывающими иностранными гражданами, а также представительствами иностранных фирм в городе.

Предпринимательское присутствие

С перерастанием регионального рынка в региональное хозяйство все более важную роль играют такие формы международных экономических обменов, как экспорт капитала и миграция рабочей силы. Совместные предприятия после 1988 г. создавались в Забайкалье почти исключительно в целях облегчения или расширения традиционного экспорта. Поэтому, строго говоря, инвестиционное сотрудничество (во всяком случае, до 1995 г.) следует рассматривать в основном как своеобразную форму развития внешней торговли. Архив представительства Управления уполномоченного Министерства торговли РФ по Восточно-Сибирскому району в Читинской области сохранил в числе других немногих любопытный документ, который, на наш взгляд, характеризует тогдашнее состояние экономического сотрудничества.

Как следует из "Программы технико-экономического сотрудничества", согласованной с руководством правительства и компаний провинции Хэйлунцзян и г. Далянь КНР", в декабре 1991 г. делегация области совершила поездку по городам Харбин и Далянь, где обсуждался весьма широкий перечень проектов сотрудничества и были достигнуты договоренности о создании сразу 16 совместных предприятий: шести предприятий по изготовлению мягкой мебели, двух — по пошиву спортивных костюмов (китайские "аидасы" в то время пользовались в Читинской области всенародной любовью), а также по пошиву верхней одежды, изготовлению детской обуви, сборке телеаппаратуры, производству изделий из металла, добыче гранита и мрамора, сбору вторичного сырья и...организации "совместно-китайского госхоза по производству продуктов питания"¹⁵. Кроме того, обсуждались вопросы строительства мельницы сортового помела производительностью 500 т в сутки на Читинском комбинате хлебопродуктов, больницы в Читинском районе и открытия отделения традиционной китайской медицины в поликлинике строителей Забайкалстроя. Более того, в разделе "Дополнительно проработанные вопросы" фигурировало создание еще трех СП по переработке древесины и изготовлению мягкой мебели и одного СП по пошиву спортивной одежды.

В разделе упомянутого документа "Принципы экономического сотрудничества по созданию СП", в частности, говорится: "Поставка материалов на СП осуществляется по импортному контракту до регистрации СП в соответствующих органах. ...Расчет за часть продукции СП, принадлежащей согласно проценту вложенного капитала китайской стороне, осуществляется местными

ресурсами, изделиями из древесины". По сути дела, речь идет об обычных товарообменных операциях под маркой СП. А чрезмерно широкий спектр обсуждавшихся проблем свидетельствует об их соответствующей проработке — стоит ли говорить, что ни один из этих проектов не был воплощен в жизнь.

Процесс создания на территории Забайкалья предприятий с участием иностранного капитала характеризуется следующими данными:

Зарегистрировано СП	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Всего	2	8	51	50	18	9	5	5	2	3	3	1
В том числе с китайскими партнерами	1	3	35	41	10	7	3	4	2	2	2	1
Доля СП с китайскими партнерами в общем количестве, %	50,0	37,5	66,7	82,0	55,6	77,8	60,0	80,0	100	66,7	66,7	100

Всего за 12 лет зарегистрировано 157 предприятий, основанных на иностранных инвестициях. Из них с китайскими капиталовложениями — 110, или 70% от общего числа. Причем большинство — 101 предприятие — было зарегистрировано в 1992 — 1993 гг. Из них 75 предприятий, или 74,3%, были основаны на китайских инвестициях. Пик инвестиционной активности приходится на 1992 — 1993 гг., когда в Забайкалье было зарегистрировано соответственно 35 и 41 предприятие с участием китайского капитала. После кризиса 1993 г. наблюдается снижение активности китайских инвесторов с 10 предприятий, созданных в 1994 г., до 1 в 2001 г.

К настоящему времени формально сохранилось 151 предприятие из ранее зарегистрированных, в том числе совместных с Китаем — 107⁶. Показатели предприятий с участием иностранного капитала характеризуют угасание их деятельности:

	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Число действующих предприятий (на конец года), единиц	41	34	17	12	12
Объем продукции в фактических ценах, тыс. долларов США	3248,9	2644,6	1332,6	936,2	1133,5

В период с 1996 по 2000 гг. число действующих предприятий с участием иностранного капитала в Забайкалье сократилось в 3,4 раза, в то же время объем их продукции в твердой валюте сократился почти в три раза.

Криминальный аспект пребывания китайских граждан на территории нашей области следует разделить на две части:

1. *Преступления в отношении граждан КНР.* В 1994 г., например, их было зарегистрировано более 70. По видам преступлений в отношении китайцев отмечалась тенденция роста умышленных убийств и тяжких телесных повреждений со смертельным исходом, в некоторых случаях преступления по отношению к китайцам совершались их соотечественниками. Было зарегистрировано 13 разбойных нападений, 23 грабежа, 20 краж. В тот период одним из имевших наибольший общественный резонанс было разбойное нападение на автобус с китайскими туристами в Борзинском районе Читинской области.

2. *Преступления, совершенные китайскими гражданами.* На территории Читинской области в 1996 г. привлечен к уголовной ответственности 21

гражданин КНР, в 2001 г. данный показатель составил 12 лиц; пик китайской преступности на территории Забайкалья приходился на 1996 и 1998 гг.¹⁷.

В целях активизации противодействия преступности как со стороны, так и в отношении китайских граждан в УВД Читинской области в 1992 г. было создано специальное подразделение — отдел, работники которого, кроме специальных знаний оперативно-розыскной деятельности, владели китайским языком. Кроме того, в следственной части УВД Читинской области была создана следственная группа, специализирующаяся на уголовных делах, связанных с китайскими гражданами. В настоящее время и оперативное, и следственное подразделения упрощены.

Одним из распространенных преступлений, совершаемых китайскими гражданами, является использование заведомо подложного документа, удостоверяющего личность. Это связано с тем, что в китайском пограничном городе Маньчжурии существуют многочисленные туристические фирмы, которые за определенное вознаграждение могут выдать заграничный паспорт на вымышленные имя и фамилию заказчика¹⁸.

По степени правовых последствий выдворение является одной из наиболее тяжелых мер среди других видов административных взысканий, применяемых к китайским гражданам. Этот вид административного взыскания тесно связан с обеспечением государственной безопасности страны. По результатам мероприятий, проведенных правоохранительными органами, в 1996 г. привлечено к административной ответственности 6678 граждан КНР (в 1995 — 4273 гражданина КНР), выдворен из области 601 человек в принудительном порядке, из них 135 — под конвоем¹⁹. 6 февраля 1997 г. под конвоем было доставлено на КПП “Забайкальск” и выдворено за пределы РФ еще 206 китайских граждан²⁰. С 20 по 27 февраля сотрудники паспортно-визовой службы УВД Читинской области при поддержке милиции, общественной безопасности и районных отделов внутренних дел города Читы провели оперативно-профилактическую операцию “Иностранец”. В результате было проверено 22 квартиры, в которых проживали, с согласия читинцев, иностранные граждане. Было выявлено 8 человек с нарушением правил регистрации, к административной ответственности привлечены 73 гражданина КНР, взыскано штрафов на сумму 2,6 млн. (неденоминированных) рублей²¹. Тем не менее пресса продолжала писать, что общежития Читы переполнены китайцами и превращены ими в товарные склады, а штраф за нарушение правил пребывания на территории Читинской области вызывает у китайцев улыбку²². Хотя 8 нарушителей правил регистрации в качестве “желтой опасности” сами вызывают улыбку.

В 1998 г. была введена в действие система оперативно-технической связи “Поток”, которая связала в единой компьютерной сети контрольно-пропускной пункт “Забайкальск” Забайкальского регионального управления ФПС РФ с отделом паспортно-визовой службы УВД Читинской области. Новое оборудование позволяет получать необходимую информацию о лицах, проследовавших за границу, в основном пункте пропуска “Забайкальск”, а также осуществлять контроль за несвоевременным выездом иностранных граждан на родину. В то же время с соответствующими отделами Департамента общественной безопасности пограничного города Маньчжурия и автономного района Внутренняя Монголия российскими службами осуществляется сотрудничество по вопросам, входящим в компетенцию обеих сторон²³.

Паспортно-визовая служба УВД Читинской области вместе с областными властями ставит вопрос об открытии в Чите консульского пункта МИД КНР для решения вопросов по установлению личности граждан Китая, проживающих в Забайкалье без документов. По их мнению, необходимы также

изменения в кодексе об административных правонарушениях для увеличения штрафных санкций в отношении иностранных граждан до 30 МРОТ.

* * *

Более 13 лет минуло с тех пор, когда подписанные в июне 1988 г. соглашения об установлении и развитии торгово-экономических связей и принципах создания и деятельности советско-китайских совместных предприятий положили начало периоду развития приграничной торговли и миграционных обменов в российском Забайкалье и сопредельных районах Китая. Этот очерк экономической деятельности китайцев в Читинской области позволяет сделать вывод, что самодеятельные китайцы не смогли пока найти другой ниши в экономике принимающего общества, кроме небольшого объема сезонных работ и челночной торговли. КНР предпринимает значительные усилия, чтобы рассеять сомнения России и россиян в отношении нынешних и будущих движений населения. Достаточно сказать, что весной 2002 г. Министерство общественной безопасности КНР начало общенациональную кампанию борьбы с нелегальной эмиграцией за границу, соответствующие мероприятия которой проводятся в северных районах КНР. Согласно статистическим данным, обнародованным на всекитайском совещании по борьбе с нелегальной эмиграцией, в 2001 г. правоохранительные органы задержали почти 10 тыс. беглецов, пытавшихся эмигрировать из страны нелегальным путем²⁴.

Нынешнее китайское трудовое и предпринимательское присутствие в Читинской области развивалось в эпоху перемен по обе стороны границы, которые, с одной стороны, привели к развалу СССР, глубокому социально-экономическому кризису и стагнации в восточных окраинах России, с другой — к укреплению китайской государственности и стабильному хозяйственному развитию пограничных китайских территорий. Это обстоятельство отличает условия современной китайской миграции в Забайкалье от недавней истории первичного освоения Сибири и Дальнего Востока.

В конце XIX и начале XX вв. десятки тысяч китайцев трудоустроивались на строительстве российской казной циклопического Транссиба, торгово-предпринимательская активность китайцев опиралась на спрос со стороны растущего русского населения: в 1906 — 1914 гг. в Сибирь и на Дальний Восток приехало около 2 млн. переселенцев в рамках государственной программы. Российское государство сегодня не в состоянии осуществить подобную программу.

Сейчас единственным крупным проектом в Читинской области обещает стать строительство нефтепровода из Ангарска в Дацин, на котором наверняка будет использоваться рабочая сила из КНР. Пока действующие в Забайкалье предприятия, основанные с участием китайского капитала, можно буквально пересчитать по пальцам, строительство трубопровода может привести только к временному увеличению числа китайских трудящихся мигрантов в Читинской области.

В то же время численность в Забайкалье населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума постоянно растет²⁵:

Показатель	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Всего, тыс. человек	853,9	787,5	923,7	1080,9	931,7	971,6
В процентах от общей численности населения	65.9	61.2	72.5	85.4	74.2	77.9

Нынешнее состояние экономики Забайкалья не позволяет генерировать сколько-нибудь значительный спрос ни на рабочую силу, ни на продовольст-

венные и потребительские товары. Как бы парадоксально ни звучало, но социально-экономический кризис, стагнация и растущая бедность в Забайкалье на фоне хозяйственных успехов соседних районов КНР стали естественным предохранителем от нежелательно широкого китайского присутствия в этой части страны. При этом деятельность китайцев стабилизирует потребительский рынок и позволяет удерживать уровень жизни в допустимых параметрах. От их ухода больше всего пострадает наиболее массовый слой низкооплачиваемого и просто бедного населения. Возможен спад производства древесины, и неизбежно сворачивание ряда строительных проектов.

С обслуживанием бизнеса мигрантов связано довольно много читинцев. Не удивительно, что по данным фонда "Общественное мнение" (ФОМ), 66 процентов граждан РФ уверены, что Китай — это дружественное нам государство. Лишь 4 процента опрошенных полагают, что китайское государство представляет для России какую-то опасность. Даже на Дальнем Востоке, где, казалось бы, угроза китайской экспансии в виде нелегальной иммиграции более очевидна, местные жители в большинстве не испытывают антипатии к китайцам (о симпатии к ним заявили 53 процента опрошенных)²⁶. С уходом китайцев увеличится число безработных, а областные власти лишатся значительных сумм, получаемых ими в качестве налогов и лицензионных сборов: один только Забайкальский район Читинской области, на территории которого располагается международный автомобильный пункт пропуска "Забайкальск", для латания бюджетных дыр дополнительно получил в 2000 г. 18,9 млн. рублей.

Статистика показывает, что общая интенсивность поездок китайцев в Забайкалье зависит не от формальностей по пересечению границы — по визе МИД РФ или безвизовому туризму, а от социально-экономической ситуации в стране. В рассматриваемый период объем въезда китайских граждан принял минимальное значение в следующем за финансовым кризисом 1999 г., когда действовало сравнительно либеральное соглашение о безвизовых поездках граждан. А максимальное значение въезд китайцев принял в относительно благополучном 2001 г., когда уже 86,3% китайцев въезжали по визам.

Итак, мы не смогли обнаружить признаков замещения сокращающегося российского населения прибывающими китайцами. За 13 лет лишь несколько десятков граждан КНР переселились на новое место жительства в Читинской области на постоянной основе.

Количество незаконно работавших в 2001 г. иностранцев — 253 человека — характеризует нынешнее состояние незаконной трудовой миграции: с одной стороны, оно индуцирует наличие проблемы; с другой стороны, ничтожно по сравнению с реальными потребностями края в рабочей силе. Надо отказаться от практики, когда рабочие вынуждены приезжать к нам под видом туристов, а дать им такие визы, которые соответствуют их целям²⁷.

В силу своего географического положения Читинская область стала перелачной базой для миграции российских граждан, главным образом из Бурятии и Иркутской области, в китайский приграничный город Маньчжурию. В условиях экономического спада и стагнации Читинская область сама по себе мало привлекательна для массового оседания китайцев на длительный срок или на постоянное жительство. Основные миграционные потоки китайцев носят маятниковый, а российских граждан — еще и транзитный характер.

Акцент на китайской демографической угрозе отвлекает внимание от проблем нелегальной миграции в Восточную Сибирь граждан закавказских и среднеазиатских государств СНГ. Китайские мигранты отличаются от приезжих из СНГ тем, что их коммерческая специализация связана с сезонными и маятниковыми поездками для временного выполнения работ, либо реализации таких товаров (одежда, трикотаж, обувь), которые не требуют специальных

условий хранения. Мигранты из СНГ специализируются в Забайкалье на реализации пищевых продуктов и общественном питании, поэтому им нужны магазины с холодильными установками и теплыми складами, теплые помещения для кафе и ресторанов. Они вынуждены приобретать недвижимое имущество, которое якорем удерживает их в наших краях, что не характерно для китайцев.

Пока нет оснований говорить, что армия маятниковых мигрантов прокладывает дорогу для формирования постоянной оседлой общности. Челноку нет смысла "оседать" в Забайкалье, поскольку он зарабатывает маятниковыми поездками, которые лишены хозяйственной альтернативы в кризисной экономике российского пограничья. Эффективной реализацией ввезенных таким образом товаров на рынках Читы и области может заниматься лишь небольшая часть граждан КНР, которые смогли наладить стабильные связи с работниками низового уровня таможенных, налоговых и других правоохранительных органов РФ. Браки российских гражданок с китайцами, рождение детей китайскими гражданками на территории области имеют место, но носят единичный характер, хотя взаимно дополняемые половые структуры населения в Забайкалье и Хулуанбуире и благоприятствуют смешанным бракам.

Государство может в любое время ликвидировать экономическую основу маятниковой миграции китайцев, снизив ставки ввозных пошлин и НДС на товары "серого" китайского экспорта, которые все равно не выплачиваются, а также упростив таможенные формальности до разумных пределов. Возможно, доходы федерального бюджета от уплаты низких пошлин будут выше доходов от неуплаты высоких. Если стоимость "белой растаможки" будет ниже найма китайских челноков и российских "кэмэлов", количество въезжающих граждан КНР не сможет не сократиться.

Помимо вышеизложенного хотелось бы назвать еще две причины, которые, на наш взгляд, препятствуют оседанию китайцев в Забайкалье. Во-первых, в самом Китае есть огромные незанятые территории с тяжелыми природными и климатическими условиями, осваиваемые по советскому образцу в рамках нынешней политики преимущественного развития западных регионов КНР. Китай перемещает в Тибет и Синьцзян часть избыточного ханьского населения, в котором растворяются тамошние титульные нации, что наряду с разумной инвестиционной политикой позволило КНР избежать в этих провинциях развития событий как по косовскому, так и по чеченскому сценариям. Территория российского Забайкалья сейчас не может привлекать китайских экономических мигрантов и не предлагает переселенцам условий для жизни, сравнимых с относительно мягким климатом за Хинганским хребтом.

Во-вторых, уже сегодня КНР лидирует по объему внесенных капиталовложений в монгольскую экономику. Ей принадлежат инвестиции в размере 140 млн. из общего объема прямых иностранных капиталовложений — 600 млн. долларов США²⁸. По состоянию на октябрь 2000 г., в общей сложности 512 китайских компаний инвестировали свои средства в этой степной стране. В одном из интервью посол КНР в Монголии Хуан Цзякуй заявил, что после того как политические отношения между Китаем и Монголией достигли высокого уровня, он намерен уделять больше внимания развитию экономических связей. В 2000 г., когда объем торговли между Китаем и Монголией достиг 377 млн. долларов США, Китай стал главным торговым партнером Монголии²⁹. Предпринимательская активность китайцев в Монголии контрастирует с их участием в хозяйственной жизни Забайкалья, где оно ограничено немногочисленными строительными и лесными проектами, а также челночным бизнесом без участия китайского государства. Монголия, таким образом, перетягивает от Забайкалья китайские инвестиционные ресурсы и политическое внимание, а также будет отвлекать на себя и миграционные потоки.

1. Trenin D. The End Of Eurasia: Russia On The Border Between Geopolitics And Globalization. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001.
2. Емельяненко В. Китайское счастье // Известия. 2001. 23 июня.
3. Булаев В.М., Новиков А.Н. Географическое положение как предмет исследования конкретной территории. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2002. С.64.
4. Хулунбэйэрмэн яолань '2001 [Основные показатели Хулунбуирского аймака]. Хайлар, 2001.
5. Попова М., Мальчики лучше девочек: через десять лет ? Китае не на ком будет жениться. Известия.RU. 2002. 2 августа.
6. Ли В., Ван Ц. Выявить преимущества района и усилить торгово-экономическое сотрудничество в районе Хулунбуирский аймак — Читинская область // Китаеведение. 2002. № 3. С. 49.
7. Нэймэнгу цыгчжицуй гоминь цзинци хэ шэхуй фачжань ди ши гэ унянь цихуа ганъяо [Основные положения десятого пятилетнего плана развития национальной экономики и социальной сферы автономного района Внутренняя Монголия] // Нэймэнгу сюаньчуань. 2001. № 4. С.42.
8. Здесь и далее использовались обзорные материалы, подготовленные специалистами Управления по делам миграции УВД Читинской области в 1999 и 2002 гг.
9. Дятлов В.И. Китайская диаспора в Сибири // Восток. 1999. № 1. С. 120.
10. Курс демографии. М., 1985. С. 161.
11. Кислякова О., Кузьменко И. Двустороннее соглашение никому не нужно // Вэб-сайт Газета.RU. 2000/ 16 декабря.
12. Давыдов Б. Меньше пяти не собираться // Забайкальский рабочий. 2001. 6 марта.
13. В.И.Дятлов. Китайская диаспора в Сибири // Восток. 1999. № 1. С. 123.
14. Справка о количестве иностранных граждан, привлеченных к административной ответственности за нарушение законодательства РФ на территории Читинской области в 1996 — 2000 гг. / Паспортно-визовая служба УВД Читинской области. № 6/91 от 10.01. 2002.
15. Программа технико-экономического сотрудничества, согласованная с руководством правительства и компаний провинции Хэйлунцзян и г. Далайянь, КНР. Харбин — Далайянь, 11 — 22 декабря 1991 г.
16. Данные управления ВЭМС Администрации Читинской области.
17. Вторушина О.Ю. Дипломная работа на тему "Взаимодействие департамента общественной безопасности города Маньчжурии и УВД Читинской области по правовым вопросам". Чита, 2002. С. 9, 21-22.
18. Там же. С.33.
19. Харченко Н. Закон требует дополнения // Забайкальский Рабочий. 1997. 12 февраля.
20. Наумов И. Выдворено 206 китайцев // Правда. 1997. 12 февраля.
21. Рубрика "Пресс-служба УВД Читинской области" // БНВ. 1997. 27 февраля. С.3.
22. Чита обеспокоена наплывом китайцев // Известия. 1997. 8 апреля.
23. Алексеев В. // Читинское обозрение.2001. 29 ноября. С. 3.
24. Xinhua News Agency. 3 Apr. 1902.
25. Читинская область в цифрах: Статистический ежегодник. Чита, 2002.
26. Известия.RU. 1902. 7 июня.
27. Емельяненко В. Китайское счастье // Известия. 2001. 23 июня. С. 9.
28. КНР — главный инвестор Монголии // Монцамэ. 2001. 24 июля.
29. Xinhua News Agency. 26 July. 1901.

Перспективы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай

© 2003

И. Ощепков

Высокие темпы экономического развития, углубление процессов индустриализации и урбанизации, увеличение объемов промышленного и бытового использования электричества, рост количества автомобилей, расширение спроса на нефть и газ, определили не только емкость китайского рынка энергопотребления, но и обострили проблемы, связанные с обеспечением Китая энергоресурсами.

Китай занимает второе место в мире по использованию энергоресурсов¹. Запасы нефти и природного газа Китая, по оценкам Всемирного банка, составляют, соответственно, 2,4 и 1,2% от мировых ресурсов². Поэтому вопрос, как обеспечить потребность более чем миллиардного населения страны и его экономику энергоресурсами сейчас и в ближайшем будущем, чрезвычайно актуален для Китая.

Обеспокоенность проблемой энергетической безопасности КНР прослеживается в сообщениях местных СМИ и исследованиях широкого круга специалистов. В публикуемых китайской прессой материалах она рассматривается через призму глобальных и региональных интересов Китая и влияния внутренних и внешних факторов. Вопросы энергетической безопасности не ограничиваются только экономической проблематикой, но обсуждаются гораздо шире, с учетом возможного их влияния на политические, военные и дипломатические отношения Китая.

Совокупность разнообразных мнений и подходов позволяет не только выделить угрозы и вызовы энергетической безопасности Китая, но также понять китайскую стратегию и ее обеспечение и определить место в ней России.

Основные угрозы энергетической безопасности Китая

По убеждению практически всех китайских специалистов, самым уязвимым местом в энергообеспечении Китая является возрастающая диспропорция между спросом и добычей нефти, приводящая к угрожающей внешней зависимости страны от импортных поставок.

Потребление нефти в Китае составляет почти 22% общего объема потребления энергии страны³. Примерно 20% потребности в нефти удовлетворяется за счет импорта⁴, по другим данным — около 30%⁵. Ожидается, что в 2005 г. дефицит нефти в Китае составит 50–60 млн. т, а к 2015 г. — 100–150 млн. т⁶.

В других, далеко идущих предположениях, в 2010 г. недостаток собственной нефти оценивается в 120 млн. т, а в 2020 г. уже в 210 млн. т, или примерно 50% от всего спроса на нефть⁷.

Тем не менее большинство специалистов все же признает, что в ближайшие 20 лет, несмотря на увеличение количества добываемой нефти, объемы при-

роста будут ограничены. Относительно низкие темпы производства нефти связывают с тем, что базовые китайские нефтепромыслы — Дацин, Шэнли и Ляохэ, уже исчерпали себя, а новые нефтегазоносные районы в западной части страны освоены еще недостаточно⁸. Сегодня более 60% всей производимой нефти в Китае добывается на вышеупомянутых трех месторождениях.

По официальным данным, в 2001 г. объем потребления нефти в Китае составил 200 млн. т⁹. Ожидается, что до 2010 г. спрос на нефть будет ежегодно увеличиваться на 3,5%, в период с 2010 по 2020 гг. этот показатель уменьшится до 3%¹⁰. По другим источникам, в ближайшие 15 лет рост потребления нефти будет возрастать на 4%, а собственная добыча — только на 2%¹¹.

Следует отметить, что в Китае нет единства в оценках. По одним прогнозам, в 2010 г. емкость китайского рынка нефти достигнет — 265 млн. т, а в 2020 г. — 330 млн. т. По другим, уже в 2005 г. потребность в нефти составит от 250 до 300 млн. т, а в 2010 г. не менее 300 млн. т¹².

Что касается внутренних резервов Китая, то ожидается, что в 2010 г. добыча сырой нефти будет от 170 до 190 млн. т., а в 2020 г. в пределах 180-190 млн. т¹³.

Западные специалисты в целом более скептически относятся к возможностям нефтедобывающей промышленности Китая. Они считают, что уже в 2010 г. за счет внешних источников будет удовлетворяться около 61% потребности Китая в нефти, а в 2020 г. почти 77%¹⁴.

Достаточно трезво китайские специалисты оценивают постепенное повышение роли импорта в энергообеспечении Китая и возникающую в связи с этим опасную зависимость от внешнего рынка углеводородного сырья. В Китае справедливо считают, что колебания мировых цен являются одним из дестабилизирующих факторов, негативно влияющих на энергетическую безопасность страны¹⁵.

В то же время осознается, что увеличение объемов импорта нефти, приводит не только к интеграции китайской экономики в мировую структуру распределения энергоресурсов, но и чревато усилением внешнего давления. В частности, отмечается, что растущее потребление нефти в Китае на Западе намеренно именуется “китайской нефтегазовой угрозой”¹⁶.

Опасаясь соперничества с Китаем, прежде всего в Персидском заливе, западные издания обвиняют Пекин в мнимом сотрудничестве с Ираном в военной области.

В Китае встревожены мнением, которое разделяют многие на Западе, что огромная китайская потребность в нефти и газе не только спровоцирует в будущем повышение цен на энергоресурсы, но и приведет к международным конфликтам с участием Китая.

В Китае утверждают, что тезис о “китайской нефтегазовой угрозе” на деле нацелен на “энергетическое сдерживание” Китая. Подобную стратегию усматривают в политике США, которые, по мнению китайских экспертов, пытаются создать вокруг Китая буферную зону, охватывающую такие государства, как Филиппины, Вьетнам, Индонезию и другие страны Южно-Китайского моря¹⁷. Как полагают в Китае, для формирования стратегического окружения, Вашингтон активизировал военное сотрудничество с Японией, Индонезией, Австралией и странами ЮВА¹⁸.

Схожая стратегия, нацеленная на изоляцию Китая от источников нефти и газа, усматривается и в Средней Азии. В подтверждение такой угрозы приводится, в частности, тот факт, что США прилагают усилия для развития западного, а не восточного направления в строительстве трубопроводов нефти и природного газа из Средней Азии¹⁹.

В китайской печати подчеркивается, что американские стратегические интересы сосредоточены вокруг тех регионов, где сконцентрированы мировые запасы нефти, в число которых, кроме Ближнего Востока, входит и Средняя Азия. Указывается, что западные границы Китая со Средней Азией находятся

в опасности и подвергаются скрытому давлению со стороны США и западных стран. Целью западной стратегии является дестабилизация ситуации в Тибете и Синьцзяне, которые должны, по замыслу американских стратегов, стать буфером между Китаем и Средней Азией, богатой нефтегазовыми ресурсами.

Более того, как полагают китайские эксперты, закрепившись в Средней Азии, США будут выдавливать Россию из этого стратегического пространства и в дальнейшем используют "среднеазиатский фактор" для своего давления на Китай, что обострит проблемы безопасности на западных рубежах страны²⁰.

Оценивая стремление США закрепиться на среднеазиатском рынке энергоресурсов, китайские эксперты считают, что после сентябрьских событий 2001 г. американские компании активизировали инвестиционную деятельность в освоении ресурсов Каспийского моря²¹. Китайские аналитики также обеспокоены проявляемой активностью западных компаний в России. Довольно часто в качестве примера упоминается покупка акций российской компании "Руссия Петролиум", владеющей лицензией на разработку крупнейшего в Восточной Сибири нефтегазового месторождения, которое должно стать базовым для строительства российско-китайского газопровода²². В целом, в Китае с тревогой наблюдают за приобретением иностранными компаниями акций российских нефтегазовых компаний. Сообщается, что только в разработку нефтегазовых месторождений континентального шельфа Сахалина японские компании вложили уже более 1 млрд. долл.²³.

Не остается без внимания китайских экспертов жестокая конкуренция на международном энергетическом рынке, а также тот факт, что Китай поздно включился в соперничество за мировые нефтегазовые ресурсы. По их мнению, конкурентная борьба развернулась главным образом в трех регионах: Ближний Восток — Северная Африка, Средний Восток — Россия и зона Южно-Китайского моря.

Полагают, что Китай изначально в этом соперничестве проигрывает западным странам. В настоящее время более 80% всех мировых запасов контролируются 20 крупнейшими нефтегазовыми компаниями, а перспективные рынки энергоресурсов давно уже поделены²⁴. По мнению китайских экспертов, в мире осталось свободное пространство только в неспокойных регионах, где риски капиталовложений достаточно высоки²⁵.

Вызывает беспокойство в Китае и то обстоятельство, что большая часть энергоресурсов импортируется из стран Ближнего Востока, где политическая и военная ситуация остается крайне нестабильной (в 1999 г. — 46,2%). Из-за увеличения доли в импорте ближневосточной нефти и газа, по мнению китайских специалистов, стратегические интересы Китая попадают в опасную зависимость от политической и военной стабильности в этом регионе²⁶.

Некоторые китайские аналитики не исключают вероятности возникновения "третьего нефтяного кризиса"²⁷. В Китае опасаются, что антитеррористические военные операции, проводимые США после событий 11 сентября, имеют тенденцию затянуться на длительное время, и вероятней всего, расширятся в своих масштабах. Перенесение военных ударов с Афганистана на страны Ближнего Востока может спровоцировать многосторонний конфликт между арабскими и западными странами во главе с США.

В Китае считают, что если Ближний Восток станет очагом локальных конфликтов, то возникнет реальная угроза внешним поставкам нефти²⁸. Такие аргументы, видимо, влияют на позицию Пекина по иракской проблеме и объясняют проявляемую им активность в ближневосточном миротворческом процессе.

В Китае считают, что существующие маршруты доставки импортной нефти и сжиженного газа недостаточно безопасны.

В настоящее время большая часть импортного углеводородного сырья доставляется в Китай морским путем. По мнению китайских экспертов, ВМФ КНР пока не готов обеспечивать безопасность транспортировки по всему мар-

шруту. Ситуация осложняется тем, что у Китая в отношениях с соседями много спорных вопросов. Кроме того, высказывается беспокойство в отношении роста военных расходов и укрепления мощи Японии, Южной Кореи, Вьетнама, Филиппин, Индии, что также негативно проецируется на безопасность морских маршрутов транспортировки нефти и газа²⁹. Отмечается, что возникновение региональных конфликтов вблизи транспортных путей импорта углеводородного сырья неминуемо приведет к перебоям в поставках нефти и газа в Китай³⁰.

Высказывается мнение, что существующая схема доставки импортного сырья угрожает не только энергетической безопасности страны, но и может ослабить позицию Китая в решении тайваньской проблемы и территориальных споров в Южно-Китайском море³¹. В свою очередь, ухудшение ситуации вокруг Тайваня и китайско-американских отношений создает опасность морским маршрутам транспортировки нефти³².

Стратегия Китая в деле обеспечения своей энергетической безопасности

Реально оценивая ситуацию в энергетической безопасности на современном этапе, китайские эксперты понимают, что Китай еще не обладает тем влиянием в мире, которое имеется у развитых стран или государств, обладающих богатыми нефтегазовыми ресурсами. Исходя из этого, до недавнего времени и строилась китайская стратегия. Однако увеличение доли зарубежных источников углеводородного сырья в энергоснабжении Китая в конечном итоге определило расширение географии его энергетических интересов. По мнению многих специалистов, в ближайшие 10-15 лет степень зависимости Китая от импортных поставок будет увеличиваться, и внутренний спрос на нефть может даже перекрыть потребности Японии³³.

По некоторым данным, из ближневосточного региона в Китай поставляется более 50% всей импортируемой нефти³⁴. Поэтому считается, что укрепление энергетической безопасности во многом зависит от решения стратегической задачи — диверсификации источников импорта углеводородного сырья.

Как считают некоторые китайские эксперты, несмотря на то, что Ближний Восток находится под влиянием США и западных стран, большинство государств региона недовольны оказываемым на них военно-политическим давлением. В этой связи указывается на необходимость использования этих противоречий. Вместе с тем отмечается интерес некоторых стран региона в участии Китая в освоении их нефтегазовых ресурсов³⁵.

В целом, международная деятельность Китая на Ближнем Востоке ориентирована на укрепление двусторонних отношений со странами региона и установление с ними более тесного сотрудничества. Многие полагают, что в этих условиях необходимо продолжать укреплять дипломатические и торгово-экономические отношения и со своими ближайшими соседями, прежде всего со странами Средней Азии и Россией.

Решение проблемы диверсификации не сможет, однако, эффективно защитить энергетику от изменений стоимости углеводородного сырья на международном рынке. Колебания мировых цен на нефть и природный газ будут создавать реальную угрозу стабильному развитию нефтяной промышленности и экономической безопасности Китая. В этой связи в Китае полагают, что для долгосрочного, стабильного, эффективного и рационального снабжения необходимо создать систему стратегических запасов углеводородного сырья.

Как считают в исследовательском центре при Госсовете КНР, запасы нефти должны включать в себя как стратегический, так и коммерческий и торговый резервы. При этом стратегические запасы будут использоваться только в случае возникновения политических и военных конфликтов, приводящих к прекращению поставок нефти, а не для простого сдерживания цен.

Коммерческие запасы необходимы для бесперебойной работы нефтеперерабатывающих предприятий страны, а торговые — для обеспечения стабильности закупочных цен на нефть на определенный период.

Летом 2002 г. в Китае были официально опубликованы планы создания стратегических запасов нефти, которые в 2010 г. должны составить 15 млн. т. В рамках их реализации в 2003 г. начнется строительство хранилищ нефти и приморских провинциях Китая³⁶. Одновременно принимаются меры по созданию резервов сжиженного газа. В восточных провинциях Гуандун и Фуцзянь строятся крупные объекты для приема и хранения сжиженного газа из Австралии и Индонезии³⁷.

Пока же, по мнению экспертов, объемы добываемой нефти достаточны для 21-дневной работы предприятий страны на случай прекращения импортных поставок³⁸. Согласно 10-му пятилетнему плану, стратегические запасы в 2005 г. должны обеспечить потребность Китая уже на 30 дней. В 2010 г. этот показатель увеличится до 50 дней³⁹. Тем не менее предполагаемый китайский резерв все равно будет несоизмерим с тем, что имеют западные страны, стратегические запасы которых рассчитаны на 120-160 дней⁴⁰.

Следует также отметить, что в Китае существуют планы создания стратегических запасов не только внутри страны, но и за рубежом.

По итогам 2000 г. китайскими нефтяными компаниями за рубежом было добыто 13 млн. т. нефти, 800 млн. куб. м. природного газа⁴¹. К концу 10-ой пятилетки, в 2005 г., объем производимой за рубежом нефти должен составить 25 млн. т⁴².

Для увеличения активов стратегического сырья и производства нефти, некоторые специалисты полагают, что Китаю необходимо продолжать активно осваивать зарубежные нефтегазовые ресурсы. Для этого предлагается использовать покупку акций компаний, заключать договоры о совместном производстве, осуществлять инвестиции в освоение иностранных месторождений.

В настоящее время крупными китайскими нефтегазовыми компаниями при непосредственной поддержке со стороны государства осуществляется стратегическое инвестирование в освоении ресурсов нефти и природного газа во всем мире. В этой связи следует полагать, что одним из элементов стратегии обеспечения энергетической безопасности на современном этапе явится расширение инвестиционного контроля над зарубежными источниками нефти и природного газа.

Как известно, в последние годы Китай в освоении нефтяных ресурсов успешно сотрудничает с Казахстаном, Венесуэлой, Суданом и Алжиром. Известно о китайских капиталовложениях в сырьевые отрасли Австралии и Канады. Китайские инвестиции в разведку и добычу нефти на территории Казахстана составили уже более 440 млн. долл. США⁴³. Компания "Синопек" планирует инвестировать 394 млн. долл. в разработку нефтяных месторождений и Алжире⁴⁴.

Считается, что для решения проблемы дефицита собственной нефти необходимо форсировать разведку и освоение нефтяных месторождений в западных районах Китая и на прибрежном шельфе⁴⁵.

Вместе с тем некоторые специалисты указывают, что до сих пор в Китае нет правовой базы обеспечения энергетической безопасности. Упоминается о необходимости использования опыта таких стран, как Япония или Германия, которые как и Китай, имеют высокую внешнюю энергозависимость. Считается, что китайской энергетике нужны такие правовые акты, как "Закон о нефти", "Закон о запасах нефти" (Япония) или "Закон о гарантиях энергетической безопасности" (Германия).

Отмечается, что на протяжении многих лет вопросы производства, переработки, транспортировки и потребления нефти решались административными мерами. Однако в результате реформирования правительственного ап-

парата были упразднены такие ведомства, как Министерство нефтяной промышленности, Министерство энергетики и Министерство химической промышленности. Поэтому официально признается, что отсутствие специально курирующих ведомств в нефтегазовой отрасли, в той или иной степени задержало разработку стратегии нефтегазового развития Китая⁴⁶. Отмечается, что для обеспечения рационального освоения собственных нефтяных ресурсов, совершенствования условий привлечения зарубежного капитала в разработку месторождений на суше и море, государство должно определить управляющие органы, а также создать правовые основы регулирования развития нефтехимической отрасли.

В Китае распространено мнение, что увеличение внешней энергетической зависимости связано с противоречивой внутренней структурой потребления. По оценкам китайских экспертов, собственных запасов нефти Китаю хватит на 40 лет, природного газа — на 65 лет, а каменного угля — на 250-300 лет⁴⁷. Не удивительно поэтому, что уголь составляет более 70% энергопотребления страны. (В мире есть еще две страны, где уголь также является доминирующим топливом — Индия и ЮАР.) Поэтому трудно ожидать изменения структуры энергопотребления в ближайшее время. Есть прогноз, что к концу 10-й пятилетки (2005) уголь будет удовлетворять 67.1% энергетической потребности Китая, нефть — 21,1%, природный газ 4,4%. При этом, если внутренние ресурсы будут способны обеспечить спрос на уголь, то значительная часть нефти будет поставляться из-за рубежа⁴⁸.

Согласно же 10-му пятилетнему плану (2001-2005), 70% потребности и первичных энергоресурсах будет удовлетворена за счет угля⁴⁹. В 2010 г. Китай рассчитывает увеличить производство угля на 190 млн. т⁵⁰, однако достижению этой цели препятствует тяжелое положение государственных угольных компаний, большая часть которых является убыточными вследствие нерациональной организационной структуры, низкого уровня техники и оборудования, ограниченного ассортимента продукции⁵¹. Несмотря на то что в угольной промышленности проводятся реформы, главной проблемой их успешной реализации являются социальные вопросы.

Сегодня в структуре энергопотребления Китая нефть и природный газ составляют не более 25%. Вместе с тем прогнозируется, что доля угля в ближайшие 10 лет снизится только на 9%, а доля нефти и природного газа увеличится на 7%⁵².

Несмотря на то что каменный уголь занимает ведущее положение в китайской энергетике, потребление нефти и газа в Китае продолжает расти.

В этой связи китайские специалисты считают, что одним из способов решения проблемы дефицита нефти является стратегия, направленная на нефтесамостоятельность, и ориентация на рациональное освоение и использование высококачественного отечественного угля и природного газа, атомной энергии и гидроресурсов⁵³. Важное внимание уделяется также освоению возобновляемых источников энергии таких, как ветер, море и солнце.

По данным Всемирного банка, Китай обладает 13,2% мировых гидроресурсов. Надо полагать, что гидроэнергетика будет развиваться. Тем более что она наносит меньше вреда окружающей среде.

По некоторым данным, кислотные дожди уже распространены на 30% территории Китая, качество воздуха в городах не превышает 1/3 от нормы, реки в городах на 70% не соответствуют допустимому уровню загрязнения⁵⁴. Возможно, в ближайшие 10 лет Китай превратится в самого крупного загрязнителя атмосферы во всем мире. В этой связи отмечается, что проблемы экологии являются факторами, определяющие широкое использование газа.

В настоящее время использование природного газа в Китае значительно ниже мирового (24%) и азиатского (8,8%). Считается, что более широкое применение природного газа, безусловно, улучшит экологическую ситуацию в

Китае. В настоящее время около 75% (в 1999 г. этот показатель составлял более 82%) китайских электростанций работают на каменном угле⁵⁵. Как известно, более половины потребляемого природного газа во многих странах используется для производства электроэнергии. Поэтому прогнозируется, что для увеличения доли природного газа в структуре энергопотребления необходимо создавать сеть газопроводов и обновлять систему электроснабжения.

Помимо осуществления диверсификации импортеров нефти и создания стратегических запасов одним из ключевых моментов китайской стратегии является увеличение удельного веса природного газа в структуре энергопотребления страны⁵⁶. Ярким тому подтверждением может стать проведение масштабной компании по освоению углеводородных ресурсов Западного Китая и начало строительства газопровода "Запад-Восток".

Ожидается, что освоение собственных ресурсов природного газа приведет к более рациональной структуре энергопотребления и уменьшит внешнюю зависимость страны от поставок нефти. Пока газификация Китая, по европейским меркам, находится на очень низком уровне — всего 17 куб. м. на душу населения.

По некоторым экспертным оценкам, газовая промышленность Китая еще не обладает достаточным техническим потенциалом для освоения и разведки месторождений природного газа⁵⁷. Для реализации своего грандиозного проекта "Запад-Восток" Китай привлекает иностранные компании, в том числе и российский "Газпром".

Не испытывая пока высокую потребность в импорте, Китай тем не менее активно участвует в формировании газопроводных сетей в США и влияет на этот процесс с учетом собственных интересов. Многие это воспринимают как проявление готовности Китая в получении импортного природного газа уже сейчас.

По мнению китайских специалистов, внутренний рынок природного газа в Китае находится на начальной стадии зарождения и характеризуется следующими параметрами:

Во-первых, несмотря на то что общая протяженность газопроводов составляет 11 тысяч километров, большая часть этих сооружений отсталая. По прогнозам, единая газопроводная сеть появится в стране только в 2020 г. Во-вторых, очень низка внутренняя потребность в природном газе. В-третьих, нерационально ценообразование природного газа, отсутствует взаимосвязь его стоимости и ситуацией на внешнем рынке. Правительство пока строго контролирует цену на газ. Во всем мире стоимость газа для населения устанавливается выше, чем для промышленного потребления и выработки электроэнергии. В Китае же наоборот, цена газа для промышленного использования относительно высока, а стоимость газа для населения низка. В-четвертых, цены на природный газ сравнительно сильно отличаются в различных регионах страны.

Как и в случае с нефтью, в Китае информация о запасах природного газа достаточно противоречива. По одним китайским источникам, они составляют 38 трлн куб. м, из которых извлекаемые запасы не превышают 13,2 трлн куб. м. По другим данным, разведанных запасов природного газа в Китае около 3 трлн куб. м.⁵⁸

По производству природного газа Китай занимает 22 место в мире. В 2001 г. было добыто более 30 млрд. куб. м⁵⁹. Удельный вес потребления природного газа в энергетической структуре страны составляет только 4%, хотя в 1995 г. прогнозировался гораздо более высокий уровень.

По некоторым смелым прогнозам, в 2010 г. потребность в природном газе Китая достигнет 110 млрд. куб. м, в 2020 г. уже 200-250 млрд. куб. м, и его удельный вес в энергетической структуре потребления составит от 8% до 10%.

Ожидается, что в 2020 г. освоение собственных месторождений природного газа даст не более 100 — 140 млрд. куб. м, поэтому Китаю ежегодно придется импортировать около 100- 110 млрд. куб. м.

Сегодня пока нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить эти прогнозы. Хотя для китайской экономики, обладающей огромными людскими и мощными организационными ресурсами, осуществление газификации страны в короткие сроки задача вполне реальна. Все зависит оттого, когда это действительно станет необходимо Китаю.

Если говорить о краткосрочных целях современной китайской стратегии, то к их числу следует отнести задачу развития и расширения внутреннего рынка потребителей природного газа, ориентированного преимущественно на собственное сырьё.

Стимулировать рост числа потребителей природного газа в Китае предполагается, прежде всего, путем строительства новых трубопроводов и создания в стране целостной газопроводной сети. Планируется провести реформу управления энергетикой, ослабить контроль государства, усилить конкурентную способность предприятий газовой промышленности и других энергетических отраслей.

Что касается долговременной стратегии Китая в области импорта нефти и газа, то одним из ее направлений следует считать участие Китая в международном сотрудничестве.

Как известно, на сегодняшний день основным импортером углеводородного сырья в США является Япония, которая не только испытывает реальную внутреннюю потребность в источниках энергии, но и обладает финансовым потенциалом, необходимым для освоения нефтегазовых ресурсов российского Дальнего Востока и Сибири.

В целом, нельзя не учитывать интересы других стран в формировании регионального рынка энергоресурсов. Примечательно, что после нескольких лет Республика Корея вновь вернулась к участию в проекте транспортировки природного газа из Восточной Сибири (Иркутский проект). Следует отметить, что двустороннее сотрудничество в этой области во многом привязано к международной кооперации в рамках всего региона США.

На страны АТР приходится значительная доля мирового потребления энергоресурсов. Прогнозируется, что в 2020 г. более 50% мирового ВВП будет производиться в странах Восточной Азии и ЮВА. Поэтому ожидается, что потребность в природном газе в Восточной Азии будет возрастать. Отмечается также, что в силу географических причин цена на газ в регионе будет всегда оставаться выше, чем в других районах мира, так как в США собственных ресурсов будет всегда не хватать⁶⁰.

По прогнозам, в ближайшие 20 лет потребность в природном газе Японии, Республики Корея и Китая увеличится в четыре раза: со 120 млрд куб. м. в 2000 г. до 500 млрд куб. м. в 2020 г. Некоторые полагают, что потребность в природном газе будет расти даже быстрее, чем в нефти⁶¹.

По собственным оценкам, Китай является не только самым богатым потенциальным потребителем природного газа, но и имеет удобное географическое положение в США. Япония и Республика Корея являются прежде всего импортерами сжиженного газа, тем не менее их интерес к участию и освоению энергоресурсов природного газа в США достаточно высок. В этой связи некоторые полагают, что Китаю необходимо использовать географический фактор для извлечения наибольшей пользы в распределении инвестиций, доходов и ресурсов при реализации международных газовых проектов⁶².

Место России в энергетической стратегии Китая

Обеспечение энергетической безопасности и необходимость внешних поставок углеводородного сырья уже давно стали для Китая связанными понятиями. Недостаток собственных нефтегазовых ресурсов, задача диверсификации рынков импортного сырья, географическая близость России, динамично

развивающиеся с ней политические и экономические связи — все это на сегодняшний день — факторы, определяющие интерес Китая к импорту российских энергоресурсов.

В сентябре 2001 г. главами правительств России и Китая было подписано соглашение о строительстве из Восточной Сибири в Северо-Восточный Китай нефтепровода протяженностью 2400 километров. Планируется, что по упомянутому трубопроводу ежегодно будет поставляться в Китай 20 млн. т сырой нефти. В 2010 г. объем поставок может увеличиться до 30 млн. тонн за счет разработки месторождений в Красноярском крае, Иркутской области и Республике Саха (Якутия).

Несмотря на очевидный прогресс в решении вопроса поставок нефти в Китай, большой потенциал в двусторонних отношениях сохраняется и в сотрудничестве по освоению ресурсов российского природного газа.

На протяжении многих лет Китай проявляет показательную заинтересованность в освоении российских нефтегазовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока, которые, как полагают многие, в перспективе станут стабильным и надежным источником поставок нефти и природного газа.

Мало кто сомневается в том, что Россия — не только ближайший сосед, но и потенциальный источник снабжения энергоресурсами. Имеются и более определенные мнения: Восточная Сибирь должна стать поставщиком нефти и природного газа в Китай, а российский Дальний Восток — источником углеводородного сырья не только для Китая, но и для Японии и Южной Кореи⁶³.

С точки зрения существующей инфраструктуры, сотрудничество с Россией выглядит перспективным. В настоящее время в Китае 46,8% нефти добывается на северо-востоке, 13,9% — на северо-западе, 23,5% — на севере и только 5% — на востоке, где сосредоточены основные потребители углеводородного сырья⁶⁴.

Российско-китайское сотрудничество в нефтегазовой области позволит снять многие проблемы в обеспечении энергетической безопасности Китая. Прежде всего оно уменьшит давление на экономику, создаваемое увеличивающимся дисбалансом между потреблением и производством нефти.

Поставки нефти и газа из России смогут диверсифицировать источники импорта энергоресурсов, что является одним из условий обеспечения энергетической безопасности. Как полагают в Китае, очевидные экономические и социальные дивиденды от этого сотрудничества получит и Россия. После распада СССР экономика России не в состоянии самостоятельно освоить перспективные месторождения природного газа в Сибири и на Дальнем Востоке, поэтому последние десять лет российская сторона предпринимает активные попытки найти зарубежных партнеров среди расположенных по соседству стран США.

По мнению некоторых китайских аналитиков, сотрудничество в энергетике будет иметь практическую пользу в укреплении и поддержании стратегических, партнерских отношений между Россией и Китаем, появится шанс исправить существующий перекос между дипломатическими и политическими успехами в развитии двусторонних отношений и экономической составляющей сотрудничества. Более того, как считают в Китае, в случае реализации крупных проектов, можно будет привлечь многомиллиардные иностранные инвестиции, а также увеличить объем двусторонней торговли. В свою очередь, двустороннее сотрудничество будет иметь позитивные моменты для всего регионального сотрудничества, участие японских и южнокорейских инвесторов в целом оживит экономику США.

Несмотря на то что российско-китайское нефтегазовое сотрудничество несет очевидные выгоды как для России, так и для Китая, тем не менее на практике существует немало проблем.

Основная трудность, по мнению китайских аналитиков, состоит в том, что на сегодняшний день финансовые возможности Китая и России достаточно

скромны. Ни в одной из стран нет необходимых многомиллиардных сумм для реализации существующих проектов. Как полагают некоторые эксперты, нет пока ясности и в самой китайской стратегии. Дилемма состоит в том, что Китай находится перед выбором или использовать свои ограниченные ресурсы для увеличения внутреннего производства путем разведки и освоения собственных ресурсов, или осуществлять инвестиции за рубежом для создания внешних источников снабжения нефтью и газом⁶⁵. Логика подобных рассуждений вполне объяснима, увеличение собственной мощи, бесспорно, предпочтительно, однако существуют опасения, будут ли обнаружены и освоены новые месторождения, необходимые для развития нефтегазовой промышленности. Понятно, что в подобных расчетах ошибки должны быть минимизированы.

Вышесказанное, можно спроецировать на сегодняшние реалии: Китай обсуждает со многими странами проекты строительства нефте- и газопроводов и в то же время активно привлекает в свою нефтегазовую отрасль иностранные компании (в том числе российский Газпром). Тем не менее пока нельзя ответить, что же более оптимально для Китая. Ясно одно: поддерживать два направления достаточно долгое время будет тяжело для экономики Китая.

В этой связи необходимо обратить внимание на уже осуществляющееся многостороннее сотрудничество, в частности на иркутский проект. Представляется, что пока именно на этом варианте с китайской стороны идет отработка международной схемы участия Китая в освоении российских энергоресурсов, а проект "Восток — Запад" является вариантом совместного сотрудничества, опирающегося как на собственные, так и на зарубежные ресурсы.

В настоящее время, по оценкам китайских экспертов, внутренние российские факторы не способствуют инвестициям в Россию. Чаще всего упоминается то обстоятельство, что среди российских политиков и в СМИ нередки высказывания о "китайской угрозе" и "демографической экспансии", а также угрозе безопасности России со стороны китайского капитала⁶⁶.

Конечно, иностранных инвесторов сдерживают несовершенство российского законодательства и высокие риски возврата капиталовложений. В то же время Китай беспокоит растущее участие западных компаний в освоении нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока России, что впоследствии может негативно сказаться на его энергетической безопасности в целом.

Кроме того, не определены географические приоритеты внешних инвестиций между Ближним Востоком, Средней Азией, Сибирью и Дальним Востоком России. Все эти регионы имеют для Китая чрезвычайно важное геополитическое значение. Тем не менее в Китае уже высказывается мнение, что в ближайшие 10-20 лет будет выглядеть так: 30-40% энергоресурсов будет поставляться из Средней Азии и России, и более 50%, как и прежде, из стран Ближнего Востока.

Говоря о перспективах российско-китайского сотрудничества в энергетической области нельзя не отметить, что в Китае не остается без внимания "энергетическая дипломатия" России. По мнению ученых Института современных международных отношений КНР, энергетическая дипломатия является важным рычагом интеграции России в мировую экономическую систему, позволяющая ей обеспечивать свое геополитическое влияние и создавать благоприятное международное окружение⁶⁷. Вместе с тем высказывается опасение, что энергетические ресурсы могут стать "стратегическим оружием" российской дипломатии в АТР в будущем⁶⁸.

Тем не менее ясно, что Китаю необходима российская нефть, а затем и газ. На местах уже обсуждаются конкретные планы и сроки поставок российского углеводородного сырья. Таким образом, можно говорить о том, что вопросы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай перешли в Китае уже в практическую плоскость, во всяком случае, на некоторый новый уровень.

1. Жэньминь жибао. 2002. 14 октября.
2. Юй Сяо. Дунбэйя тяньжаньци цзыюань кайфа юй вогодэдуйцэ [Освоение ресурсов природного газа в Северо-Восточной Азии и контрмеры Китая] // Дунбэйя луньтань. Чанчунь. 2002. С.58
3. Гоци чжаньлюе юй аньцюань синши пингу [Оценки международной стратегии и ситуации с безопасностью]. Пекин, Шиши чубаньшэ. 2002. и.130. Монография подготовлена сотрудниками Института современных международных отношений КНР.
4. Чэнь Жишань. Цзяцян дуйэ хэцэо фачжань хэйлунцзяншэн шихуа чанье [Укреплять сотрудничество с Россией нефтехимической промышленности провинции Хэйлунцзян] // Юаньдун цзинмао даобао. 2002. 6 мая.
5. Юй Сяо. Указ. соч. С.58.
6. Ли Вэйцзян. 21 шицзичу чжунго мяньлиньде гоци хуаньцзинци нэньюань аньцюань [Международное окружение и энергетическая безопасность КНР в начале 21 века] // Вэньмин цзүцзи. 2002. 22 июля. <http://wmdzj.xiloo.com/International/International-14.htm>
7. Жэньминь жибао. 2002. 26 августа.
8. Юй Сяо. Указ. соч.С.58
9. Гоци чжаньлюе юй аньцюань ... С.131
10. Жэньминь жибао. 2002. 12 июля; Гоци маои. 2002. № 1. С.63
11. Юй Сяо. Указ. соч. и.58; Жун Готао и др. Указ. соч. С.366
12. Гоци чжаньлюе юй аньцюань ... С.131
13. Ли Вэйцзян. Указ. соч.
14. Гоци чжаньлюе юй аньцюань ... 145-146
15. Там же. С.146
16. Юй Сяо. Указ. соч. и.59
17. Гоци чжаньлюе юй аньцюань ...С..147
18. Мэйго диншан чжунго шиюциту цянъчжи элосы хэ чжунго [США не сводят глаз со среднеазиатской нефти, стремятся связать руки России и Китая] // Чжунго шию шанъуван. 2002. 4 декабря. <http://www.oilchina.com/was40/detailrecord=3166&channelid=37630>
19. Гоци чжаньлюе юй аньцюань ... С.145
20. Ли Вэйцзян. Указ. соч.
21. ИТАР-ТАСС. 2002. 27 октября.
22. Ли Вэйцзян. Указ. соч.
23. Гоци чжаньлюе юй аньцюань ... С.134
24. Ли Вэйцзян. Указ. соч.
25. Юй Сяо. Указ. соч. С.59
26. Там же.
27. Гоци чжаньлюе юй аньцюань ... и.147
28. Чэнь Юнъу. Чжунго шию аньчуань чжаньлюедэ дуйцэ [Контрмеры стратегии нефтяной безопасности КНР] // Чжунго нэнъюань синьсиван. 2002. 27 марта. <http://news.energy-china.com/energy/shiyou/ztbd/lzgnyaq/lzgnyaq/wzy/lzgnyaq/wzy/r/587/20020327/501.html>
29. Синьшицзи чжунгэ юци чжаньлюе хэцэо: ии, куньцзиндуйцэ [Нефтегазовое стратегическое сотрудничество Китая и России в новом веке: предложения, контрмеры по преодолению трудностей] // Вэньмин цзүцзи. 2002. 31 июля. <http://wmdzj.xiloo.com/International/International-17.htm>
30. Там же.
31. Ли Вэйцзян. Указ. соч.
32. Чэнь Юнъу. Указ. соч.
33. Ли Вэйцзян. Указ. соч.
34. Чэнь Юнъу. Указ. соч.
35. Шиючубэй ши нэньюань аньцюань ...
36. Чжунго дацзао нэньюань аньцюаньван ...
37. Жэньминь жибао. 2002. 21 июня; Жэньминь жибао. 2002. 8 августа; Жэньминь жибао. 2002. 9 августа.
38. Шиючубэй ши нэньюань аньцюань ...
39. Ли Вэйцзян. Указ. соч.

40. Например: Шицзе фадагоцзя нэнюань чжаньлюе уда течжэн [Пять характерных особенностей энергетической стратегии развитых стран мира] // Чжунго хундянь синьсиван. 2002. 26 июля. <http://www.cpsi.com.cn/bin/newsroom/detail/1003747.html>
41. Гоцзи чжаньлюе юй аньцюань ... 134
42. Там же. и.148
43. Чэнь Юну. Указ. соч.
44. Жэньминь жибао. 2002. 11 октября.
45. ИТАР-ТАСС, 2002. 3 октября.
46. Жэньминь жибао. 2002. 12 июля.
47. Чэнь Юну. Указ. соч.
48. Жэньминь жибао. 2002. 4 июня.
49. Чэнь Юну. Указ. соч.
50. Жун Готао и др. Указ. соч. и.377
51. Чжунгодэ нэнюань чжанлюе ...
52. Чжунго дацзао нэнюань аньцюаньван ...
53. Жун Готао и др. Указ. соч. и.372
54. Там же.
55. Чжунго тунци няньцзянь (2001) [Статистический ежегодник КНР (2001)]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2001.
56. Жэньминь жибао. 2002. 12 июля.
57. Чжунгодэ нэнюань чжанлюе ...
58. Гоцзи чжаньлюе юй аньцюань ... С. 148
59. Там же.
60. Юй Сяо. Указ. соч. и.59
61. Гоцзи чжаньлюе юй аньцюань ... С. 133
62. Кэцзи гунгуань цзихуа банчжу чжунго чжаодао шицицизи тяньжаньци баокуонь [Наука и техника, преодолевая трудности, планирует помочь Китаю обнаружить богатые запасы природного газа мирового уровня] // Синьхуаван. 2002. 22 мая. <http://www.xinhuanet.com/>. Материалы пресс-конференции заместителя министра Министерства по науке и технике КНР Ли Секюна.
63. Там же.
64. Ван Шаочжан. Юци цзыюань юй элосы 21шицидэ дунбэйя чжаньлюе [Нефтегазовые ресурсы и стратегия России и США и 21 веке] // Дунбэйя луньтань. Чанчунь, 2002. № 1. С. 64.
65. Чэнь Жишань. Указ. соч.
66. Юй Сяо. Указ. соч. С.61
67. Элосы ши вого иньцзинь юцидэ кэкао цзыюань цзиди [Россия — надежная сырьевая база импорта нефти и газа в Китай] // Чжунгохуагунван. 2001. 16 ноября. <http://www.chemnet.com.cn/newscenter/01/00001249.html>. Публикация по материалам научной конференции “Разведка нефти и газа в КНР, стратегия сотрудничества с внешним миром”, проведенная Китайским институтом нефти и ноябре 2001 года.
68. Жун Готао и др. Указ. соч. С.366
69. Там же.
70. Там же.
71. Чэнь Юну. Указ. соч.
72. Фэн Юйцзюнь. Элосы нэнюань даго жухэ кайчжань нэнюань вайцзюэ [Россия: как развивается энергетическая дипломатия энергетически крупного государства] // Чжунгован. 2002. 10 июля. <http://www.china.org.cn>. Автор — научный сотрудник Института современных международных отношений КНР.
73. Ван Шаочжан. Указ. соч. С.62

Образование

Частный сектор в китайской системе образования: проблемы и перспективы

© 2003

Н. Боревская

В новом столетии Китай как член ВТО, стремящийся поскорее вступить в информационную эпоху, взял на вооружение предложенную этой организацией стратегию "сравнительных преимуществ". Не столь богатое по природным ресурсам государство поставило перед собой труднейшую для его уровня развития задачу — превратить обширные человеческие ресурсы из демографической ноши — в такое богатство как "человеческий капитал". Именно это должно, по расчетам его лидеров, позволить КНР из страны, воспроизводящей чужие идеи, превратиться в державу, поставляющую на мировой рынок знания в сфере высоких технологий. Для этого необходимо завершить глубокие перемены в системе образования, начатые четверть века назад. Накопление конкурентоспособных в современном обществе специалистов мирового класса требует ускорения образовательной реформы, а это влечет за собой изыскание скрытых резервов, повышение эффективности учебных заведений, совместное развитие государственных и негосударственных учебных заведений при том, что первые остаются ядром¹.

Определение термина. Согласно юридическому статусу, к негосударственным учебным заведениям (НОУ) относятся те, которые созданы на средства отдельных граждан либо предприятий и общественных организаций, а также на коллективные взносы населения. Строго говоря, одни из них принадлежат частному сектору, другие — скорее коллективному.

В КНР термин "негосударственные учебные заведения" (*фэй чжэнфу-син сюэсяо*) стал постепенно вводиться после 1982 г. Официальное признание термина "частные школы" (*сыли сюэсяо*) началось вслед за введением понятия "частные предприятия" (*сыин цие*), которое применительно к экономике современного Китая употребляется лишь с 1986 г. "Тенденция к социальной микрии частного предпринимательства в новых формах"² распространялась и на НОУ, большинство которых, независимо от их реального статуса, продолжали именоваться в ходе реформ "народными школами" (*миньбань сюэсяо*) либо "учебными заведениями, созданными общественными силами" (*шэхой ли-лянь бань сюэсяо*). По сути они значительно отличались от школ под тем же на-

званием, которые создавались предприятиями и сельскохозяйственными коммунами, начиная с середины 1950х гг. после ликвидации достаточно обширного частного сектора в образовании. Официальные лица в КНР признали, что в те годы термин “народные” в отношении как учебных заведений, так и учителей, появился из тактических соображений, ибо при монополизированной государством экономике у народа реально не было средств на их создание³. О неизменной приверженности социалистической риторике свидетельствует то, что долгожданный закон о частных школах, принятый в декабре 2002 г., использует термин “создаваемое народом образование” (*миньбань цзяююй*). Сами китайские власти официально признают, что это понятие не соответствует принятым в мире терминам, оно “сформировалось в нашей стране на определенном историческом этапе” и при переводе на английский используют слово “non-governmental”⁴. Поскольку в русском языке “народное образование” является устойчивым словосочетанием, имеющим иной оттенок, мне представляется возможным передать суть словом “негосударственное”.

Социально-экономические и культурные предпосылки возрождения НОУ в период реформ. Развитие частных учебных заведений в Китае в последние полтора десятилетия значительно облегчалось тем, что, возникнув в древности, они на протяжении веков, несмотря на недоброжелательство властей в отдельные исторические периоды, успешно дополняли государственную систему. Негосударственные высшие школы — академии *шюань*, воплощая “хрупкую и фрагментарную” местную автономию⁵, представляли различные идеологические направления и на определенных этапах истории служили оплотом свободомыслия (хотя и готовили к сдаче экзаменов на занятие должностей в государственном аппарате — *кэцзюй*). Появившиеся после Опиумных войн во второй половине XIX в. “западные” частные, в том числе миссионерские, учебные заведения, во многом были новаторскими по сравнению с традиционными и сыграли роль стимулятора современных видов образования, изучения иностранных языков, развития женского образования⁶.

Как продемонстрировала практика многих стран во второй половине прошлого столетия, “децентрализация и разные формы приватизации вышли вперед частично как панацея или по крайней мере реакция на сдачу позиций государством”⁷. Именно этот процесс наблюдался и в Китае в переходный к рыночной экономике период. По официальным китайским данным, на протяжении 1990х гг. государственные расходы на образование колебались вокруг 2,5% к ВВП по сравнению с заветной планкой 4%, определенной в официальных китайских документах еще в начале 1990х гг. и приближавшейся к уровню “азиатских драконов” (лишь в 2001 г. дотянув до 3,19%⁸). В 1999–2001 гг. демографическое давление в возрастной категории подростков, подлежащих обучению в неполной средней школе, достигло своего пика, препятствуя универсализации базового образования, а в последующие несколько лет демографический пик пришелся на полную среднюю школу. Это затрудняет достижение спланированного государством 90% охвата детей неполной средней школой и 60% — полной к 2005 г., а к 2010 г. — 15% охвата высшей (соответствующие цифры 2000 г. — 88%, 41,5 и 11%⁹). Планка для Китая — высокая и труднодостижимая, бюджетными средствами тут не обойтись.

В то же время экономические реформы, проводившиеся в Китае с конца 70-х гг., создали предпосылки для повышения образовательного спроса населения, чему способствовал целый ряд факторов. Прежде всего, рост благосостояния: ежемесячные доходы в целом по стране за 20 лет выросли с 15,3 до 260,7 юаня, доходы крестьян — в 3,4, а удельный вес нуждающихся в общей

численности сельского населения сократился примерно до 3%¹⁰. Соответственно увеличилась доля средств, расходуемых на культурные нужды, в т.ч. на обучение детей, в семейном бюджете: с 2,12% дохода в 1987 г. до почти 5% в 1995 г. В ответ на изменение экономической инфраструктуры (доля работников сферы услуг к 1999 г. возросла до 12% по сравнению с 2,15% в 1978 г.), появился спрос на новые специальности, который государство в силу негибкости своих механизмов не могло удовлетворить, открывая простор для НОУ.

Немаловажную роль в повышении образовательных запросов населения сыграла урбанизация, в результате которой в сельской местности стремительно разрастались поселковые предприятия, а вокруг них множились поселки городского типа с обязательным зданием школы. Определенное значение для распространения частного сектора в образовании имеет и мобильность населения, позволяющая заинтересованной его части удовлетворять свои образовательные запросы, передвигаясь по стране. После ослабления тисков “жесткой прописки” поток сельчан, покинувших насиженные места и отправившихся в города, в 1995 г. достиг 80 млн., одновременно сдвинулись с мест и жители разных городов и провинций. Частные школы, в отличие от государственных не устанавливающие для поступающих ограничения по месту жительства, явились необычайно привлекательными для детей мигрантов (а таковых, по некоторым данным, в Китае не менее 4-5 млн.¹¹).

Повышению образовательных запросов китайского населения в большой степени содействовала демографическая политика китайского правительства. Появление однодетной семьи вместо традиционной многодетной (особенно в городах) изменило ментальность китайцев; единственный ребенок превратился в “сокровище”, а его продвижение “в люди” по ступеням школы стало новым семейным культом. И, наконец, в условиях открытой экономической политики, более тесных контактов с внешним миром (ОЭЗ, контролируемый, но более широкий, чем в предыдущие десятилетия поток западной масс культуры, интенсивный обмен студентами и преподавателями) трансформировалась оценка населением роли образования в модернизации страны и в собственной карьере.

Официальные круги КНР признали “объективную необходимость” появления НОУ в конце XX в.¹², вызванную переходом страны к рыночной экономике и рождением в обществе новых социальных страт. Пробный этап 1984-92 гг. сменился их стремительным распространением по стране в 90-е годы: закреплением позиций после 1999 г.

Официальная политика государства. Современную политику КНР в отношении НОУ сформировало несколько цивилизационных факторов, среди которых патерналистская роль государства, характерная для стран конфуцианского ареала, традиция индивидуального спонсорства школ “как форма самовыражения, независимая от каких-либо религиозных покровителей”¹³, а также внутренние рыночные реформы и глобальные экономические и педагогические теории.

В условиях рыночной экономики образование все больше превращается в услугу, потребление которой зависит от платежеспособности населения. В то же время культурная функция образования определяется традицией и современной стратегией страны. Ключевым моментом в политике правительства КНР является то, что все НОУ, согласно закону, оцениваются как “общественное благо” и рассматриваются в качестве “составной части дела социалистического образования” (здесь и далее имеется в виду принятый КНР в декабре 2002 г. и вступающий в силу с 2003/4 учебного года “Стимулирующий закон о развитии негосударственного образования”). Это означает, что негосударственные школы и вузы, их преподаватели и учащиеся пользуются теми

же законными правами, что и государственные. Соответственно на них распространяются и общие обязанности “следовать закону, нормативным актам, осуществлять курс государства в области образования, всемерно воспитывать кадры строителей социализма”.

В то же время китайское правительство решительно запретило включать в систему НОУ религиозные учебные заведения, тем самым отказав им в праве считаться частью общегосударственного образования и оставив их в рамках религиозных общин. Подобная позиция соответствует общей политике КНР в отношении религиозных конфессий, но резко отличается от подходов правительств большинства стран, в частности российского, благодаря чему конфессиональные учебные заведения в России уже в 1994 г. составляли около 10% всех НОУ¹⁴. Она противоречит и собственной традиции нового времени, когда “Уставом частных школ” (1929) Министерство просвещения гоминьдановского правительства причислило к частным и учебные заведения, учрежденные религиозными организациями.

Национальная политика КНР в отношении НОУ определяется четырьмя базовыми принципами: “Активно стимулировать, всячески поддерживать, дать верное направление, управлять на основе закона”. Необходимо подчеркнуть, что в Законе 2002 г. обязательства государства в отношении НОУ усилены по сравнению с временными Положениями 1997 г. (например, оно обязуется “гарантировать” их автономию, а также законные права учредителей). Государство взяло на себя и макроуправление негосударственными школами, создав соответствующие отделы в административных органах образования.

Закон 2002 г. впервые включил положение о *контроле и инспекции* этих учебных заведений образовательными ведомствами. Совершенствование планирования НОУ намечалось осуществить, соединив механизмы лицензирования, контроля и аккредитации. К этому процессу активно подключились зарождавшиеся с конца 1990х гг. *посреднические* организации, которые государство рассматривало в качестве связующего звена: им поручалась аккредитация школ (она обязательна) и оказание им всякого рода услуг. Что касается частных вузов, то в 1993 г. право выдавать дипломы государственного образца получили всего 18 из них, зато в 2002 г. — уже 89 из 1320¹⁵. Если добавить к вышесказанному требования к НОУ использовать (при допустимой вариативности) только утвержденные государством учебные планы и программы, то становится очевидно: в КНР установлен жесткий контроль над частным образованием, которое — в отличие от многих стран — отнюдь не является альтернативным государственному.

Один из главных вопросов — кто имеет право на учреждение частных и “народных” учебных заведений в Китае? В новое время с конца XIX в. частные школы, помимо миссионеров, открывали крупные чиновники и общественные деятели. Отдельные энтузиасты были и среди разбогатевших крестьян — в кинематографе запечатлен образ У Сюня, не гнушавшегося никакими средствами вплоть до ростовщичества ради добывания средств на создание школ для бедняков.

Согласно Положениям 1997 г., из числа возможных учредителей НОУ были исключены значившиеся среди них на раннем этапе середины 1980х гг. *государственные* предприятия и организации (не были отдельно обозначены ни демократические партии, ни народные и научные объединения). К негосударственным не были отнесены более и учебные заведения, созданные правительственными либо общественными организациями (профсоюзами, женскими и комсомольскими организациями) с *использованием государственных ассиг-*

нований, а также формальные и неформальные образовательные учреждения, открытые волостными правительствами или крестьянскими комитетами на средства, собранные от пожертвований. Иными словами, термин "народ" оказался изрядно суженным, а вместо понятия "частные учредители" появились "отдельные граждане". В Законе 2002 г. перечень учредителей НОУ оказался еще лаконичней: это "общественные организации или отдельные лица, находящиеся вне государственных структур и использующие негосударственные источники финансирования", имеющие статус юридического лица или (отдельные граждане) обладающие политическими правами.

Деятельность зарубежных организаций и частных лиц, самостоятельно либо совместно с китайцами создающих учебные заведения на территории КНР (весьма актуальная для КНР тема после вступления в ВТО) разрешается при соблюдении ими законов страны, однако она не подпадает под Закон 2002 г. и определяется особыми правилами Госсовета КНР, опубликованными весной 2003 г.

Среди учредителей НОУ в 80-90-е гг. отдельных граждан было немного, зато чрезвычайную активность проявили общественные организации, а также политические партии, в основе своей не составлявшие явную оппозицию КПК, тем не менее отличающиеся по оттенкам настроений. В частности, немало школ было создано Революционным комитетом гоминьдана — партией, имеющей хорошие контакты с бизнесменами Тайваня, Ассоциацией демократического строительства и др. После появления Положения 1997 г. выросла доля НОУ, созданных индивидуальными лицами: к началу нынешнего столетия до 58,5%, в то время как предприятиями, организациями и общественными объединениями — соответственно по 9%¹⁶.

Позиция населения. Удельный вес частного сектора в образовательной системе государства коррелирует со степенью его развития, политической системой и культурными ценностями. Западные ученые доказали, что граждане любой страны будут голосовать за расширение государственной системы образования до тех пор, пока получаемая ими выгода превышает налоговые взносы и пока они не могут купить образовательные услуги более дешево в негосударственном секторе. Эту точку зрения подтверждает опыт КНР 80-90-х гг. Позиция китайского руководства в отношении НОУ продиктована его общей ориентацией на равенство образовательных шансов, поэтому следует ожидать, что школы, рожденные дополнительным спросом в развивающейся стране с социалистической ориентацией, каковой является КНР, должны быть доступны основной массе населения по размерам взноса за обучение. Однако на практике взносы за обучение в государственных школах после обязательной девятилетки, хотя достаточно высоки, но ниже, чем в частных учебных заведениях соответствующей ступени, что определяет выбор граждан. В то же время культивируемое с 1949 г. "социалистическое сознание" дополнительно привлекает симпатии населения к государственному сектору.

Все эти настроения отражает проведенный Центральным НИИ педагогики КНР совместно с Отделом культуры и образования Пекинского правительства в районе Пекина социологический опрос 500 родителей учащихся 24 государственных школ (рабочих, НТР, кадровых работников, учителей и управленцев)¹⁷. Необходимым развивать частные школы считали почти 70% (по данным опроса 1995 г. в пров. Гуандун такой же процент респондентов заявил, что они готовы вложить собственные средства в обучение детей¹⁸). Однако, 68,9% опрошенных предположили, что частные школы не могут заменить государственные, но они получают широкое развитие, а 73,3% утверждали, что обязательная 9-летка должна быть в основном государственной. Несмотря на

зицию поддержки частных школ, 88% родителей оказались не готовы отдать туда своих детей по ряду причин: достаточное количество государственных школ (42,9%), высокая плата (27%), отсутствие уверенности в качестве обучения (18%). И только 7,5% искали подходящее НОУ, при этом: готовы были отправить детей в хороший, пусть дорогой частный детсад — 13%, в частную школу, начиная с начальной — 8,7%, в полную среднюю — 33,9%, в вуз — 18%. Согласно другому опросу родителей, проведенному как в школах крупного города Тяньцзинь, так и его ближних пригородов и пограничных деревень, — только 45,4% опрошенных признали актуальность частных школ. Очевидно, хуже принимают частные школы люди с низким культурным уровнем и с низкими доходами (крестьяне).

Согласно концепции западных специалистов, частные школы могут принимать разные формы в зависимости от того, какой спрос вызывает к жизни их появление — дополнительный или дифференцированный. В одних странах НОУ обслуживают элиту и характеризуются чрезвычайно высоким качеством, в других — это умеренное по стоимости и низкое по качеству учебное заведение для тех, кто не может попасть в престижные общественные школы. Возможно и сосуществование этих двух форм.

Модель альтернативных частных школ, порожденных “дифференцированным спросом”, как правило стимулируется разнородностью предпочтений населения, вызванной культурными (религиозными, языковыми, этническими) различиями; территориальной деконцентрацией различных групп населения, что препятствует удовлетворению их интересов местными властями; унифицированностью продукта на государственном уровне (в то время как средний избиратель предпочитает выбор) и, наконец, отсутствием давления со стороны доминирующей в культуре группы населения¹⁹. Так, часто именно не доминирующие в стране религиозные организации или идеологические группировки основывают частные учебные заведения для защиты своих интересов (например, кастовые школы в Индии). Если применить эту схему к Китаю, то по ряду признаков — достаточно высокая культурная гомогенность населения, территориальная концентрация интересов его различных групп в национальных автономных районах и округах), хотя и при распространении Центром единой системы ценностей — трудно ожидать особенно активного дифференцированного спроса на образовательные услуги в этой стране. Его наибольшим стимулятором в нынешних условиях может быть лишь высокое качество обучения.

Однако на практике стремительный выход Китая на новый виток индустриального развития и появление пусть на первых порах квази, но все же рынка, демократизация общественной жизни открывают для китайского общества возможность сплава дополнительного и дифференцированного спроса на образовательные услуги уже на данном этапе. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что бывшие тоталитарные режимы (такие как Китай и Россия), ломают рамки устоявшихся стереотипов, что и определяет своеобразный характер и тип китайских частных школ.

Структурирование НОУ. Курс, очерченный китайским правительством на конец XX — начало XXI столетия, не идет вразрез с политикой стран ЮВА в отношении частных школ. Общественным силам в КНР также рекомендуется “сосредоточиться на создании образовательных структур, осуществляющих профессиональное обучение, образование для взрослых, полное среднее и дошкольное образование. Что касается образовательных учреждений на уровне обязательного образования, то государство поощряет общественные

силы на их создание в качестве дополнения к государственным” (Положения 1997 г.). На раннем этапе возрождения НОУ преобладали частные начальные школы, требующие меньше вложений и восполняющие дефицит государственных. Среди негосударственных средних школ, уступавших по численности начальным, преобладали школы 2 ступени, не входящие в систему обязательной девятилетки и удовлетворяющие растущий спрос населения на получение образования, выше базового.

По официальным китайским источникам, к 2000 г. среди более 54 тыс. НОУ разного типа (в 1993 г. их было всего 20 тыс.) 81,5% составляли детские сады; в ряде регионов их доля доходила до 99% от общего количества в результате массового закрытия дошкольных учреждений при госпредприятиях. Доля начальных школ не превышала 0,8% от их общего количества в стране, а средних — около 4,5% (1 ступени — менее 2%, зато второй — почти 10%) по сравнению соответственно с 0,2% и 2% в середине 1990х гг. (подсчитано автором). Эта тенденция роста непременно усилится после вступления в действие Закона 2002 г., и китайские ученые предполагают, что уже к 2005 г. доля негосударственных школ на уровне обязательного образования может увеличиться до 5%, а полных средних — до 15% всех школ страны на этой ступени²⁰ (в соответствии с новым этапом стремительного распространения среднего образования). Потребность в последних крайне остра в ситуации, когда ежегодно 7 млн. выпускников неполных средних школ не может продолжить обучение.

Не следует забывать, что параметры частного сектора кроме социально-экономических предпосылок определяются и *идейно-политическими величинами*, — в КНР это позиция “идейно сплоченного” социалистического государства, которое допускает частный сектор в ограниченных масштабах, то есть как *периферийный* (в таком подходе проглядывает принципиальное отличие от экономической политики государства). Поощрять же создание элитарных школ и дифференцированный спрос на ступени обязательного обучения правительство КНР не стремится прежде всего потому, что именно здесь формируются базовые языковые навыки, религиозные и идейные убеждения. В Решении ЦК КПК и Госсовета КНР “Об углублении реформы образования и комплексном продвижении вперед воспитания качественных характеристик” (1999 г.) открыто заявлено, что государство не допустит появления на этой ступени “двух систем” обучения²¹.

В Китае обоснованно прогнозировался новый мощный виток развития негосударственных вузов в ответ на намеченную на начало XXI в. массовизацию высшего образования²², что является ответом на глобальные вызовы, также связанные с членством Китая в ВТО. За 15 лет в стране создано более 1300 народных высших учебных заведений (43% общего количества вузов), которые ежегодно принимают свыше 500 тыс. человек (всего в них обучается 2 млн. учащихся, что составляет половину от числа молодежи в государственных вузах²³). Однако большинство из них краткосрочные и нерегулярные, скорее курсы для сдачи экстерната. Многие народные вузы крайне примитивны и не только не сопоставимы с таковыми за рубежом, но и не отвечают требованиям, предъявляемым к ним в самом Китае. Однако их быстрый рост свидетельствует о значительном дополнительном спросе (для сравнения: в США они составляют 72% общего количества высших учебных заведений, а в Японии — 75%) и позволяет согласиться с выводами американских ученых о том, что направления развития НОУ в КНР в целом соответствовали тенденциям модернизации стран ЮВА²⁴.

Распределение НОУ по территории Китая достаточно хаотично, тем не менее отражает определенные тенденции. Проведенное китайскими учеными в 2001 г. выборочное обследование 768 негосударственных школ показало, что наибо-

лее стремительно они растут в поселках (эта картина отличается от раннего этапа начала 90х гг. когда в деревне открывалось множество НОУ, в поселках их было мало, а город занимал промежуточную позицию)²⁸. При этом китайские специалисты подметили такую закономерность: в *крупных центрах* страны обычно представлены все ступени НОУ (именно здесь создаются "образовательные империи"), в *остальных городах* преобладают средние школы первой ступени, а в *уездных и поселковых центрах и в сельской местности* сосредоточены по преимуществу *начальные школы*, что подтверждает превалирование там дополнительного спроса (это именно те 15% регионов, где еще не введено обязательное образование и срок обучения в государственной начальной школе всего 5 лет вместо 6). Волостные поселки превратились в самое напряженное место по соотношению спроса и предложения, поэтому-то там с конца 1990х гг. НОУ растут как грибы, и желающих попасть в них чуть не вдвое больше, чем они могут принять.

В целом по стране соотношение негосударственных начальных и средних общеобразовательных школ приблизительно 1:1, однако по провинциям колебания весьма велики. Во второй половине 1990х гг. например, в Тяньцзине, пров. Хэйлуцзян, Хэнань, Хунань, Шаньдун и Гуанси-чжуанском автономном районе это соотношение приблизительно соответствовало 1:1,5 или 1:2 в то время как в Шанхае, пров. Шаньси, Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой оно составляло 1:3 или 1:4, а в Цзилине — 1:10 (все расчеты сделаны автором на основании данных по регионам, предоставленных автору в 1997 г. Государственным комитетом КНР по образованию). Эти данные позволяют сделать вывод о том, что по мере экономического роста региона в нем обозначается преобладание средних школ. В то же время негосударственные начальные школы превалируют в пропорции 1,5 (2):1 — в Ганьсу, Хэнань, Гуандун, Хайнань или даже 3:1 (Сычуань, Юньнань, Внутренняя Монголия), а в Гуанчжоу — 6:1. На первый взгляд удивительно, что в эту категорию попали не только в основном экономически отсталые регионы, но и несколько наиболее процветающих провинций (Гуандун, Хэнань), а также небогатые провинции с активно растущим частным сектором (Сычуань, Хайнань). Из этого следует, что в бедных регионах частные начальные школы распространяются в ответ на дополнительный спрос, а в благополучных провинциях к их расцвету ведет именно дифференцированный спрос.

Проведенный анализ позволяет вывести следующую закономерность *регионального размещения НОУ*: их отсутствие в наиболее бедных регионах, где нет условий для частного бизнеса; возникновение начальных и средних учебных заведений, а также вузов в ответ на дополнительный спрос в относительно бедных, но динамично развивающихся и урбанизирующихся регионах с быстро растущим частным сектором; появление элитарных средних школ в успешно развивающихся регионах, где дополнительный спрос на качественные НОУ выше базового уровня достаточно велик, но растет и дифференцированный спрос; и наконец, расцвет НОУ всех ступеней в ОЭЗ и процветающих провинциях с преобладанием дифференцированного спроса. В целом, размещение НОУ по территории Китая дает картину, обозначаемую китайскими специалистами как "понемногу в боков и много в середине", что означает, что в Центральных регионах страны сосредоточено до 70% всех НОУ. Распределение по территории страны отражает в целом расселение в сельских и городских районах: 75% НОУ в первых, а остальные — в городских.

Проблемы финансирования. Основной финансовый вопрос в отношениях государства с частным сектором состоит в том, согласно ли оно тратить на него часть своих доходов. Китайское правительство дает крайне сдержанный

ответ на этот вопрос. Государство в Китае традиционно никогда прямо не субсидировало НОУ, их основным финансовым источником являлись пожертвования населения и спонсоров, земельные участки и плата за обучение. Подобная позиция отличается от подхода многих стран мира, в частности, и России. По данным зарубежных исследователей, в 80-е гг. 37% правительств из 127 стран направляли субсидии в частные учебные заведения²⁶, мотивируя это равенством прав всех налогоплательщиков. Справедлива ли эта позиция при том, что сами НОУ, используя внебюджетное финансирование, облегчают финансовую ношу государства? Если считать, что вклад в каждую из существовавших в 1994 г. в КНР 1600 начальных и средних НОУ в среднем равен 5-10 млн. юаней в год, то общая сумма могла составить 8-16 млрд. юаней, т.е. не меньше суммы, которую в то время вкладывало государство в базовое образование²⁷.

На протяжении последних десятилетий позиция КНР в отношении частных учебных заведений заключалась в том, чтобы, не делая прямых финансовых вливаний, распространить на них положения о льготном налогообложении и отсрочке налоговых платежей для учредителей в первые несколько лет после их создания. Речь шла о том, чтобы в приоритетном порядке удовлетворять запросы НОУ (в частности, выделять им земельные участки при льготном налоге на них) и поощрять местные правительства к тому, чтобы они направляли добровольные целевые субсидии из бюджета и оказывали различную помощь. Однако на практике все выглядело по-другому. В соответствии с действовавшими в 1990е гг. подзаконными актами, от налогов освобождались только те НОУ, которые выдавали дипломы государственного образца, а среди вузов таких было несколько процентов. Финансовая помощь местных правительств была незначительной — согласно выборочному обследованию 2001 г., ее получали не более 5% школ, а вот налоговыми льготами воспользовалось 33,5% школ²⁸.

Закон 2002 г. стимулировал государственную поддержку НОУ, включив *отдельное положение* об их льготном налогообложении, а также о налоговых льготах на пожертвования и дары в их адрес. Правовую базу впервые получило неоднократно предлагавшееся учеными положение о создании *специальных фондов для НОУ* на уровне правительств не ниже уезда, о передаче в ведение НОУ свободного государственного имущества, а также о поощрении финансовых структур, выделяющих им кредиты. Закон значительно *расширил бюджетные обязательства местных правительств*, предоставив им право "поручать НОУ осуществление обязательного обучения, и в соответствии с договором выделять им средства на образовательные нужды" (ст 49).

Финансовые и юридические формы создания НОУ в Китае представляют собой 5 основных моделей с различной степенью участия государства:

Первая модель. "Народ создает школу при поддержке государства" (*миньбань гунчжу*), т.е. на начальном этапе местное правительство оказывает финансовую или материально-техническую помощь школе до тех пор, пока та не накопит средства. В 1990е гг. распространилась модель "особой структуры" (*чжуаньчжи*), означавшая фактическую приватизацию государственных школ (*хотя школы этой модели составили к 2001 г. всего 3,3%*). Некоторые из них (как правило лучшие) при сохранении за государством собственности на здание и оборудование *передавались в ведение и управление коллективам и частным лицам* и начинали действовать в соответствии с механизмом НОУ (эта система отработывалась в Шанхае, Пекине, пров. Цзилинь). Процесс шел так: местные правительства постепенно на протяжении трех лет сокращали ассигнования, а получив статус НОУ, школа начинала ежегодно отчислять в местный бюджет до 70% накоплений.

Подобные тенденции усиливали стирание границ между государственными и негосударственными учебными заведениями.

Вторая модель. Соучредительство НОУ государственным предприятием либо учреждением совместно с частными лицами либо организациями, которые вкладывают капитал (*гунбань миньчжу*). Разделение права на собственность и права на функционирование, зафиксированное в 1994 г. и направленное на совершенствование взаимоотношений между правительством и учебными заведениями, явилось важным моментом повышения эффективности НОУ.

Третья модель. Создание школ отдельными гражданами или группой лиц (*сыли цзыбань*). Некоторые учредители открывают школы на базе уже действующих учебных заведений или организаций, а те в свою очередь оказывают им помощь, соответственно рассчитывая на свою долю от коммерческой деятельности.

Четвертая модель. Кроме того, как показало проведенное в середине 1990-х гг. обследование, немало государственных школ и вузов приступили к созданию негосударственных филиалов либо курсов (80% — в собственном помещении) и, обеспечивая их преподавателями и оборудованием, проводили набор по двум каналам с разными проходными баллами. Многие государственные школы открывали частные филиалы совместно с предприятием, фирмой, общественной организацией либо волостным правительством. Этот путь позволял удовлетворить дифференцированный спрос родителей и иметь дополнительный источник финансирования (филиалы выплачивали школе 30-40% доходов, а оказывавшие содействие местные отделы образования получали 10-15%, которые шли на развитие слабых школ района).

Пятая модель. Помимо вышеперечисленных существовали и такие формы учреждения НОУ как акционерная, а также соучредительство школ или вузов китайскими и зарубежными партнерами.

Наиболее распространены оказались первые три модели, причем первая явно позволяет сделать вывод о процессе приватизации части государственных школ в Китае. Главный государственный инспектор по делам образования Ван Шэнь заявил о необходимости "решительно воспротивиться перепродаже и продаже с аукциона частным лицам и организациям государственных школ с целью сбора высоких взносов, особенно тех школ, в которых правительство на протяжении длительного периода накопило преимущественные образовательные ресурсы"²⁹. Что касается бедных регионов и районов проживания национальных меньшинств, то там использовалась схема целевой государственной поддержки НОУ.

Финансовая основа деятельности НОУ в Китае с самого начала их возрождения являлась сложной и не отрегулированной в силу как экономических, так и политических факторов. Поскольку НОУ официально оцениваются как "общеплезно дело" (*гунгэ шиэ*), то на них распространялось положение "Закона об образовании" от 1995 г. о том, что "учебные заведения не могут рассматривать получение прибыли в качестве основной цели своей деятельности"³⁰. Как правило, потенциальными мотивами создания частных школ в странах, где юридически запрещено получать прибыль от их деятельности, может быть замаскированная выгода (в частности, от создания на территории НОУ пользующихся системой налоговых льгот предприятий, спортивных и развлекательных комплексов и т.д.), нелегальные способы получения прибыли, а также политические амбиции. Структура первоначального капитала учредителей НОУ в Китае может включать как их собственные средства, так и привлеченный капитал в паевой (акционерной) форме. Текущие расходы как пра-

вило покрываются за счет учебных взносов, их доля в финансировании НОУ в городе достигает 70%, а на селе не превышает 20%; взносы учредителей соответственно 28 и 60%; банковские ссуды и общественные пожертвования здесь едва дотягивают каждое до 1%. Несколько иная ситуация в "народных вузах": вложения учредителей составляют 40%, а взносы учащихся почти те же 40%, в то время как на долю банковских ссуд и общественных пожертвований приходится по 7%, таков же и удельный вес государственных субсидий³¹. Итак, основными источниками финансирования служат: средства спонсоров (в том числе и зарубежных), правительственные субсидии, помощь предприятий, пожертвования и взносы за обучение, но гарантированным является лишь последний. Как сообщили автору в Центральном НИИ педагогики КНР в ноябре 1997 г., проведенное незадолго до того обследование негосударственных вузов показало, что большинство из них формируют основной капитал с помощью взносов учащихся и только 10% — за счет предприятий, частных спонсоров либо общественных организаций. Собственность учебного заведения и учредителя является раздельной, т.е. разделяются государственное имущество школы, имущество, вложенное учредителем и имущество, накопленное школой за время деятельности.

Образовательные учреждения взимают плату согласно государственным установлениям, но перечень взносов и их нормативы предлагают они сами. Поскольку 90% НОУ в Китае интернатного типа, то в оплату входит и проживание учащихся. По размеру годовые взносы делятся на три уровня. Первый — высокий (около 4-5% всех негосударственных школ, сосредоточенных в основном в наиболее развитых приморских провинциях) — свыше 30 тыс. юаней (около 4 тыс. ам. долларов); средний — от 10 до 30 тыс. юаней (весьма распространенный уровень, так как отражает реальные расходы на одного учащегося, включая проживание и питание); низкий — от 200-300 юаней в маленьких частных сельских школах и около 1000 юаней в некоторых профессионально-технических училищах. Официально объявляемые относительно низкие взносы на уровне 5-8 тыс. юаней в год в наиболее престижных школах часто не включают плату за общежитие либо означают, что школа может позволить себе покрывать недостающую часть реальных расходов из дополнительных субсидий. Согласно китайским опросам 1994 г., 70% родителей потенциальных учеников частных школ Пекина готовы выложить за обучение детей гораздо меньше вышеозначенных сумм: в начальных школах — не более 600 юаней в год (лишь треть — 1000 юаней); в средних — соответственно 800-1600, а в вузах — 1200-2000 юаней. Большая часть опрошенных считала такую оплату умеренной при среднем расчетном доходе семьи в месяц 600-1500 юаней. Реальная плата за обучение в частном вузе ниже, чем в целом по стране (напомним, что с 1994 г. КНР постепенно переходит на платное обучение на всех ступенях выше обязательного) и составляет в среднем 3400 юаней.

На размеры учебных взносов воздействует множество факторов, и они резко колеблются по провинциям. Некоторые школы варьируют их в зависимости от успеваемости учеников, снижая отличникам и увеличивая неуспевающим. Формы взимания взносов разнообразны: в основном по семестрам. Однако существует еще и одноразовый взнос при поступлении — "на развитие школы" (в крупных городах — 3-5 тысяч юаней). Действовавший в процветающей южной провинции Гуандун и ряде других мест разовый "залоговый взнос" в совокупности с регулярными расходами семьи на учебу и проживание доходил до 30-40 тыс. юаней (что в 200 раз превышало расходы на одного школьника в государственных школах)³². Эти деньги в период обучения давали

школе банковские проценты, а после окончания учебы возвращались родителям, но без процентов; в последние годы в Гуандуне залог отменен.

Вклады предприятий в частные учебные заведения зачастую составляют весьма внушительную сумму, что объясняется не только престижем и налоговыми льготами, но и возможностью создавать на территории школы свои филиалы, а также извлекать выгоду из связей с частным капиталом в лице родителей учеников. Школы, созданные частными предприятиями, постепенно превращаются вместе с ними в единый холдинговый центр. Например, только за период с 1993 по 1997 гг. предприятие-соучредитель посещенной автором в 2001 г. известной пекинской частной школы "21 век" внесло 170 млн. юаней, хотя доходы от вложений были весьма незначительны, особенно в первый организационный период. Создавшее школу "Хойцзя" в пригороде Пекина крупное предприятие под тем же названием ежегодно вкладывало в нее 20 млн. юаней, учредительский капитал составил 50 млн., общая сумма вложений в основной фонд строительства школы — 120 млн., а накопления за 5 лет — 15 млн. юаней (по итогам беседы автора с директором школы в 1997 г.). Но далеко не многие НОУ в Китае основаны на таком прочном фундаменте. Для открытия маленькой школы достаточно 20 тыс. юаней, которые могут внести на паях несколько человек.

Финансовые трудности НОУ вызваны тремя факторами:

1. Их официально некоммерческим (вплоть до принятия Закона 2002 г.) характером. В "Положениях" 1997г. четко оговаривалось, что накопления НОУ могут использоваться только на увеличение текущих расходов на обучение и улучшение условий учебного заведения; они не могут быть разделены и направлены на какую-либо внешкольную деятельность(ст.37). Частные предприниматели не торопились вкладывать капитал, поскольку в отличие от предприятий учебные заведения не подлежат закрытию и расформированию по желанию учредителей, следовательно, вложенные средства в случае изменения ситуации не могут быть ими отозваны.

2. Отсутствием образовательного рынка (капитала, помещений, оборудования, учителей). В силу связи с культурной традицией он складывается медленнее, чем рынок товаров и услуг (по китайским оценкам, к 2000 г. первый сформировался лишь на 70%, а второй — на 90%). В результате большинство НОУ в Китае до сих пор вынуждены арендовать помещения и оборудование, что также не стимулирует учредителей делать вложения в основной капитал. Не полностью реализована и поддержка со стороны предприятий (их средства почти не попадают в основной капитал), а взносы за обучение покрывают лишь текущие расходы, не позволяя делать накопления. Многие в Китае считают, что без собственных помещений, общежитий и оборудования НОУ погибнут.

3. Отсутствием специальных фондов для развития НОУ (в отличие, в частности, от Японии) при том, что в Китае действуют многочисленные фонды поддержки государственных учебных заведений. Недаром в Закон 2002 г. введено положение об учреждении подобных фондов.

Первое десятилетие активного функционирования НОУ породило горячие дебаты относительно их некоммерческого статуса. Более того, есть свидетельства и китайских, и западных источников, что некоторые частные школы и их учредители тайно или явно сумели превратить их в источник дохода²⁴. Теоретики отмечали отсутствие в официальных документах КНР присущего мировой практике дифференцированного подхода к НОУ разных типов и уровней и, соответственно, деления их на коммерческие и некоммерческие. *Исключение из Закона о частных школах положения о запрете на прибыль-*

ность в качестве цели их функционирования создает мощный стимул их развития за счет коммерциализации. Более того, в Законе добавилась статья, согласно которой “после вычета себестоимости, капитала на развитие, а также прочих установленных государством необходимых расходов, спонсоры могут получить разумное вознаграждение из оставшихся средств” (ст. 51) (предполагалось, что оно будет равняться процентам с вклада).

Перспективы и сложности развития. Несмотря на свой периферийный характер, за прошедшие два десятилетия НОУ внесли значительный вклад в развитие всей системы образования КНР. Их отличает более высокая степень автономности, более демократическая система внутришкольного управления, в том числе благодаря попечительским советам, отсутствующим в государственных школах и имеющим право предлагать для избрания кандидатуры директора и руководства администрации. Особо важно это для вузов, где в отличие от государственных учебных заведений осуществляется система ответственности ректора не под руководством парткомов, а под руководством Совета директоров или попечительских советов. Более активную роль в самоуправлении НОУ играют и ученические советы. В целом их относительно гибкая и открытая система управления оказывает положительное влияние на реформу внутришкольного управления остальных учебных заведений.

Частный сектор расширил доступ к образованию, особенно среднему и высшему; являясь более гибким и динамичным, он способствует подготовке специалистов по “горячим” специальностям (информатика, финансы, менеджмент, изучение окружающей среды и пр.). НОУ в КНР предлагают учащимся и ряд других преимуществ: классы малой наполняемости (25–35 человек), повышенное внимание к изучению иностранного языка (в большем объеме и с первого класса в отличие от третьего в государственных школах), хорошо укомплектованные компьютерные классы и спортивные залы, эстетическое воспитание (в основном, музыкальное), развитие индивидуальных способностей и простор для экспериментальных исследований, а в “образовательных империях” — еще и непрерывность образования от детсада до университета без угрозы срыва на экзаменах при переходе на следующую ступень. Стремясь привлечь больше учащихся, эти школы также укрепляют связи с учебными заведениями других стран, предоставляя возможность учебы по обмену за рубежом. Например, в 1992 г. в Шанхае был открыт престижный частный университет “Саньда”, ориентированный на потребности района Пудун, который имеет тесные контакты с ведущими вузами мира и гарантирует студентам зарубежные стажировки. Многие НОУ, имеющие прочные связи с негосударственными предприятиями, предоставляют работу выпускникам. В целом частный сектор способствует диверсификации образовательных учреждений, обеспечивая выбор учащимся и их родителям.

В то же время у частных школ на данном этапе, помимо вышеперечисленных финансовых, еще множество нерешенных проблем. Большинство НОУ отличает маломасштабность (хотя есть школы, не уступающие по масштабам и занимаемой территории государственным ключевым или даже превосходящие их): численность учащихся колеблется от 100 до 200, что делает их функционирование не столь эффективным, как это теоретически предполагалось. Тем не менее за последние 10 лет масштабы НОУ выросли в 3–4 раза. Наличие значительной доли учителей-совместителей (в вузах — около 60%) и пожилых учителей из числа вышедших на пенсию негативно влияет на качество обучения. Если говорить об этом аспекте, то некоторые частные учебные заведения в Китае занимают довольно высокие позиции на уровне ключевых школ, хотя

другие — оцениваются весьма низко. В целом престиж частных школ ниже, чем ключевых государственных.

Привилегированный характер некоторых частных учебных заведений и узость представленных в них социальных страт изначально вызывали неприязнь в китайском обществе и опасения со стороны официальных властей. Тем не менее постепенно отношение стало более терпимым. Некоторые теоретики образования даже представляли их “закрытость” как достоинство — ограждение от разлагающего влияния улицы, семейная атмосфера. Однако очевидно и то, что сплоченность выпускников элитарных частных школ цементирует их кастовость, укрепляя традиционное для Китая построение деловых контактов в системе дружеских либо родственных связей (*гуанси ван*). Как известно, частный сектор может стимулировать противоречия в обществе, создавая учебные программы, усиливающие критические настроения в отношении правительства либо просто предлагая отличный от общественного стиль жизни. Именно поэтому в КНР контроль со стороны государства распространяется и на учебные программы, и на идеологическую атмосферу НОУ. Многие частные школы, чтобы приобщить ребят к жизни, проводят военное обучение, летние лагеря, походы, посещение мест боевой славы, заявляют о стремлении избежать роскоши в общежитиях и приучить ребят к труду. Идеологические проблемы будут нарастать по мере открытия на образовательном рынке Китая все новых частных, в том числе и зарубежных либо совместных учебных заведений, подстегиваемых членством страны в ВТО. Этот процесс укрепляет решимость руководителей Министерства образования КНР противостоять чуждому идеологическому и религиозному влиянию³⁴.

В целом, появление частных учебных заведений в Китае свидетельствует о том, что система образования в этой стране проходит процесс приватизации и вхождения в рынок. Возрождая инициативу на местах, усилия отдельных граждан и зарубежную помощь, центральное правительство тем самым поощряет более непосредственные контакты между теми, кто предоставляет потребительские услуги, и теми, кто платит за них, развивает партнерство между промышленным и образовательным секторами. Исследователи из Гонконга отмечают, что в отличие от опыта западных стран, “стратегия приватизации и рыночных отношений, принятая КПК, в высшей степени ‘инструментальна’, ее применение нацелено на повышение административной эффективности и производительности скорее, чем знаменует фундаментальный поворот ценностных ориентаций в сторону идей общественного выбора”³⁵. Тем не менее мне представляется возможным сделать вывод о том, что передача части ответственности негосударственному сектору в сфере образования в КНР, независимо от замыслов организаторов, стимулирует переход к новой парадигме социальной политики.

1. Жэньминь жибао. 1999. 21 июня.
2. Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С.71.
3. Мэн Минъи. Шичан цзиньцзи юй миньбань цзяюй фа [Рыночная экономика и законодательство по народному образованию]. // Цзяюйсие G1. 1998. № 10. С. 65.
4. 2001 нянь Чжунго цзяюй люйпишу [Зеленая книга по образованию в Китае 2001 г.] Пекин, 2001. С. 2, 108.
5. Hayhoe Ruth. China's Universities: 1985-1995: A Century of Cultural Conflict. Hong Kong, 1999. P. 12.
6. Подробнее о частных школах в истории китайского образования см.: Боровская Н.Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.

7. Riddell A. Globalization, Decentralization, Privatization: Emasculation or Opportunity for Educational Planning? // CIES paper. Boston, 1995. P. 29.
8. Гуанмин жибао. 2002. 8 октября.
9. Жэньминь цзяоюй. 2001. № 3. С. 5.
10. Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 88, 95.
11. Цзяоюй яньцзю. 2001. № 4. С. 8
12. Миньбань цзяоюй тунсюнь. 1997. № 7. С.5.
13. Cummings W. K. Private Education in Eastern Asia The Challenge of Eastern Asian Education: Implications for America: SUNY Press. Albany, 1997. P.143.
14. Образование в Российской Федерации: Госкомстат России. М., 1995. С. 60.
15. Жэньминь цзяоюй. 2002. № 2. С. 6.
16. 2001 нянь Чжунго... С. 125.
17. Чжан Чжи (ред.). Сыли, миньбань сюесяоды лилунь юй шисянь [Теория и практика частных и народных школ]. Пекин, 1994. С. 161-163, 170.
18. Mok Ka-ho. Private Challenge to Public Dominance// Comparative Education. 1997. vol. 33. № 1. P. 45.
19. James E. The Public/Private Division of Responsibility for Education: An International Comparison// Comparing Public and Private Schools. Philadelphia, 1988. P. 107.
20. Чжан Чжи, Ли Цзяюн (ред.). Сыли сюесяодэ таньсо юй яньцзю [Изучение и исследование частных школ]. Пекин, 2000. С. 52.
21. Жэньминь жибао. 1999. 17 июня. С. 5.
22. Чжан Чжи, Ли Цзяюн. Указ. соч. С. 84-85
23. Жэньминь жибао. 27 октября. 1999.
24. Cummings W. K. Private Education in Eastern Asia. P. 145.
25. 2001 нянь Чжунго... Пекин. 2001. С. 122.
26. Cummings W. K. and Riddell A. Alternative Policies for the Finance, Control, and Delivery of Basic Education// International Journal of Educational Research. 1994. Vol. 21. № 8. P. 756.
27. Чжан Чжи (ред.). Указ. соч. С.155
28. 2001 нянь Чжунго... С. 133.
29. Жэньминь цзяоюй. 2002. № 4. С. 6
30. The Laws on Education of the People's Republic of China. Beijing, 1999.
31. 2001 нянь Чжунго... С. 125. 139.
32. Чжан Чжи. Указ. соч. С. 192.
33. 2001нянь Чжунго... С. 112; Kwong Julia. The Reemergence of Private Schools in Socialist China// Comparative Education Review. 1997. № 41. P. 246.
34. Жэньминь цзяоюй. 2002. № 2. С.10.
35. Mok K.H., Marketization or quasi-marketization: Educational development in Post-Mao China. — International Review of Education, 43 (5-6), 1997. P. 20.

Национализм Лян Цичао и современность

© 2003

А. Москалев

В многообразном творческом наследии Лян Цичао отсутствуют труды, специально посвященные национализму. Но, хотя систематического изложения своего понимания национализма он не оставил, ему неоднократно приходилось обращаться к этой теме при рассмотрении иных вопросов. Несомненно, мыслителя настолько волновала судьба своих соплеменников и отечества, что он вполне закономерно "вышел" на национализм, в котором увидел идеологию, "спасительную" для Китая. Кстати, тот факт, что молодой Лян Цичао избрал одним из своих псевдонимов образ Глотателя Льда (Инь Бин, или Инь Бинцзы) уже говорил о его внутренней "предрасположенности" к национализму. Чжан Илэй замечает, что избрав это вымышленное имя, Лян Цичао хотел "выразить [в нем] чувство жгучей (цзяочжо) тревоги за судьбу отечества"¹ (это внутреннее горение души как бы "гасилось" глотанием льда). Видимо, именно это чувство стало одним из тех стимулов, которые (в совокупности) способствовали формированию его националистических убеждений.

Проблематика национализма полнее всего представлена в текстах Лян Цичао первой половины 1900-х годов. Именно тогда он стремился осмыслить проникавшее в Китай понятие национализма, объяснить китайскому читателю, почему ханьцам так необходима эта доктрина, столь популярная на Западе. В статьях, относящихся к данному периоду, Лян Цичао пытался определить (и освоить) теоретическую подоплеку национализма. Поэтому его справедливо считают "первопроходцем (сяньсинчжэ) теории современного китайского национализма"². В то же время национализм Лян Цичао проявлялся и как особенность его общего отношения к самым различным проблемам. Поэтому в ряду теоретических умов Китая конца XIX — начала XX в. его по праву именуют также "националистическим мыслителем (миньзучжунь сысянцзя)"³.

Настоящая статья знакомит с китайским национализмом в понимании Лян Цичао и с характерными проявлениями националистической позиции в его текстах разных лет. С учетом того, что некоторые идеи Лян Цичао, связанные с национализмом, корреспондируют со взглядами и подходами, развиваемыми современными китайскими исследователями, в статье затронут и этот аспект. Необходимо также пояснить следующее. По мнению китайского исследователя Пи Минъюна, национализм Лян Цичао в действительности включает

два рода различных “вещей (*дунси*)”. Во-первых, утверждает Пи Минъюн, это воспринятый с Запада “четко выраженный” национализм, носящий “политический характер”. Во-вторых, это некий “невнятный” (*бу ми янь дэ*), или, по-видимому, четко не обозначенный, национализм, который Пи Минъюн относит к так называемому “культурному национализму”⁴. Действительно, национализм сложен и многогранен, в том числе и национализм Лян Цичао. Однако в предлагаемой статье я отдельно не касаюсь его “невятного” национализма, так как разделяю ту точку зрения, что и политическая, и культурная грани национализма Глотателя Льда — это две стороны идеологии, представляющей собой не что иное, как национализм этнический. Последний является таковым по той причине, что порождается многообразными интересами определенной этнической общности и направлен на защиту и отстаивание ее потребностей. Это отличает этнический национализм от других его категорий — гражданского (для него в Китае существует термин *гоминьчжуи*), а также надэтнического (полиэтнического) национализма.

Лян Цичао был первым, кто употребил термин *миньцзучжуи* (“национализм”) в китайском языке⁵ (в некоторых случаях он сопровождал китайское обозначение соответствующим английским термином — *nationalism*). Находясь в Японии после крушения “ста дней реформ”, свои первые общие познания о национализме он черпал из японских изданий. Это были как сочинения японских авторов, посвященные политической ситуации в мире в конце XIX в., так и, главным образом, американские и немецкие работы различного содержания, в большом количестве переводившиеся на японский язык⁶ (среди переводов были тексты и других западных авторов). Знакомя китайского читателя со сложившимися на Западе представлениями о национализме, Лян Цичао одновременно излагал свои соображения по затрагиваемым вопросам, стремясь выявить то, что могло бы быть с пользой применено в Китае.

В 1901 г., давая одну из первых своих характеристик национализма, он явно видел в нем средство, которое может послужить “спасению” отечества. Он называл национализм “великим принципом”, возбуждающим “умы людей всего мира”, не желающих жить “под гнетом инородцев”. “Действовавшие в соответствии с этим принципом преуспевали, а устранявшиеся от него — клонились к гибели”. По словам мыслителя, “национализм — это самый светлый честный и справедливый принцип в мире. Если [следуя ему] не допускать чтобы другая нация (*миньцзу*) вторгалась в свободу моей [нации], то мо: [нация] также не станет вторгаться в свободу этой нации. Когда этот принцип присутствует в государстве, его народ независим. Когда он присутствует в мире, — государства независимы. И если искусно руководствоваться этим принципом, каждая [нация] будет знать свои пределы, и впредь так могло бы быть всегда. Разве это не великая радость для всего мира!”⁷

Последняя восторженная тирада не раскрывала, понятно, существа проблемы. Видимо в данном случае Лян Цичао интересовал прежде всего вопрос о взаимном невмешательстве наций (и государств) в “свободу” друг друга. Тем не менее, необходимо отметить, что Лян Цичао сразу оценил национализм как принцип сугубо положительный. Впоследствии этот подход у него возобладал.

В 1903 г. Лян Цичао констатировал: “в последние два года национализм стал мало-помалу проникать в наше отечество”⁸. Тем самым, в отличие, скажем, от лидеров Тунмэнхуэя (“Объединенного союза”) во главе с Сунь Ятсе-ном, считавших возможным утверждать, что “первым в мире величайшим националистом” был легендарный первопредок Хуанди (III тысячелетие до н.э.)⁹, Лян Цичао придерживался преобладавшей на Западе точки зрения, согласно которой “взлет” национализма (в Европе) относился к рубежу XVIII-XIX веков¹⁰. В этой связи уместно привести такое его мнение: знакомство с историей

XIX в., писал Глотатель Льда, убедило его, что “честь открытия (*фамин*) этой идеологии (т.е. национализма. — А.М.) не имеет отношения к [стране Великого] Юя (т.е. к Китаю. — А.М.)”¹².

В 1903 г. Лян Цичао писал о необходимости “продвигать” в Китае два вида национализма: малый национализм (*сяо миньцзучжуи*) и большой национализм (*да миньцзучжуи*), причем последний, по его словам, следовало “продвигать в еще большей степени”, чем первый. Тут же он давал пояснения: “Что такое малый национализм? — Это национализм ханьцев в отношении прочих национальностей страны. Что такое большой национализм? — Это национализм всех национальностей Собственно Китая и зависимых территорий (*шу бу*)”¹³ в отношении национальностей за пределами страны”¹⁴.

Тем самым, Лян Цичао, выдвинув идею “большого национализма”, первым в Китае поставил вопрос о возможности формирования в стране национализма полиэтнического. Правда, в последующие годы данная тема им больше не развивалась. Поскольку “большому национализму” Лян Цичао отводил первостепенную роль, это означало, что для него внешний националистический вектор (видимо, на определенном этапе) имел гораздо большую значимость, чем внутренний. Действительно, ситуация вокруг Китая все более накалялась, и на это нужно было незамедлительно реагировать. Что же касается “малого национализма”, то он имел своим содержанием “рутинную” ассимиляцию и “переваривание” ханьцами неханьских этносов, и этот процесс (как и данная грань национализма) едва ли был в глазах Лян Цичао менее важным, если учесть все, что он писал по этому поводу. Кстати, возможно, именно эта ассимиляция, осуществлявшаяся в тех или иных формах веками и тысячелетиями (в этом, согласно Лян Цичао, состоял длительный процесс исторического расширения (*жода*) ханьской нации), давала повод Сунь Ятсену утверждать, что на самом деле китайский национализм гораздо древнее, чем это обычно считается.

Имевший совсем иное мнение по этому вопросу Лян Цичао утверждал, что в Среднем государстве национализм “еще до сих пор не зародился”¹⁵. Это было сказано в 1901 г. В данной связи он ставит “неотложную” задачу: “как можно скорее взрастить собственный национализм, [необходимый для] отражения [внешней агрессии]. Вот с чем наш народ должен бороться сегодня поторопиться”¹⁶, подчеркивал мыслитель. В другой работе он отмечал: “Сегодня, если мы намерены противостоять национал-империализму”¹⁷ держав, дабы отвлечь большое бедствие и спасти наши жизни, нам единственно остается проводить политику собственного национализма”¹⁸.

Чтобы проводить такую политику, Китай, по убеждению Лян Цичао, нужно было превратить в националистическое государство, ибо, как он писал, государства, не ставшие националистическими, не есть подлинное государства. Лишь руководствуясь принципом национализма, “государство может, опираясь на народ, поддерживать свое бытие”¹⁹. Иначе говоря, Лян Цичао полагал, что отсутствие национализма для государства губительно. Поэтому он снова и снова акцентировал мысль о том что “для спасения Китая нет иного пути, кроме как прежде всего создать националистическое государство. Если самая большая нация (*миньцзу*) планеты сможет создать [такое] государство, которое [тем самым] будет соответствовать принципу естественной эволюции, то оно станет символом первой империи в Поднебесной, и уже никто не будет в состоянии его сокрушить”²⁰. Лян Цичао был убежден, что националистическая стадия — естественная и необходимая в эволюции “нормального” государства. Он видел в национализме консолидирующую силу, необходимую для превращения Китая в мощную державу. Говоря о Европе и мире, он замечал, что “Европа в своем развитии и мир в своем прогрессе обязаны непреодолимой энергии национализма”²¹. Национализм, писал Лян Цичао, помогает людям взглянуть на

себя, “как на братьев”, добиваться независимости и самоуправления, создавать более совершенные правительства, способные “отстаивать общие интересы и противостоять [посягательствам со стороны] других наций”²². Что касается Китая, то здесь осуществление политики национализма, считал Лян Цичао, “неотделимо от обновления народа”²³, т.е. он понимал, что ханьцы еще не были готовы к тому, чтобы сознательно воспринять новую идеологию.

Подготовка китайцев к такому восприятию мыслилась Лян Цичао как многоплановая задача. Программа (*даган*) своего рода “модернизации” народа (отнюдь не сводившаяся к одному лишь “приготовлению почвы” для “националистического” посева) подробно излагалась в его сводном труде “Об обновлении народа”. В нем намечалось около двух десятков проблемных направлений деятельности, в том числе обосновывалась необходимость повышения уровня социально-политической интеграции ханьцев; много внимания уделялось утверждению “идеи государства” у ханьцев (в сознании которых представление об этом институте было крайне расплывчатым); отдельные разделы сочинения были посвящены вопросу о чувстве собственного достоинства, “народному духу” (*минь ци*) и т.д. Некоторые из обсуждавшихся проблем впоследствии, уже в 20-е годы, продолжали занимать Лян Цичао. Так, в трактате “Об обновлении народа” он писал: “Как печально, что в характере китайцев отсутствует чувство собственного достоинства”. Он замечал, что отсутствие этого чувства напрямую ведет к неуважению данного государства другими. В 1921 г. он вновь подчеркивал: “Нужно лишь, чтобы нация избегала сама относиться к себе без [должного] уважения (*цзыцзи кань бу ци цзыцзи*)”²⁴. Вполне очевидно, что подобные вопросы имели непосредственное отношение к внедрению идеологии национализма.

Лян Цичао также рассматривал национализм как необходимое условие для расширения (*пэнчжан*) этнонации. Последнее должно было способствовать завоеванию ею достойного места в мировом соперничестве наций. Он объяснял своим читателям, что расширение нации, в свою очередь, приведет ее к успеху в мировом экономическом соперничестве (*пинчжунь*²⁵ *цзинчжэн*)²⁶. В мире XX века, писал Лян Цичао, “те, кто силен в экономике, являются сильными государствами; те, кто скромны в экономике, остаются слабыми государствами; те же, кто ничего не значат в экономической сфере, вообще не могут считаться государствами”²⁷. Но в Китае, подчеркивал он, все нужно начинать с создания националистического государства.

Современник Лян Цичао и убежденный националист Сунь Ятсен связывал “возрождение национализма” в Китае, где он, по его мнению, “заглох” (в силу исторических причин), с “возрождением национального духа” (*миньцзу цзиншэнь*)²⁸. Лян Цичао также считал состояние духа (*цзиншэнь*) своих соплеменников важным фактором, определяющим готовность народа воспринять идеи национализма. Хотя ханьцы, по его словам, и являлись “расширяющейся расой” (*пэнчжан жэньчжун*)²⁹, никак не следовало пассивно ожидать, когда их силы “созреют”, а нужно было уже сейчас начать “развивать свой дух (*фахуэй ци цзиншэнь*), возвращать великую нацию [*гоминь*]³⁰ и вступать в противоборство с державами”³¹.

О важной роли “народного духа” (*минь ци*) Лян Цичао писал, как уже говорилось, в трактате “Об обновлении народа”. По его словам, “дух народа — важный фактор, обуславливающий бытие государства” (ту же функцию он видел и у национализма). Он пояснял, что дух народа “не имеет абсолютного, самодовлекющего значения”, а выполняет свою роль как вспомогательное средство³²: он непременно должен опираться на силу народа, народную мудрость и народную добродетель. “При умелом использовании он может принести чрезвычайно благоприятные результаты. Но при неправильном к нему подходе он

способен нанести [обществу] огромный вред"³³. Эта двойственность по существу роднит национальный (или народный) дух с национализмом.

Еще одна важная сторона национализма, на которую обращал внимание Лян Цичао, — это его способность содействовать созданию атмосферы, благоприятной для сохранения и развития традиционной культуры нации, для подъема и возрождения этой культуры. "Когда прибегают к этому принципу, — писал Лян Цичао, — все нации неизменно стремятся к укреплению собственной самобытности, в полной мере развивают ее особенности... Все исконное — традиции и обычаи, право, литература, изобразительное искусство — становится мерилom самоуважения наций"³⁴. В этой связи важно обратить внимание также на следующие замечания Лян Цичао. "Нынешний мир, — признавал он, — является миром национализма. А все существующие в мире государства непременно обладают присущей им спецификой... В этой специфике есть и положительное, и отрицательное. Положительное нужно сохранять и не только сохранять, но и непременно дополнять заимствованным у других народов... Отрицательное же нужно искоренять и не только искоренять, но и непременно стремиться к тому, чтобы заимствованное у других народов помогало нашему спасению"³⁵. Это, несомненно, немаловажная деталь, поясняющая характер культурной грани национализма Лян Цичао.

Среди прочего Лян Цичао предлагал заимствовать германские националистические идеи, лежавшие в основе немецкой системы образования. По словам Лян Цичао, при Бисмарке главной идеей немецкого образования был национализм, а при кайзере Вильгельме такой идеей стал национал-империализм. Эти идеи, констатировал мыслитель, принесли свои результаты. Германия теперь — единая сильная держава. При Вильгельме молодым людям Германии внушается мысль, что они "являются хозяевами всего мира". В результате германская нация ныне пожинает плоды "этих двух великих идей образования"³⁶. Эти идеи, очевидно, весьма импонировали Лян Цичао, и он ратовал за то, чтобы для китайской нации также была избрана наиболее подходящая "главная идея образования". Он отвергал (несмотря на наличие определенных достоинств) системы образования России, Франции, Японии и других стран, остановившись на немецком варианте. Он советовал брать пример с немцев: ведь они "прежде находились в раздробленном состоянии, а сегодня сплочены. Этому нам и следует учиться"³⁷, — заключал Глотатель Льда.

Он видел национализм в его динамике, различая две главные стадии его развития. Он считал, что Китай не должен миновать ни одной из них. Как отмечалось выше, он подчеркивал, что те государства, которые не достигли начальной стадии национализма, т.е. еще не стали националистическими, вообще "не заслуживают названия государств". Дальнейшая же стадия развития национализма — это его трансформация в национал-империализм (*миньцзу дигочжу*). Национал-империализм, писал Лян Цичао, зародился "во второй половине XIX века". Но его "полный расцвет произойдет в XX веке"³⁸. Именно таковыми, т.е. национал-империалистическими по своей природе, стали сильнейшие мировые державы, и сегодняшний мир превратился в арену действия "двух великих принципов" (т.е. национализма и национал-империализма. — А.М.). Национализм, все более разрастаясь и стремясь "приумножить благополучие для собственных наций", в конце концов выплескивается за пределы государств, во взаимоотношениях между которыми "право сильного становится высшим принципом"³⁹. Иначе говоря, национал-империализм — это экспансионистский национализм. Превращение национальных государств (*миньцзу гоцзя*) в национальные империи (*миньцзу диго*) происходило в конце XIX века. Утверждение же последних, пояснял Лян Цичао, как раз и означало переход национализма в новую стадию развития — стадию национал-империализма⁴⁰.

Эта картина развития национализма в мире была, конечно, почерпнута Лян Цичао из японоязычных (в основном — переводных) источников.

Сознавая опасность для Китая национал-империализма, все более “наседавшего” на его отечество, Лян Цичао в своем отношении к этой разновидности национализма не избежал, однако, определенной противоречивости. Понимая его негативные свойства, он в то же время отнюдь не говорил о нем как о каком-то принципиально отрицательном начале. Он различал два типа национал-империалистических наций. К типу “А” относил “полноценные и сильные нации”, достигшие национал-империалистической стадии развития, которые “собственными силами колонизировали территории, занимаемые неполноценными и слабыми нациями”⁴¹. Классическим примером такого рода нации виделась ему британская нация. Англичане первыми создали национальное государство (*миньцзу гоцзя*), писал Лян Цичао, а затем, достигнув стадии национал-империализма, Великобритания “взяла пальму первенства [в захвате колоний],... сумев постепенно подчинить себе территории по всей планете, так что ее государственный флаг развевается в лучах солнца в любое время суток”⁴².

Нации типа “В”, по словам Лян Цичао, это “полноценные и сильные нации, которые, реализуя свою силу ассимиляции, поглощают неполноценные и слабые нации”. Пример — Соединенные Штаты, которые “за сто с небольшим лет от Атлантического побережья... постепенно распространились до Тихого океана”. Лян Цичао считал Америку страной, обладающей высокой способностью к ассимиляции⁴³.

Судя по текстам мыслителя, он не исключал и даже приветствовал бы участие Китайской Империи в “захвате” оставшихся “незанятыми” территорий планеты. По всей видимости, он считал подобное “освоение” таких территорий вполне оправданным. В этой связи характерным представляется одно его высказывание, которое стоит привести полностью: “Большая часть мира находится в руках неразумных и бездарных наций (*у чжи у нэн чжи миньцзу*), которые не способны развивать природные ресурсы (как, например, богатства недр, леса и т.п.), чтобы сделать их достоянием человечества. [В результате] эти богатства поневоле оказываются заброшенными и не приносящими пользы. В то же время у цивилизованных наций в других частях [планеты] численность населения непрерывно растет, а в ресурсах ощущается недостаток, который неоткуда восполнить. Это и приводит к тому, что неполноценные нации подпадают под управление и контроль полноценных наций”⁴⁴.

Придерживаясь подобных взглядов, Лян Цичао не скрывал желания, чтобы и Китай приобщился к политике колониального раздела мира. В этом также отразились его националистические устремления. В 1899 г. он писал “Кто же впоследствии сможет... освоить весь мир? Это будет наша китайская раса (*во чжунго жэньчжун*): Белые люди сильны, но не склонны к упорному труду. Черные и коричневые нерадивы, и им не хватает умственных способностей. [Поэтому] без нас, желтых, тут не обойтись. Ныне Северная Америка и Австралия являются территориями колонизации людей белой расы. Впоследствии Южная Америка и Африка⁴⁵ непременно станут территориями колоний людей желтой расы (Лян Цичао имел в виду ханьцев. — А.М.)”⁴⁶.

Скорее всего, эту мысль Лян Цичао перенял у своего учителя Кан Ювэя. В жизнеописании Кан Ювэя Лян Цичао упоминает, как тот говорил, что китайцам “нужно обратить внимание на дело колонизации” и что “в будущем можно будет создать Новый Китай в Западном полушарии (т.е. в Южной Америке. — А.М.)”⁴⁷.

Думается, что проявлением национализма был и категорический отказ Лян Цичао признать правомерным отнесение ханьцев “людьми Запада” (си

жэнь) к монголоидной расе. Он подчеркивал, что квалификация ханьцев как монголоидов (*мэнгу чжун*) ошибочна⁴⁸, и что эта ошибка коренится в неосведомленности ученых Запада относительно реального положения вещей на Востоке. Лян Цичао утверждал, что в Китае насчитывается не менее нескольких десятков рас, из которых наиболее известны шесть. Ханьцев он, как уже говорилось, считал самостоятельной ханьской расой (*хань чжун*). Кроме ханьской расы им названы мяоская, тибетская, монгольская расы, а также расы сюнну и тунгусская (последнюю он именуется также маньчжурской). "По отношению к расам мяо, тибетской, монгольской, сюнну и маньчжурской мы являемся гигантской ханьской расой", — утверждал Лян Цичао. "В отношении же белой, коричневой, красной и черной рас мы являемся желтой расой". Представители ханьской расы, по словам Лян Цичао, являются потомками Хуанди⁴⁹. За несколько тысячелетий ханьская раса обрела величие и прославилась во всем мире. "Так называемая азиатская культура распространялась и обогащалась людьми нашей расы"⁵⁰.

Лян Цичао не мог согласиться с отнесением ханьцев к монголоидам по той причине, что монголы в его представлении были неполноценным этносом. В 1921 г. он писал, что ханьцы в прошлом "постоянно испытывали притеснения со стороны неполноценных этносов" (*ле дэн миньцзю*)⁵¹. В статье "О будущем китайской расы" (1899 г.) он замечал, что "в прошлом управлявшие Китаем инородцы все были худородными кочевыми этносами (*юму цзянь цзю*)"⁵². Совершенно очевидно, что ему категорически претила мысль о каком-либо касательстве имени "худородных" монголов к "полноценным" ханьцам. Следует отметить, что представление о наличии в мире "полноценных" и "неполноценных" этносов (наций, рас) сложилось у Лян Цичао рано. В 1896 г. он писал о поглощении неполноценных полноценными как общей закономерности процесса естественного отбора⁵³. Вообще влияние социал-дарвинизма на националистическую позицию Лян Цичао ощущается во многих его текстах разных лет.

Национализм Лян Цичао проявлялся в его твердой убежденности относительно особого предназначения, избранности ханьцев в мире⁵⁴, их исключительной и ведущей миссии в эволюции человечества (основания для подобного рода взглядов складывались в Китае еще в весьма отдаленные времена). Правда, он умел видеть и слабые стороны ханьцев, указывая на необходимость их преодоления. Он относил своих соплеменников к "высшей желтой расе" (*гао дэн хуан жэньчжун*) (в Сибири, по его замечанию, проживали "неполноценные представители желтой расы" (*ле дэн хуан жэньчжун*)⁵⁵. Соответственно, Азию Лян Цичао считал "главной частью планет" (*цюань дицю чжи цзун чжу*), Китай — главной частью Азии, а Собственно Китай (*бэнь бу*), в свою очередь, — главной частью Китая⁵⁶ (поскольку в ней была сосредоточена основная масса ханьцев).

Уверенность в исключительной миссии ханьцев, чувство их "избранности" очевидно в значительной мере, базировались у Лян Цичао на их численности, способности к расширению. "Наша китайская раса (т.е. ханьский этнос. — А.М.) вне всякого сомнения является самой расширяющейся (*цзуй пэнчжан*) и самой сильной расой в мире", — писал Лян Цичао в 1903 г. Он называл ханьцев "400-миллионной великой нацией"⁵⁷. "Красная раса, — писал он, — вот-вот будет полностью истреблена. Люди коричневой и черной рас не обладают достаточными умственными способностями и не в состоянии [должным образом] обеспечить свое существование, не склонны к упорному труду. Они хотя и продолжают пока существовать, но в общем обречены на исчезновение". Остаются только белые и желтые. Но людские ресурсы белых недостаточны. Поэтому, полагал Лян Цичао, "возделывать неосвоенные регионы

[мира] и упорядочить всю планету (*дэнцин цюань ди*) никто кроме нас, желтых, будет не в состоянии"⁵⁸. Ханьцы, по подсчетам Лян Цичао, составляли до 80% желтой расы⁵⁹, причем он выступал за то, чтобы начать полное "объединение расы" (*хэ чжун*), предлагая приступить к этому сначала в рамках Китая. Это объединение он предполагал начать со "сглаживания граней" между ханьцами и маньчжурами⁶⁰, распространив затем это "сглаживание" за пределы Среднего государства. Квантитативный фактор — фактор устойчивого сохранения высокой численности ханьского населения (хотя бывали, как известно, периоды падения численности ханьцев) рассматривался Лян Цичао как залог будущего "Великого Единения" (*Да Тун*) человечества, в котором ведущая роль должна будет принадлежать его соплеменникам. В 1921 г. он писал: "Наша нация уже объединила в одно целое четверть человечества, что создает самую прочную основу для будущего мира Великого Единения"⁶¹. Тогда же Лян Цичао подчеркивал, что китайская нация (*чжунго гоминь*) уже "в XX веке будет играть важную роль в поступательном движении человечества". Китайскую нацию он называл "ядром человечества" (*жэньлэй и чжунчжэнь*)⁶². Этот акцент на всемирной "организующей" и ведущей роли ханьцев — обычный лейтмотив в текстах Лян Цичао разных лет, так или иначе связанных с темой их будущей судьбы. Китай "в будущем станет первой державой Поднебесной", уверял читателей Лян Цичао в 1897 г.⁶³ В другой статье (1899 г.) он писал: "В XX веке мы, китайцы (*чжунгожэнь*)⁶⁴, непременно станем самой сильной расой (*жэньчжун*). Это можно заранее решительно утверждать"⁶⁵. И еще: "Китай XX века непременно гордо воспарит в мире"⁶⁶ (1901 г.).

Довольно подробно Лян Цичао говорит о том, как лучше использовать планетарное численное превосходство ханьцев. Вот некоторые его мысли по этому поводу. "Ныне китайцев 400 миллионов... Могущество китайских рабочих рук станет в мире преобладающим. Это позволит им овладеть орудиями производства и продукцией мира, и все это окажется в зависимости от китайских рук (*хуа минь чжи шоу*)"⁶⁷. "Численность китайцев (*чжунгожэнь*) велика, они привычны к тяжелому труду, а цена их рабочей силы низка, чего белые рабочие в особенности терпеть не могут; поэтому-то они и стараются их вытеснить... Но общая ситуация в мире такова, что он становится все более цивилизованным и справедливым. Безусловно, люди одной расы не смогут [долго] все решать по своему усмотрению. Поэтому 400 миллионов китайцев с их капиталом и рабочей силой включатся в мировое экономическое соперничество... Плодами же этого прогресса овладеет лишь наша китайская раса... и мировые источники богатства непременно переместятся и окажутся в руках китайцев!"⁶⁸. В результате оказывается, что Лян Цичао вроде бы против мирового лидерства "белых", но не против такого же лидерства "желтых". "Предназначение" ханьской нации для вершения дел в мировом масштабе, по видимому, также увязывалось Лян Цичао с той особенностью ханьцев, что они, по его словам, "изначально видели [ареной своей деятельности] весь мир, а не [свое лишь] государство", — писал он в 1921 г.⁶⁹

Как можно видеть из приведенных суждений Лян Цичао, его этнический национализм, в силу изложенных причин, имел также расовый оттенок. Тема расового соперничества его действительно волновала. Он строил прогнозы относительно соперничества прежде всего желтой и белой рас. Еще в конце XIX в. он писал о будущем жестоком соперничестве между ними: "Последующие сто лет станут поистине временем вселенской кровавой битвы желтой расы с белой"⁷⁰. Он пытался проводить качественное сравнение желтой и белой рас, затрудняясь при этом с ответом на вопрос, кто из них "полноценнее". Все, по его мнению, должна решить будущая война, а "кто в ней победит или потерпит поражение, — вопрос пока открытый"⁷¹.

То, что “из уст белых людей с недавних пор постоянно раздаются голоса о желтой опасности”⁷², видимо, убеждало Лян Цичао в правомерности его прогнозов относительно возможных будущих глобальных катаклизмов на почве столкновения “желтых” и “белых”.

Поглощение и ассимиляцию этносов, которые Лян Цичао относил к “неполноценным”, он считал “делом долга” ханьцев. В 1921 г. он писал: “Мы облагораживаем все неполноценные этносы, как бы заглывая камешки, измельчая их в нашей утробе и напрягая все силы нашего желудка, чтобы переварить (сжухуа) их”⁷³. Обобщая исторический опыт взаимоотношений ханьцев с неханьскими национальностями Китая, он отмечал тогда же, что ханьцы либо прибегали к их “полному истреблению, либо вбирали [в себя] (сшшоу) все эти национальности, изменяли их природу, превращая их в элементы нашей нации и обогащая [тем самым] ее содержание. Сегодня от всех этих национальностей во внутренних провинциях (т.е. в Собственно Китае. — А.М.) не осталось ни малейшего следа”⁷⁴, с удовлетворением констатировал он.

Вполне очевидно, что в своей основе взгляды Глотателя Льда на проблему ассимиляции неханьцев отражали традиционную практику отношений ханьцев с “варварами”. Еще Мэн-цзы (конец IV — нач. III в. до н.э.) признавал способность сж. т.е. предков ханьцев, “изменять инородцев” и неспособность последних изменить сж. Подобные взгляды впоследствии воспроизводились многими, в том числе, в XX в. — политическими лидерами КНР. Мао Цзэдун, в частности, заметил, беседуя в Китае с Н.С. Хрущевым, что китайская нация в истории всегда “переваривала” другие этносы, сама не подвергаясь ассимиляции”⁷⁵. Лян Цичао не только выражал подобного рода взгляды, но, судя по его текстам, стремился как человек науки систематизировать, рационализировать и типологизировать эти отношения. Так, в статье “Изучение нации в истории Китая” (1922 г.) он представил обобщенную схему восьми типичных ситуаций, естественное возникновение или искусственное создание которых приводило к ассимиляции исторических соседей ханьцев в разные эпохи”⁷⁶. В целом, он не видел для населенных неханьцами окраин Китая иной перспективы, кроме их полной китаизации. В этом отношении характерно его высказывание, относящееся к 1922 г. Говоря о Синьцзяне, Внешней Монголии, Цинхае, области Чунаньбянь (Сикане), а также Тибете, он отмечал, что все эти части Китая имеют свою специфику и неразрывные связи с ним. “Поэтому наша нация, — продолжал он, — неизменно прилагала усилия к тому, чтобы поглотить их в целях самозащиты, при этом прибегая к разнообразным способам ускоренной ассимиляции их населения. Это наше чаяние до сих пор еще не выполнено сполна. Но надеюсь, что мое поколение и мои сыновья и внуки завершат это дело”⁷⁷.

Уже цитировавшийся выше Пи Минъюн заметил в своей статье, что теория национализма Лян Цичао “имела довольно большое влияние”, что “последующие теории национализма [в Китае]... логически все проистекают из теории национализма Лян Цичао”⁷⁸. С этим, в общем, нельзя не согласиться. Действительно, его мысли о национализме оказали значительное влияние на сознание его современников в Среднем государстве. Некоторые идеи Лян Цичао относительно национализма, высказанные им в начале прошлого века, и сегодня находят то или иное отражение в теоретических разработках современных китайских исследователей национализма.

В данной связи можно прежде всего упомянуть идею “большого национализма Лян Цичао”, т.е. национализма полиэтнического (надэтнического) по существу. Эта идея (правда, без ссылок на Лян Цичао) в контексте современного понимания доктрины единой китайской нации получает известное распространение в КНР. “Современный китайский национализм, — пишет один из участников Шэньчжэньской конференции”⁷⁹ по проблемам китайского национа-

лизма Чжао Цзюнь, — ...является концентрированным воплощением пути возрождения китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)⁸⁰, представляющей собой, как известно, общность многонациональную. Однако, если у Лян Цичао его “большой национализм” был направлен сугубо вовне, то национализм китайской нации (*чжунхуа миньцзу дэ миньцзучжун*), за который ратует и который считает “правильным национализмом” Чжао Цзюнь, обладает не только внешним, но и внутренним вектором, причем последний направлен на решение важнейшей задачи укрепления целостности нации. Что касается его внешней направленности, то, согласно Чжао Цзюню, она оживляется лишь в случаях, когда Китай подвергается третированию или агрессии извне⁸¹.

Современные китайские исследователи, подобно Лян Цичао, видят значение национализма “в укреплении собирательной силы китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)”, т.е. признают его интегративную функцию; некоторые даже подчеркивают, что эту роль национализма “едва ли могут заменить какие-либо другие идеологии”. Чжао Сюэбо замечает, что национализм способствует “выживанию и развитию китайской нации (*чжунхуа миньцзу*)”⁸². Эти высказывания совпадают с общим направлением тех идей относительно национализма, которых придерживался Лян Цичао.

В КНР некоторые исследователи китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) считают целесообразным “рассматривать китайскую нацию в качестве расы (*чжунцзу*)”. Такой точки зрения придерживается, в частности, Сяо Цзюньхэ из Центра исследований китайской нации Фошаньского университета (провинция Гуандун)⁸³. Это роднит его подход с трактовкой ханьской нации как расы у Лян Цичао. Как следствие такой интерпретации национализм китайской нации (*чжунхуа миньцзу*), к которому сегодня в КНР склоняются ряд исследователей, приобретает, по-видимому, расовый оттенок (что было свойственно и национализму Лян Цичао). У Сяо Цзюньхэ, однако, нет сколько-нибудь веских доводов в пользу такой квалификации *чжунхуа миньцзу* (он утверждает лишь, что “так считают” китайцы в самом Китае и за рубежом)⁸⁴.

Некоторые китайские теоретики национализма высказывают опасение, что национализм как область чувств и настроений людей трудно управляем и таит в себе угрозу необдуманных или чрезмерных проявлений и т.п. Лян Цичао, как уже отмечалось, высказывал сходные мысли относительно народного (или национального) духа. Современные китайские исследователи рекомендуют “иметь правильный взгляд на национализм, уметь им [правильно] владеть... дабы использовать как позитивную духовную движущую силу”⁸⁵. Так же в свое время советовал поступать в отношении народного духа и Лян Цичао.

Затронутая им проблема конфуцианского культурного наследия, которое для национализма представляет объект защиты и дальнейшего развития, в сегодняшнем Китае вновь считается актуальной, и связанные с этим вопросы находят своих исследователей в КНР. Пи Минъюн, в частности, посвятил этой проблеме специальную статью, сосредоточив главное внимание на позитивном и негативном в конфуцианской культуре (как ядре традиционной китайской культуры) и отношении Лян Цичао к данной проблеме.⁸⁶

Мне уже приходилось писать о том, что в КНР иногда называют Китай “демографической сверхдержавой”. По-видимому, мысль Лян Цичао о решающей роли количественного фактора в мировом соперничестве наций не чужда многим в сегодняшнем Китае. Причем этот фактор относится, по-видимому, как это представлялось в свое время и Лян Цичао, к числу стратегических преимуществ Китая (меры по сдерживанию рождаемости не направлены на устранение превосходства ханьцев в данной сфере).

Наконец, упомяну также о том, что некоторые исследователи в КНР иногда подходят к национализму Лян Цичао как к своего рода “критерию”, на

который можно ориентироваться в наши дни. Так, Чэнь Дабай рекомендует одному китайскому автору брать за образец (*ши*) лянцичаоский национализм (как якобы “демократический”), а не стоять на позиции национализма чанкайшистского толка”.

Изложенное показывает, что ряд идей Лян Цичао, высказывавшихся им в связи с рассмотрением вопросов китайского национализма, отнюдь не канули в Лету. Повышение общего интереса к теории национализма Лян Цичао в современном Китае (начиная с 90-х годов прошлого века) объясняется в первую очередь определенным подъемом националистических настроений в стране, а также оживлением научных исследований по проблематике китайского национализма.

Итак, Лян Цичао видел в национализме принцип, опираясь на который можно не только поддерживать бытие нации, но и стимулировать ее всестороннее развитие.

Лян Цичао считал национализм новым для Китая идейным течением и не был склонен простираť его вглубь китайской истории, что было характерно для Сунь Ятсена и его приверженцев.

В отличие от суньятсеновского национализма, национализм Лян Цичао нельзя назвать революционным, хотя объективно он хорошо послужил успеху Синьхайской революции.

Внутренние цели национализма Лян Цичао были многоплановыми. Прежде всего нужно было повысить уровень сплоченности ханьцев, укрепить их общность в рамках государства. Иначе говоря, он использовал национализм как средство строительства нации. Не менее важную роль он отводил и тому, что однажды им было названо “малым национализмом”: ассимиляция неханьских национальностей рассматривалась Лян Цичао как непреложная задача ханьцев вплоть до полного ее выполнения. Другим внутренним “полем” его национализма была исконная ханьская культура, лучшие традиции которой нужно было оберегать и развивать. При этом поощрялось заимствование полезных для Китая достижений западной цивилизации.

Внешнему вектору национализма он отводил едва ли не первостепенную роль. Однако национализм, направленный вовне, носил “реактивный” характер, т.е. обуславливался степенью внешней опасности, грозившей Китаю.

Большинство суждений Лян Цичао о национализме проникнуто его отношением к нему, как к позитивной идеологии, которая необходима любой “полноценной” нации на определенном этапе ее “нормального” развития. При всем положительном отношении к национализму Лян Цичао понимал, что агрессивное поведение держав непосредственно связано с их национализмом (в этой связи его беспокоили прежде всего опасности, грозившие непосредственно Китаю). Однако, в отличие от Сунь Ятсена, он не видел необходимости в “улучшении” своего национализма в том плане, чтобы освободиться от “крайностей” или в какой-то мере “очистить” его.

Лян Цичао рассматривал национализм в качестве залога расширения ханьской этнонации, и количественный фактор играл немаловажную роль в его прогнозах относительно будущих свершений ханьцев по “умиротворению Поднебесной”.

В целом его трактовку национализма отличало стремление “осовременить” Китай, превратить его в мощную державу, сделать “конкурентоспособным” на мировой арене. Без национализма, как был убежден Лян Цичао, это трудно было бы осуществить, и он много сделал для практического внедрения в Китае этой идеологии. Известны высказывания его современников, высоко ценивших эти усилия и считавших, что они не остались безрезультатными. Молодой Ху Ши вскоре после возвращения Лян Цичао в Китай (1912 г.) отме-

чал, что “в обновленной области мысли нашего государства” идеи Лян Цичао, связанные с нацией и национализмом, пользовались большим влиянием. “За последние 15 лет, — писал Ху Ши, — публика в нашем государстве если что и узнала о нации, национализме и обстановке в мире, то все это благодаря господину Ляну... Прошлогодня Уханьская (т.е. Синьхайская. — А.М.) революция смогла сразу же найти отклик повсюду в стране по той причине, что идеи нации, политические идеи уже глубоко проникли в сердца людей... И если бы не кисть господина Ляна, то разве можно было бы ожидать такого результата — будь у нас хоть сто с лишним Сунь Ятсенов и Хуан Кэцянов (имеется в виду Хуан Син. — А.М.)!”⁸⁸

1. Чжан Илэй. Инь Бин-цзы юй Инь Бин ши [Глотатель Льда и Кабинет Глотателя Льда] // Го Чанцзю (ред.) Лян Цичао юй Инь Бин ши [Лян Цичао и Кабинет Глотателя Льда]. Тяньцзинь, 2002. С. 17-18. Псевдоним “Глотатель Льда” (образ заимствован из Чжуан-цзы) получил наибольшую известность (из всех прочих псевдонимов мыслителя) благодаря тому, что выходявшие в свет в разные годы многотомные издания трудов Лян Цичао обозначались как “Собрания сочинений из Кабинета Глотателя Льда”.
2. Пи Миньюю. Миньцзучжуи юй жуцзя вэньхуа. Цун Лян Цичао дэ миньцзучжуи лилунь цзи ци куньцзин тань ци [Национализм и конфуцианская культура. По поводу теории национализма Лян Цичао и связанных с ней трудностей] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 2. С. 54. (Пи Миньюю представляет отдел стратегии Академии военных наук.)
3. Там же. С. 54, 51.
4. Там же. С. 51.
5. Тянь Тун. Гуаньюй миньцзучжуи лилунь дэ жогань цзеси [К анализу теории национализма] // Шисюэ юэ кань (Кайфэн). 1997. № 5. С. 9 (репринт: Д5 Миньцзу яньцзю. 1998. № 3. С. 17).
6. Вопрос о восприятии Лян Цичао “западного знания” через “японское знание” рассматривает профессор Сан Бин в статье-рецензии: Лян Цичао дэ дунсюэ, сисюэ юй синьсюэ. Пин Хадзама Наоки “Лян Цичао. Мэйдзи Нихон. Сэйхо:” [Японское знание, западное знание и новое знание Лян Цичао. О книге Хадзама Наоки “Лян Цичао. Япония периода Мэйдзи. Запад”] // Лиши яньцзю. 2002. № 6. С. 160-166 (Китайский перевод книги Хадзама Наоки издан в КНР в 2001 г.). В своей статье Сан Бин замечает, что при такой передаче “западного знания” неизбежно имела место определенная “выборка” материала.
7. Иногда Лян Цичао предпосылал своим статьям краткие пояснения, в которых приводил сведения о тех материалах, которыми он пользовался при их написании. Так, свою статью “О тенденциях соперничества [этно]наций” (1902 г.), в которой затрагивались и вопросы национализма, он писал на основании американских и японских работ, посвященных, как он пояснял, вопросам демократии, империализма, мировой политики, в которых, по всей видимости, затрагивалась и проблематика национализма. См.: Инь Бин ши вэнь цзи. [Сочинения из Кабинета Глотателя Льда]. Тайбэй, 1960. Т. 4. Разд. 10. С. 10.
8. Лян Цичао. Гоцзя сысян бяньцянь и тун лунь [Сравнительный взгляд на эволюцию идеи государства] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 3. Разд. 6. С. 19, 20.
9. Лян Цичао. Чжэнчжисюэ да цзя Болуньчжили чжи сюэшо [Учение Блюнчли, крупного специалиста в области политических наук] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 5. Разд. 13. С. 74.
10. В одной из статей Лян Цичао упоминает о развитии национализма в мире на протяжении “последних 400 лет”. См.: Лян Цичао. Лунь миньцзу цзинчжэн чжи даши [О тенденциях соперничества [этно]наций] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 4. Разд. 10. С. 35.
11. Изображение Хуанди с приведенной (над портретом) надписью было помещено перед текстом в первом номере журнала “Миньбао” [“Народ”] (1905 г.), органе Тунмэнхуэя. В 1919 г. Сунь Ятсен писал, что “возникновение национализма относится к

- чрезвычайно отдаленным временам". См.: Сунь Чжуншань. Сань минь чжуи [Три народных принципа] // Го фу цюань шу [ПСС Отца Республики]. Тайбэй, 1970. С. 180.
12. Лян Цичао. Гоцзя сысян бяньцянъ и тун лунь. С. 20 (Юй — легендарный китайский правитель древности, основатель династии Ся, III тыс. до н.э.)
  13. Под "Собственно Китаем" имеется в виду территория 18 провинций страны. К зависимым территориям относились Маньчжурия, Монголия, Мусульманская область (*хуэй бу*), т.е. Синьцзян, и Тибет. См.: Лян Цичао. Чжунго дили даши лунь [Обзор географии Китая] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 4. Разд. 10. С. 78. Замечу, что под территориями 18 провинций Лян Цичао имел в виду территории тех из них, которые входили в так называемый Центральный Китай (*Чжун бу*), не включая сюда провинцию Синьцзян, которую он относил к числу зависимых территорий.
  14. Лян Цичао. Чжэнчжисюэ да цзя... С. 75-76.
  15. Лян Цичао. Гоцзя сысян бяньцянъ... С. 22.
  16. Там же.
  17. О национал-империализме речь пойдет ниже.
  18. Лян Цичао. Синь минь шо. [Об обновлении народа] // Инь Бин ши хэ цзи. Чжуань цзи [Собрание сочинений из Кабинета Глотателя Льда. Сочинения на специальные темы]. Шанхай, 1941. Т. 3. Разд. 4. С. 4-5.
  19. Лян Цичао. Гоцзя сысян бяньцянъ... С. 21.
  20. Лян Цичао. Лунь миньцзу цзинчжэн чжи даши. С. 35.
  21. Лян Цичао. Синь минь шо. С. 3.
  22. Там же. С. 4.
  23. Там же. С. 5.
  24. Там же. С. 68-70; Синьхай гэмин чжи ии юй ши нянь шуан ши цзе чжи лэгуан [Значение Синьхайской революции и оптимизм в связи с ее десятой годовщиной] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 13. Разд. 37. С. 12.
  25. Термин *пинчжунь*, согласно примечанию Лян Цичао, является японизмом со значением "экономика". См.: Лян Цичао. Лунь миньцзу цзинчжэн чжи даши. С. 21.
  26. Там же. С. 35.
  27. Там же.
  28. Сунь Ятсен. Сань минь чжуи. Миньцзучжуи [Три народных принципа. Национализм] // Сунь Чжуншань сюань цзи [Избранные сочинения Сунь Ятсена]. Пекин, 1957. Т. 2. С. 648.
  29. Лян Цичао, соглашаясь с выделением рас по цвету кожи, отказывался признать ханьцев монголоидами и утверждал, что они образуют самостоятельную ханьскую расу (подробнее об этом см. ниже). См.: Лян Цичао. Чжунго ши суйлунь [Введение в китайскую историю] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 3. Разд. 6. С. 5-6.
  30. В данном случае Лян Цичао рассматривает ханьцев на уровне государственно-политической нации *гоминь*.
  31. Лян Цичао. Лунь чжунго гоминь чжи пиньгэ [О качестве китайской нации] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 5. Разд. 14. С. 5.
  32. Лян Цичао. Синь минь шо. С. 143, 148.
  33. Там же. С. 148.
  34. Лян Цичао. Лунь миньцзу цзинчжэн чжи даши. С. 11.
  35. Лян Цичао. Лунь цзяюй дан дин цзун чжи [О необходимости определения главной идеи образования] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 4. Разд. 10. С. 60.
  36. Там же. С. 57.
  37. Там же. С. 60.
  38. Лян Цичао. Гоцзя сысян бяньцянъ ... С. 20.
  39. Там же. С. 19, 22.
  40. Там же. С. 18-19.
  41. Лян Цичао. Лунь миньцзу цзинчжэн... С. 11.
  42. Там же.
  43. Там же.
  44. Лян Цичао. Гоцзя сысян бяньцянъ... С. 20.
  45. Несколько ранее Лян Цичао наряду с Южной Америкой и Африкой называл также "неосвоенные территории [островов] Тихого океана" как объекте ханьской колонизации. См.: Лян Цичао. Бянь фа тун и [Свод мнений о правовой реформе] // Инь

- Бин ши вэнь цзи. Т. 1. Разд.1. С. 79. В 1901 г. он писал, что "сегодня [острова] Южных морей на 99% заселены китайцами (*жуаминь*)", не уточняя, однако, о каких островах идет речь. — См.: Лян Цичао. Наньхай Кан сяньшэн чжуань [Биография Учителя Кана из Наньхай] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 3. Разд. 6. С. 86.
46. Лян Цичао. Лунь чжунго жэньчжун чжи цзянлай [О будущем китайской расы] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 2. Разд. 3. С. 52.
47. Лян Цичао. Наньхай Кан сяньшэн... С. 86. На последнее высказывание (о Новом Китае) ранее было обращено внимание в статье Ю.В. Чудодеева: "Идеи национализма и китаецентризма в программе буржуазных реформаторов (начало XX в.)" // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 150.
48. Возможно, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что иероглиф *мэн* в китайском языке имеет не только значение "монголы", "монгольский", но и значение "глупый", "непросвещенный", "невежественный".
49. Замечу, что в КНР сегодня утверждается мысль, что первопредками китайской нации (*чжунхуа миньцзу*), т.е. общности всех народов Китая, являются Яньди и Хуанди. Об этом см.: А. Москалев. Доктрина китайской нации // ПДВ. 2002. № 6. С. 150.
50. Лян Цичао. Чжунго ши суй лунь [Введение в китайскую историю] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 3. Разд. 6. С. 5-7.
51. Лян Цичао. Лиши шан чжунхуа гоминь шие чэн бай цзи цзиньхоу гэцзинь чжи цзиюнь [Успехи и поражения дела китайской нации в истории и судьба ее дальнейшего обновления и совершенствования] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 13. Разд. 36. С. 26.
52. Лян Цичао. Лунь чжунго жэньчжун чжи цзянлай [О будущем китайской расы] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 2. Разд. 3. С. 50.
53. Лян Цичао. Бянь фа тун и. С. 77.
54. Н.Г. Скворцов, ссылаясь на Э.Д. Смита, замечает, что формирование мифа "об этнической избранности" — одно из свидетельств будущей "долговечности" данного этноса: "Религиозно-мифологическое по своей сути чувство "избранности" становится сильнейшим внутренним ресурсом в борьбе за выживание". См.: Н.Г. Скворцов. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд. С.-Петербургского университета, 1997. С. 152.
55. Лян Цичао. Ячжоу дили даши лунь [Обзор географии Азии] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 4. Разд. 10. С. 76.
56. Лян Цичао. Чжунго дили даши лунь [Обзор географии Китая] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 4. Разд. 10. С. 78. В Собственно Китае проживала основная масса ханьцев.
57. Лян Цичао. Лунь чжунго гоминь чжи пиньгэ [О качестве китайской нации] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 5. Разд. 14. С. 5 (текст 1903 г.).
58. Лян Цичао. Лунь Чжунго чжи цзян цян [О будущей мощи Китая] // Инь Бин ши вэнь цзи. Т. 2. Разд. 2. С. 15.
59. Лян Цичао. Бянь фа тун и. С. 78, 83.
60. Там же. С. 83.
61. Лян Цичао. Лиши шан чжунхуа гоминь... С. 27. Лян Цичао, часто акцентируя идею будущего всемирного "единения" человечества, исходил из того, что, по его словам, "в прогрессе человечества все идет от членения к соединению (*ю фэнь эр цюй хэ*)."
- Там же. С. 28.
62. Там же. С. 34, 26.
63. Лян Цичао. Лунь чжунго чжи цзян цян. С. 16.
64. *Чжунгожэнь* у Лян Цичао — эквивалент этнонима "ханьцы".
65. Лян Цичао. Лунь чжунго жэньчжун чжи цзянлай. С. 48.
66. Лян Цичао. Наньхай Кан сяньшэн чжуань. С. 59.
67. Лян Цичао. Лунь чжунго чжи цян цян. С. 14.
68. Лян Цичао. Лунь чжунго жэньчжун чжи цзянлай. С. 53-54.
69. Лян Цичао. Лиши шан чжунхуа гоминь... С. 29.
70. Лян Цичао. Бянь фа тун и. С. 83.
71. Там же. С. 78.
72. Лян Цичао. Лунь чжунго гоминь чжи пиньгэ. С. 5.
73. Лян Цичао. Лиши шан чжунхуа гоминь... С. 27.
74. Там же.

75. См.: Галенович Ю.М. Лянгэ и башоу. Хэлусяофу юй Мао Цзэдун [Два первых лица: Н.С. Хрущев и Мао Цзэдун]. Чэндун: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1999. С. 27 (пер. с русск. яз.).
76. Лян Цичао. Чжунго лиши шан миньцзу чжи яньцзю // Инь Бин ши хэ цзи. Чжуань цзи. Т. 11. Разд. 42. С. 31-32.
77. Лян Цичао. Дили цзи няньдай [География и исторические эпохи] // Инь Бин ши хэ цзи. Чжуань цзи. Т. 12. Разд. 47. С. 5.
78. Пи Минъюн. Указ. соч. С. 54.
79. Конференция в Шэньчжэне "Национализм на рубеже столетий" была организована по инициативе пекинского журнала "Чжаньлюэ юй гуаньли" и состоялась в 1995 г.
80. Чжао Цзюнь. "Тянься вэй гун" юй шици чжи цзюэ дэ чжунго миньцзучжун ["Поднебесная — общее достояние" и китайский национализм на рубеже столетий] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 1. С. 1.
81. Там же. С. 2.
82. Сяо Гунцинь. Чжунго миньцзучжун дэ лиши юй цянъцин [История и перспективы китайского национализма] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1996. № 2. С. 62; Чжао Сюэбо. Шидай дэ бяньцянь юй миньцзучжун [Смена эпох и национализм] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2000. № 1. С. 115.
83. Сяо Цзюньхэ. Лунь чжунхуа миньцзу цзути дэ гоучэн [О структуре этнической субстанции китайской нации] // D5 Миньцзу яньцзю. 1997. № 4. С. 19.
84. Там же.
85. Ма Баочэн. Ши лунь миньцзучжун дэ иши синтай гуннэн [О роли идеологии национализма] // Сибэй ши да сюэбао (шэ кэ бань) (Ланьчжоу). 1999. № 2. С. 94 (репринт: D5 Миньцзу яньцзю. 1999. № 6. С. 29).
86. Пи Минъюн. Указ. соч.
87. Чэнь Дабай. Миньцзучжун дэ чжунго даолу [Китайский путь национализма] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2000. № 3. С. 104.
88. Цит. по: Дун Фанкуй. Ин гуй Жэнь гун жу гун бэй доу [Возвращение Жэнь-гуна было встречено всеобщим ликованием] // Го Чанцзю (ред.). Указ. соч. С. 15. (Жэнь-гун — второе имя Лян Цичао).

Советско-японские переговоры о нормализации межгосударственных отношений (1955-1956 гг.) (Гуманитарный аспект)

© 2003

Е. Катасонова

Сегодня уже стало хорошо известным историческим фактом, что подписанная 19 октября 1956 г. между СССР и Японией совместная декларация подвела черту под состоянием войны между нашими странами и провозгласила восстановление межгосударственных дипломатических отношений, открывших путь для развития сотрудничества в экономике, науке, культуре и других областях. Но мало кому известно, что в ходе сложных и продолжительных переговоров по всему комплексу связанных с этим проблем, включая территориальную, решалась судьба остававшихся в советских лагерях японских военнопленных.

Советско-японские переговоры начались 1 июня 1955 г. Местом их проведения был избран Лондон. От советского правительства ведение переговоров было поручено послу СССР в Великобритании Я.А.Малику — видному советскому дипломату, в 1942-1945 гг. бывшему послом в Токио, а затем с 1948 по 1952 г. представлявшему нашу страну в Совете Безопасности ООН в Нью-Йорке. Японскую сторону представлял посол Японии в Великобритании С. Мацумото, человек, пользовавшийся доверием премьер-министра Японии И.Хатояма.

Однако еще до начала официальных переговоров 26 мая 1955 г. в парламенте Японии состоялось подробное и обстоятельное обсуждение всего комплекса проблем, выносимых на повестку дня. В частности, министр иностранных дел М.Сигэмицу, выступая перед японскими законодателями, подробно изложил план будущих действий. Прежде всего, он заверил парламентариев в том, что японская делегация на предстоящих лондонских переговорах, прежде чем перейти к обсуждению вопроса о восстановлении дипломатических отношений с СССР, поставит перед советской стороной четыре условия. И первое из них — получение согласия советских властей на возвращение японских граждан, задерживаемых на советской территории.

Японская сторона рассчитывала также предварительно получить гарантии со стороны СССР уважать территориальный суверенитет Японии, не вмешиваться в ее внутренние дела и решать все вопросы мирным путем.

Далее, был четко обозначен следующий блок задач: добиваться согласия Москвы на вступление Японии в Организацию Объединенных Наций, чему до сих пор препятствовала советская сторона; возвращения Советским Союзом Южного Сахалина, а также Курильских островов и островов Хабомаи, которые

он назвал "частью Хоккайдо". Кроме того, ставилась цель урегулировать вопросы рыболовства в северных водах, где по его словам, "русские патрульные корвбли захватили после Второй мировой войны много японских рыболовных судов"; а также расширить торговлю между обеими странами. При этом М.Сигэмицу особо подчеркнул, что "вопрос об освобождении и репатриации японцев, задерживаемых в России, должен быть решен в первую очередь".¹

Выступление М.Сигэмицу в парламенте вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой представитель Либеральной партии Охаси обратился с депутатским запросом в адрес японского правительства. Своеобразной преамбулой его выступления явилась констатация того факта, что "задержание японцев противоречит Потсдамской декларации, нарушает международные нормы и является незаконным действием, которое нельзя обойти вниманием с точки зрения гуманизма". Отражая мнение партии, он настаивал на том, что "этот вопрос должен быть решен как можно быстрее, независимо от того, будет ли осуществлена в результате переговоров нормализация японо-советских отношений или нет".

Депутат особо акцентировал внимание на необходимости отдельного рассмотрения этих двух вопросов, высказывая предостережение против превращения проблемы репатриации в "предмет сделки, связанной с урегулированием двусторонних отношений". И особо подчеркивал, что "согласованные действия между государствами западного мира окажут большое влияние на результаты предстоящих переговоров."²

Присутствующий на заседании премьер-министр Японии И.Хатояма был вынужден взять слово и дать подробные комментарии в связи с выступлением Охаси. Прежде всего, от имени своего кабинета он подтвердил готовность приложить все силы к тому, чтобы в ближайшее же время добиться освобождения находившихся в СССР интернированных гражданских лиц и военнопленных.

"Японское правительство настоятельно просит, — заявил он, — чтобы с началом предстоящих переговоров Советское правительство приступило к репатриации всех удерживаемых японцев и как можно скорее завершило бы их безоговорочную репатриацию. Далее, японское правительство настоятельно просит предоставить ему все сведения, касающиеся задерживаемых японцев".³

Демонстрируя большую заинтересованность в первоочередном решении этого вопроса и готовность к его обсуждению, он довел до сведения парламентариев имевшиеся у него официальные данные японского правительства по состоянию на 1 мая 1955 года. Согласно этим данным, "в пределах границ СССР и в находящихся под его юрисдикцией районах находится в живых 1 452 человека; лиц, положение которых неизвестно, — 11 190 человек. Кроме того, предполагается, — добавил он, — имеется еще значительное число лиц, о которых нет сведений".⁴

Весь день 26 мая прошел в Японии под знаком обсуждения предстоявших японо-советских переговоров. Эта тема оказалась в центре внимания не только парламента, но и правительства, а также политических партий Японии.

Непримиримость взглядов в этом вопросе ярче всего продемонстрировали руководители Демократической и Либеральной партий. Демократы считали, что именно текущий момент является наиболее подходящим для урегулирования дипломатических отношений с Советским Союзом на выгодных для Японии условиях. Либералы, в свою очередь, высказывались за то, что "внешнюю политику в отношении СССР следует подкрепить силой", и что в этом смысле подходящий момент для начала переговоров пока еще не наступил.

Эти дискуссии в политических кругах Японии в значительной степени обострились продолжавшимися массовыми выступлениями японской общественности за скорейшую репатриацию оставшихся в СССР японцев.

Предстоявшие мирные переговоры между Японией и СССР подробно комментировала и японская пресса. Например, газета "Майнити" в своей редакционной статье писала по этому поводу: "Позиция правительства предусматривает рассмотрение назревших вопросов параллельно с урегулированием дипломатических отношений, чтобы после их восстановления не возвращаться к разрешению таких проблем, как территориальные права, соглашения о рыболовстве и торговле. Более того, правительство надеется, что переговоры приведут не только к прекращению состояния войны между Японией и СССР, но и к заключению мирного договора с Советским Союзом".⁵

Газета "Токио таймс" также посвящала предстоящим переговорам свою первую полосу, придавая первостепенную значимость вопросу о возвращении военнопленных. Подчеркивая, что они представляют собой отличную возможность для разрешения проблем, возникших между двумя странами, газета не исключала вероятность того, что "Советский Союз может использовать репатриацию японцев как козырь на предстоящих мирных переговорах. Репатриация этих японцев должна рассматриваться с точки зрения гуманизма и не должна использоваться в политических целях. Мы надеемся, что СССР подойдет к советско-японским переговорам с честных позиций и с полной искренностью".⁶

1 июня 1955 года в Лондоне до официального начала переговоров состоялась встреча глав делегаций двух государств, в ходе которой был решен ряд процедурных вопросов, а 7 июня японо-советские переговоры вступили в свою основную фазу. Знаменательно, что именно в этот день правительство Советского Союза направило ноту правительству ФРГ с предложением о восстановлении дипломатических отношений. Таким образом, почти одновременно на Западе и на Востоке начались переговоры по послевоенному мирному урегулированию.

Как и ожидалось, в качестве предварительных условий для начала переговоров с Москвой японская делегация в письменной форме выдвинула известные "семь пунктов", первым из которых значилось возвращение на родину японских гражданских лиц и военнопленных. Для обоснования этого требования С.Мацумото зачитал и передал советской делегации текст речи М.Сигэмицу в парламенте, произнесенной 26 мая, а также составленный на основе ее содержания меморандум, который японская сторона предлагала положить в основу предстоящих переговоров.

Японская делегация при выдвигании своих условий для переговоров руководствовалась не только точкой зрения политической элиты своей страны. В значительной степени они диктовались также и настроениями широких масс японского народа. Проведенные в течение 1955 года опросы общественного мнения показали, что японцы считали наиболее важной проблемой в советско-японских переговорах проблему репатриации.⁷

Несмотря на это советские представители на переговорах в Лондоне с самого первого дня двусторонних встреч и консультаций по существу старались обойти вниманием этот вопрос. Достаточно очевидно это обозначилось уже на третьем заседании 14 июня 1955 года, когда советский представитель вручил японской делегации свой проект мирного договора.

Проект предусматривал прекращение состояния войны между двумя странами и восстановление между ними официальных отношений на основе равенства, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета,

невмешательства во внутренние дела и ненападения, подтверждал и конкретизировал действующие международные соглашения в отношении Японии. В нем также предусматривалось проведение двухсторонних переговоров о заключении отдельных договоров и конвенций о торговле и мореплавании, рыболовстве, культурном сотрудничестве и т.д. В представленном варианте договора вопрос о репатриации оставшихся на территории СССР граждан Японии не был даже упомянут.

Принимая этот документ, японский полномочный представитель не преминул вновь повторить требование к СССР о репатриации японцев еще до подписания мирного договора, но обещал изучить его, после чего сообщить мнение официального Токио.

Реакция же Токио была однозначной. После ознакомления с советским проектом мирного договора министр иностранных дел М.Сигэмицу, не считаясь с достигнутой обеими сторонами договоренностью о конфиденциальности переговоров, сразу же созвал совещание заведующих политическими отделами главнейших японских газет. На нем он отрицательно отозвался о советских предложениях и дал весьма пессимистическую оценку перспективам японо-советских переговоров в Лондоне. Заявление М.Сигэмицу было явно рассчитано на то, чтобы помешать переговорам, сформировать вокруг них неблагоприятное мнение японской и международной общественности.

Глава советской делегации Я.А.Малик на очередной встрече с С.Мацумото квалифицировал эти действия М.Сигэмицу как нарушение достигнутой ранее договоренности двух делегаций и международных правил, касающихся недопущения публикации сообщений о ходе переговоров без взаимного согласия сторон. Акцентируя внимание на этом инциденте, он по существу вновь отверг необходимость обсуждения проблемы военнопленных, на которой активно настаивала японская сторона. Это со всей очевидностью явствовало из его заявления, в котором было указано то, что в СССР находится только немногим более одной тысячи военных преступников и что все остальные японцы уже репатрированы.

Японские представители поняли этот дипломатический прием, означавший фактический отказ от обсуждения проблемы военнопленных и перешли к открытым демонстративным действиям, используя заявление представителя СССР в качестве предлога для отказа от обсуждения вопроса о мирном договоре в целом. Уполномоченный Японии С.Мацумото, сославшись на то, что в переданных им 7 июня документах была намечена не приемлемая для Японии очередность обсуждения вопросов, дал понять, что нарушение предложенного японской стороной сценария сделает невозможным его участие в дальнейших двусторонних переговорах. Твердую, наступательную позицию японской стороны по вопросу о японских военнопленных не поколебало даже заверение Я.М.Малика о том, что "с подписанием мирного договора вопрос о репатриации японцев будет решен в благоприятном для Японии смысле".⁸

17 июня МИД Японии опубликовал по этому поводу официальное заявление, избилующее резкими выпадами в адрес советского правительства и выдвигавшее в качестве условия подписания мирного договора между двумя странами освобождение всех японцев, находившихся в пределах границ СССР. Одновременно с этим в нем выдвигалось требование к советскому руководству сообщить подробные сведения о всех умерших и передать их прах на родину.

В развитии этого заявления 20 июня министр иностранных дел Японии М.Сигэмицу, отвечая на запросы депутатов различных партий относительно японо-советских переговоров, вновь подчеркнул, что "репатриация задержива-

емых в Советском Союзе японцев должна быть непременно осуществлена, и мы поднимаем этот вопрос в первую очередь. Если эта проблема будет разрешена, отношения между обеими странами войдут в нормальную колею, и тогда можно будет спокойно решить не только территориальную и рыболовную, но и все остальные проблемы, отягощающие советско-японские отношения. Вот почему мы настойчиво требуем решения вопроса о репатриации.⁹

Следуя этому курсу, 21 июня на четвертом пленарном заседании советско-японских переговоров в Лондоне в качестве основного условия нормализации своих отношений с СССР Япония вновь решительно настаивала на освобождении всех японских граждан. Однако глава советской делегации Я.А.Малик, который за неделю до этого твердо обещал еще раз рассмотреть выдвинутое Японией требование о репатриации японцев, вновь воздержался от какого-либо определенного ответа на этот вопрос. Его обсуждение вновь было отложено до следующего заседания.

В свою очередь, представитель Японии С.Мацумото, используя свои политические козыри, сослался на то, что еще не закончено изучение советского проекта мирного договора и опять поднял вопрос о японцах, находящихся в СССР. Он отметил, что по имеющимся у него официальным данным, помимо бывших военнослужащих императорской армии, СССР задерживает более тысячи японских гражданских лиц. Указав на поступившую в его адрес телеграмму председателя парламентской комиссии по репатриации, глава японской делегации обратился с просьбой об ускорении решения этого вопроса. При этом он неоднократно подчеркивал, что репатриация японцев произвела бы хорошее впечатление в Японии и оказала бы положительное влияние на ход переговоров.

Следующая встреча представителей СССР и Японии, состоявшаяся 24 июня, также не внесла никаких позитивных изменений в решение этого вопроса, кроме очередных надежд японской делегации на то, что на сей раз Я.А.Малик передаст требование Японии высшему советскому руководству. Как и прогнозировалось накануне, 24 июня Япония вновь обратилась к СССР с настоятельной просьбой об освобождении своих граждан.

Во время двухчасовой беседы в посольстве СССР С.Мацумото настойчиво убеждал советского посла Я.А.Малика немедленно вернуть на родину японских военнопленных "во имя гуманизма" и вновь настаивал на том, что вопрос о японских военнопленных имеет первостепенную важность и должен быть решен до обсуждения других проблем. Однако на сей раз японская делегация запросила сведения о судьбе почти 12 тысяч японцев, которые, по предположениям японских властей, продолжали находиться в советских тюрьмах и трудовых лагерях. Япония заявляла, что в советских лагерях содержится 575 тысяч японских военнопленных.¹⁰

Этот своеобразный политический вызов был сделан в ответ на почти трехнедельное молчание Москвы по поводу известного требования Японии. В ответ на это советская делегация, попыталась полностью и окончательно снять с повестки дня вопрос о военнопленных, повторно заявив, что, в СССР остались только военные преступники, которые будут возвращены на родину после того, как отбудут положенные сроки наказания.

19 июля в связи с пробуксовкой проходивших в Лондоне советско-японских переговоров в Токио в зале "Хибия" прошел очередной общенациональный митинг, созванный по инициативе 23 общественных организаций. В митинге приняли участие более двух тысяч человек. Собравшиеся единогласно приняли резолюция, в которой предъявлялись требования к Советскому Союзу о

немедленном освобождении соотечественников, возвращении Курильских островов и Южного Сахалина и предоставлении Японии права вести рыболовный промысел в районе Курил. Участники митинга приняли специальное обращение к полномочному представителю Японии на японо-советских переговорах С.Мацумото. Одновременно с этим Национальный штаб по реализации требований, предъявляемых Советскому Союзу, вынес решение вручить резолюцию митинга премьер-министру Японии И.Хатояма и министру иностранных дел М.Сигэмицу.

В ответ на действия Японии, в МИД СССР был подготовлен проект заявления представителя СССР на советско-японских переговорах по вопросу о репатриации. В нем вновь перечислялись известные по сообщениям ТАСС цифры о ходе репатриации. В итоге делался вывод о том, что "Советское правительство фактически не прекращает освобождение и репатриацию осужденных японских граждан, и у господина Мацумото нет оснований сомневаться в гуманном и благожелательном отношении советской стороны в решении вопроса об освобождении и репатриации осужденных в СССР 1.016 японских военнопленных и 357 японских гражданских лиц.¹¹

В то время, как члены делегации СССР на переговорах в Лондоне ждали новых указаний Москвы, причастные к решению этого вопроса советские органы готовили в соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС от 20 июня 1955 г. предложения по вопросу о находящихся в СССР осужденных гражданах иностранных государств. Здесь исходили из целесообразности освободить и репатриировать всех находящихся в СССР иностранных граждан, осужденных за совершенные ими во время Второй мировой войны преступления, а также всех других осужденных иностранных граждан, дальнейшее содержание которых в заключении не было обусловлено интересами безопасности СССР.

В записке ЦК КПСС и приложенном к нему проекте Постановления ЦК КПСС от 4 июля 1955 года, содержался специальный раздел, посвященный гражданам Японии. В нем предусматривалось независимо от хода переговоров с Японией продолжить репатриацию из СССР через Красный Крест осужденных японских граждан, которые отбыли назначенный им по приговору суда срок наказания.

Из этой категории в самые короткие сроки планировалось репатриировать 16 японцев. Об этом предполагалось через советского представителя Я.А.Малика сообщить японской делегации и одновременно передать ей списки всех находящихся в СССР японских граждан. При этом Я.А.Малику поручалось заявить, что "вопрос об освобождении осужденных японских граждан, еще не отбывших срок наказания, в настоящее время рассматривается", и выразить при этом "уверенность, что Верховный Совет СССР амнистирует указанных лиц и разрешит им вернуться в Японию после подписания мирного договора".¹²

К документам прилагалась новая редакция проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении осужденных японцев, одобренного решением ЦК КПСС 23 мая 1955 года, который рекомендовалось опубликовать на следующий день после подписания мирного договора с Японией.

Суть его сводилось к освобождению из мест заключения всех осужденных японских военнопленных и гражданских лиц, за исключением той части лиц, осужденных на Хабаровском процессе в 1949 года за участие в подготовке бактериологической войны и применение бактериологического оружия, которых соответствующие советские органы не сочтут возможным освободить от

дальнейшего отбывания наказания. Их предполагалось передать в распоряжении японского правительства как военных преступников.

Это политическое решение Москвы относительно репатриации очередной партии отбывших наказание японских военнопленных и гражданских лиц в количестве 16 человек было доведено до сведения японской стороны на заседании 26 июля. Это была уже четвертая по счету группа, которую советские власти были готовы репатриировать в Японию после опубликования совместного коммюнике между обществами Красного Креста СССР и Японии в 1953 года (16 августа этот список было дополнен еще 11 лицами).

Такой шаг должен был убедить японскую делегацию в том, что руководствуясь стремлением облегчить переговоры по основным положениям проекта мирного договора, советское правительство, не ожидая нормализации советско-японских отношений, параллельно с переговорами, проходившими в Лондоне, продолжало репатриацию из СССР граждан Японии. Вслед за этим 26 июля представитель СССР Я.А.Малик после получения согласия Москвы довел до сведения представителя Японии С.Мацумото о готовности СССР сообщить фамилии 1 016 бывших японских военнослужащих и 357 гражданских лиц до сих пор задерживавшихся на советской территории.

Уже на следующий день в японских правительственных кругах приветствовали эти "поразительные изменения" в позиции СССР, однако при этом высказывалось и некоторое разочарование по поводу числа пленных, которых советские власти предлагали репатриировать. (Указанное число составляло примерно половину от количества ожидаемых в Японии репатриантов).

Тем не менее, в советско-японских переговорах наметились определенные позитивные изменения. Как отмечала газета "Иомиури", "японское министерство иностранных дел получило от своего полномочного представителя С.Мацумото официальный доклад по поводу состоявшегося девятого заседания переговоров. В нем сообщалось о том, что переговоры, наконец, вступили в конкретную стадию, так как началось обсуждение вопроса о репатриации японцев, о вступлении Японии в ООН, о невмешательстве во внутренние дела и других вопросов, которые до сих пор оставались нерешенными между Японией и Советским Союзом.

В докладе, в частности, отмечалось, что при открытии заседания советский представитель Я.А.Малик высказал пожелание выслушать ответ японской стороны на советское предложение. Однако С.Мацумото вновь заявил, что вопрос о репатриации японцев должен быть разрешен в качестве первой стадии переговоров".¹³

По существу, японская делегация стремилась поставить судьбу переговоров в зависимость от решения проблемы освобождения пленных. Глава японской делегации С.Мацумото откровенно заявил об этом в своей беседе с главой советской делегации Я.А.Маликом 4 августа 1955 года, когда среди прочих вопросов вновь поднял вопрос о репатриации.

Он отметил заметное улучшение общественных настроений в Японии в связи с передачей советской делегацией списка из 16 японцев, отбывших наказание в СССР, а также обещанием советских властей предоставить списки всех остававшихся в СССР японцев. Одновременно с этим он с особой настойчивостью высказал просьбу японской стороны о предоставлении списков пропавших без вести соотечественников, объясняя это волей народа Японии, который настаивает на немедленной репатриации всех японских военнопленных и гражданских лиц.

Я.А.Малику не оставалось ничего другого, как аналогичным образом сослаться на то, что он тоже представляет народ, и что “у советского народа также есть определенные настроения, с которыми надо считаться”. Он в очередной раз вынужден был прибегнуть к своему излюбленному приему, заострив внимание японской делегации на том, что “в СССР нет военнопленных японцев, кроме осужденных за преступления, и что теперь уже не существует вопроса о репатриации, ибо он полностью решен. Что касается лиц, отбывающих наказание, — пояснил он, — то нельзя забывать, что прежде чем освободить этих японцев, нужно иметь какие-то юридические основания, нужна подготовительная работа. Советский Союз не имеет намерения задерживать ни этих, ни других лиц. Наоборот, каждый такой человек — это лишь обуза... Что касается пропавших без вести, — откровенно признался советский представитель, — то в условиях военного времени и в первый период после окончания войны нельзя было точно произвести учет всех этих лиц, поэтому на пропавших без вести нет списков и сведений.” При этом Я.А.Малик заверил, что если будет обнаружен хоть один японец, не попавший в списки, он будет немедленно включен в число лиц подлежащих репатриации...¹⁴

Тем временем представители Японии перешли к массированному давлению на советских дипломатов, участвовавших в переговорах в Лондоне, используя для этого частные встречи и беседы, главной темой которых стали вопросы, касающиеся репатриации.

Японская пресса также старалась внести свою лепту в переговорный процесс, уделяя большое внимание подробному освещению его хода. Газеты поддерживали требования японской делегации о немедленном возвращении 12 тысяч военнопленных и военных преступников, отбывавших наказание в Советском Союзе.

Однако по сообщениям советских газет, в это время в Советском Союзе оставалось 1 487 японских граждан из числа военнопленных, осужденных за военные преступления. К началу переговоров из 1 487 военных преступников было уже репатрировано свыше 450 человек.¹⁵

В течение двух месяцев японская сторона упорно уклонялась от обсуждения советского проекта мирного договора, требуя безоговорочной и незамедлительной репатриации всех японских пленных вне зависимости от решения основных вопросов советско-японских отношений. Советская же делегация, как на пленарных заседаниях переговоров, так и в беседах с японскими представителями предлагала начать постатейное обсуждение проекта, решить наиболее легкие и бесспорные вопросы, а затем уже заняться решением более сложных проблем.

Свои замечания по советскому проекту мирного договора японские представители высказали только 9 августа. Тогда в результате обмена мнениями скаладывалось впечатление, что между обеими сторонами, казалось бы, наконец наметилась определенная общность взглядов по большинству статей. Однако 16 августа японская делегация предоставила свой проект мирного договора, и здесь со всей очевидностью выявились принципиальные расхождения между позициями СССР и Японии, прежде всего, по территориальному вопросу, вопросу о проливах и другим. Предложенные японской стороной формулировки не только шли вразрез с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, но и с положениями, зафиксированными в Сан-Францисском мирном договоре и были направлены на срыв переговоров.

Тем не менее, японская делегация все еще рассчитывала на получение на этом заседании полного списка японских граждан, задерживаемых в СССР,

ли по-прежнему продолжала настаивать на своем требовании о немедленной репатриации японцев, содержащихся на территории СССР, которое скорее походило на ультиматум, чем на логичную позицию страны, подписавшей акт о безоговорочной капитуляции и стремившейся к заключению мирного договора со страной-победительницей. Хотя японская сторона продолжала настаивать на приоритетном рассмотрении вопроса о репатриации отбывающих наказание в СССР японских военнопленных, для участников переговоров с той и другой стороны было очевидным, что это противоречило логике вещей. В реальности же С.Мацумото и другие выполняли навязанную им со стороны М.Сигэмицу миссию по заглаживанию переговоров.

Переговоры в Лондоне довольно скоро убедили советских дипломатов, что позиция японской делегации во многом являлась следствием политического нажима со стороны США.

30 августа японская сторона внесла новый вариант статьи по территориальному вопросу, которая прямо противоречила условиям подписанного и ратифицированного Японией Сан-Францисского мирного договора, в котором было зафиксировано, что "Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутского договору от 5 сентября 1905 года".¹⁶

В данном же случае вместе с требованием о восстановлении суверенитета Японии над островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи японцы ставили вопрос о принадлежности южного Сахалина и прилегающих к нему островов, и предлагали решить весь комплекс территориальных проблем путем переговоров.

Такая трактовка проблемы была сразу же отвергнута советской стороной как совершенно безосновательная и идущая вразрез с национальными интересами СССР. Но это не остановило дальнейших попыток японского представителя добиться ее принятия на всех последующих заседаниях.

Члены и советники японской делегации в неофициальных беседах с советскими представителями давали понять, что территориальная проблема завязана на международные обязательства и военные союзы Японии, а также на режим прохода судов через японские проливы и все это является теми сферами, где Япония не могла принимать самостоятельных решения без согласия США. Эти вопросы были по существу изъяты Соединенными Штатами из ведения правительства Японии и потому являлись самыми трудными для достижения договоренности.

Между тем споры по вопросу о репатриации к этому времени заметно снизили свой накал. 5 сентября 1955 года советская делегация на переговорах в Лондоне передала японским представителям списки оставшихся в Советском Союзе 1 365 граждан Японии — 1 016 бывших военнопленных и 357 гражданских лиц. Согласно разъяснению, ранее значившиеся в списке военнопленных 4 человека умерли, кроме того, в списке был обнаружен один немец. Поэтому в конечном итоге в представленных документах проходило 1 011 бывших военнослужащих японской императорской армии и 357 гражданских лиц, из которых в реальности оставались 354 человека, так как трое японцев отказались от репатриации. Следует также учесть, что в число 1 365 репатриантов входило 36 японцев, уже вернувшихся в Японию. Таким образом, с корректировкой некоторых данных, представленных в списках, в действительности число невозвращенных японских граждан составляло 1 329 человек.¹⁷

Японская и мировая печать сразу же отреагировала на это событие, оценив его весьма неоднозначно. Как сообщал из Лондона специальный корреспондент японской радиовещательной корпорации, «японо-советские переговоры по прошествии двух месяцев, наконец, достигли некоторого прогресса. Но в отношении территориального и других вопросов они по-прежнему находятся в неопределенном положении».¹⁸

Английский политический обозреватель О.Грин писал по этому поводу: «По-видимому, нет сомнений в том, что после целых недель переговоров в Лондоне ранее непреклонная позиция русских в некоторых вопросах несколько изменилась. Можно считать, что фактически достигнуто соглашение относительно приема Японии в ООН, о невмешательстве во внутренние дела друг друга и о торговле. Предоставление японцам свободного права рыболовства в русских водах тоже не представит никаких трудностей. Но обе стороны непреклонны в двух пунктах: во-первых, в вопросе о том, что Россия сохраняет Южный Сахалин, Курильские острова, Хабомаи и Шикотан; во-вторых, в вопросе о том, что военнопленные японцы все еще остаются у русских».

Приводя цифры, указанные в списке японских военных преступников и гражданских лиц, находившихся в СССР, автор цитировал советское заявление о том, что военные преступники будут освобождены, когда отбудут свой срок наказания, и что все остальные уже отправлены на родину.¹⁹

Отказ обеих стран от взаимных уступок в указанных вопросах создавал большие трудности для продолжения переговоров. Это еще раз продемонстрировало 15-е заседание советской и японской делегаций, состоявшее 13 сентября. На этом заседании уполномоченный Японии С.Мацумото обратился к Я.А. Малику с просьбой предоставить в распоряжение японской стороны информацию относительно японцев, не включенных в список, врученный советской стороной 5 сентября.

Согласно сообщениям зарубежной прессы, «специальный представитель Японии С.Мацумото был потрясен тем, что СССР не отчитался за судьбу свыше 11 тысяч японских солдат, которых Токио считал пропавшими без вести. Мацумото, встретившись 13 сентября в 15-й раз с русским послом Яковом Маликом на переговорах о мирном договоре, потребовал сообщить, что могло произойти с этими бывшими японскими военнослужащими. Поскольку Малик отказывается пойти на уступки как в вопросе о заключенных, так в отношении требований Японии вернуть территории, которые она потеряла во время Второй мировой войны, переговоры, очевидно, зашли в тупик».²⁰

Однако, несмотря на эту и подобную ей оценки наблюдателей, уже на следующий день перспектива быстрого и успешного завершения затянувшихся советско-японских переговоров в Лондоне, казалось, несколько улучшилась в связи сообщением о том, что ФРГ устанавливает дипломатические отношения с СССР.

Незадолго до этого Германия также настаивала на немедленном освобождении военнопленных, все еще находившихся «в руках русских», а СССР упорно отказывался освободить еще какую-либо группу задерживаемых до заключения мирного договора. В связи с этим делались прогнозы на то, что левые и правые социалисты используют соглашение между Бонном и Москвой в качестве рычага для того, чтобы заставить И. Хатояма пойти на уступки России, или же, в противном случае, свалить его правительство.

Японские социалисты уже угрожали выразить недоверие министру иностранных дел М.Сигэмицу за якобы данные им американцам обещания послать японские войска за границу для укрепления возглавляемого США анти-

коммунистического фронта в Азии. Одновременно с этим ожидалось, что социалистическая оппозиция заявит о том, что "если такой яркий антикоммунист, как западногерманский канцлер Конрад Аденауэр смог договориться с Кремлем, то Хатояма также должен это сделать".²¹

"Во время переговоров с Маликом наш представитель Мацумото, — указывал обозреватель газеты "Асахи" Т.Китами, — также неоднократно поднимал вопрос о репатриации японских граждан, но до сего времени из числа военных преступников было репатрировано из Советского Союза лишь 25 человек, а судьба многих других пока еще не решена. Короче говоря, К.Аденауэр за несколько дней пребывания в Москве сумел догнать и обогнать нас. Не трудно представить себе, что будут думать семьи наших соотечественников, удерживаемых в Советском Союзе, когда в Японию начнут поступать известия о возвращении на родину немецких военнопленных, находившихся в СССР. Причем следует отметить, что освобождение несчастных соотечественников желают не только их семьи, но и весь японский народ".²²

Тем не менее в противовес предсказаниям прессы в реальности сложилась совершенно иная ситуация. Свои коррективы в ход советско-японских переговоров внес отъезд на 10 сессию Генеральной Ассамблеи ООН посла СССР в Англии Я.А.Малика. Однако наиболее значительные изменения в создавшейся ситуации произошли в результате встречи японской парламентской делегации с советскими руководителями Н.А.Булганиным и Н.С.Хрущевым в Кремле.

Еще до прибытия в Москву члены японской парламентской делегации в частной беседе изложили существо разработанного премьер-министром Японии И.Хатояма плана достижения соглашения между Японией и Советским Союзом.

Во-первых, в указанном плане была заложена мысль о том, что вопрос о количестве японских гражданских лиц и военнопленных, находящихся в СССР, почти урегулирован в ходе японо-советских переговоров в Лондоне, разница в списках обеих стран незначительна и составляет 40-50 человек.

Во-вторых, план предполагал, что если будет достигнута договоренность о подписании мирного договора между Японией и СССР, то переговоры по вопросу о японских военнопленных на этой базе имеют самые благоприятные перспективы.²³

Однако указанные политические заготовки оказались практически невостребованными в переговорах японских парламентариев с советскими руководителями. Политическая инициатива во время состоявшейся беседы оказалась полностью у советской стороны. Желая способствовать продвижению переговоров, Н.С.Хрущев предложил следующую последовательность решения задач по нормализации отношений между СССР и Японией: ликвидировать состояние войны, заключить мирный договор и на этой основе восстановить дипломатические отношения между двумя странами, после чего подойти к разрешению всех остальных вопросов. Он подчеркнул, что для СССР это — "вопрос престижа".

"Если Советский Союз примет условия, которые предъявляет Япония, и разрешит территориальную проблему и вопрос о военных преступниках до подписания мирного договора, то это означает, что мирный договор не будет подписан. Советский Союз на это не пойдет, — заявил Н.С.Хрущев. — Мы не предъявляем японскому народу требований, которые хоть в какой-то мере подрывают престиж Японии".²⁴

Советские руководители обвинили японское правительство в недостаточно серьезном подходе к вопросам о юридическом прекращении состояния

войны и установления нормальных дипломатических отношений и в затягивании переговоров. В качестве позитивного опыта приводился пример ФРГ, отношения с которой, по мнению Н.С.Хрущева, до этого были в гораздо более худшем состоянии. Тем не менее, вопрос о восстановлении дипломатических отношений с этой страной был решен, по его словам, за "каких-то пять дней". Исходя из этого, советский руководитель считал, что четырех месяцев вполне достаточно для успешного завершения японо-советских переговоров, если к этому будет приложено стремление обеих сторон.

В ответ на просьбу японских представителей хотя бы намекнуть относительно того, что вопрос об островах Хабомаи и Кунашир будет разрешен в благоприятном для Японии плане, прозвучало обещание советских лидеров благожелательно рассмотреть эту просьбу во имя развития дружественных отношений между СССР и Японией, и учитывая то, что указанные острова расположены в непосредственной близости от собственно японских территорий.²⁵

Однако, получив стенографический отчет беседы Н.С.Хрущева с японской парламентской делегацией, западные аналитики высказывали мнение, что СССР не согласится ни на какое предварительное условие для нормализации своих отношений с Японией. Они считали, что советское руководство оценило переговоры в Лондоне как потерпевшие крах и дало понять, что было бы более желательным вести переговоры непосредственно в Москве, как это было в случае с Германией.

(окончание следует)

1. ГА РФ, ф. 4459, оп. 27, д. 16425, л. 110-111.
2. АВП РФ, ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 2, л. 8-11.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же, л. 142.
6. Там же.
7. Майнити. 1955. 24 октября.
8. АВП РФ, ф. 0147, оп. 57, п. 347, д. 6, л. 93.
9. ГА РФ, ф. 4459, оп. 27, д. 16421, л. 20.
10. ГА РФ, ф. 4459, оп. 27, д. 16426, л. 43.
11. АВП РФ, ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 3, л. 92-93.
12. ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 465, л. 154-155.
13. Иомиури. 1955. 3 августа.
14. АВП РФ, ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 2, л. 25.
15. Международная жизнь. 1956. № 4. С. 3.
16. История Японии. М.; 1998 С. 563.
17. АВП РФ, ф. 9501, оп. 13 д. 28 л. 103.
18. ГА РФ, ф. 4459, оп. 27, д. 16426, л. 288.
19. Скотсмен. 1955. 5 сентября.
20. ГА РФ, ф. 4459, оп. 27, д. 16426, л. 307.
21. Там же, л. 310.
22. Асахи. 1955. 15 сентября.
23. АВП РФ, ф. 0146, оп. 56, п. 344, д. 3, л. 148.
24. ГА РФ, ф. 4459, оп. 27, д. 16427, л. 73.
25. Там же, л. 48.

Русская община в Шанхае

© 2003

А. Хисамутдинов

В XIX веке русская община в Шанхае была небольшой: русские появлялись в нем проездом в другие города. С развитием чайной торговли в Ханькоу их число увеличивалось. В 1865 г. здесь было открыто нештатное консульство России, во главе которого стоял англичанин Ж.Б.Диксвелль. В 1880 г. эта должность была передана российскому подданному Ю.А.Редингу, бывшему инструктору китайской армии. Изменение политической обстановки и появление иностранных армий в Китае привели к учреждению в 1896 г. Российского генерального консульства с П.А.Дмитриевским в качестве первого консула. Колония увеличилась во время русско-японской войны. "Численность русской колонии, — писал "Путеводитель по Шанхаю", — начала неизменно увеличиваться и к 1914 г. достигла нескольких сот человек, но она все еще была настолько мала, а, главное, так разнохарактерна по своему составу, носившему случайный характер, что все еще не могла серьезно подниматься и речь о создании в Шанхае каких-либо русских общественных организаций, клуба или школы, для которых не имелось ни средств, ни людей"¹.

Резкое увеличение численности русской общины в Шанхае произошло благодаря приходу туда из Владивостока кораблей Сибирской флотилии. В последние месяцы гражданской войны эта флотилия была одной из самых верных частей белого режима. Во главе флотилии стоял контр-адмирал Г.К.Старк. Все суда Сибирской флотилии, покинувшие Владивосток, собрались в корейском порту Сейсин. Отсюда часть флотилии ушла на Филиппины, другая часть — в Шанхай, где высадились кадеты, Дальневосточная казачья группа под командованием генерал-лейтенанта Ф.Л.Глебова и другие части. Все они пополнили русскую колонию Шанхая.

Если к началу 1919 г. в Шанхае жило около 1600 русских, то к 1925 г. там уже было свыше 10 тыс. русских эмигрантов, которые были объединены в различные общественные организации². "Эмигрантские патриотические действия, — писал В.Д.Жиганов, — эмигрантский национальный дух в самой большой мере поддерживаются авторитетом национальных организаций, вселяющих в эмиграцию уверенность в правоте национального движения за Возрождение России. Только своевременными мерами организаций и самопожертвованием отдельных общественных руководителей, а равно и щедростью некоторых русских и иностранных резидентов Шанхая, объясняется то обстоятельство, что к сегодняшнему дню русские в Шанхае представляют из себя сильную колонию с высоко-моральными качествами, как раз необходимыми и для жизни на чужбине, и особенно для жизни в будущей, обновленной, после свержения большевизма, национальной России"³.

Динамика прибытия русских эмигрантов с детьми в Шанхай: 1922 г. — 1268 человек, 1923 г. — 1968, 1924 г. — 877, 1925 г. — 1635, 1926 г. — 1266, 1927 г. — 1036, 1928 г. — 1122, 1929 г. — 1382, 1930 г. — 1699, 1931 г. — 2025,

1932 г. — 1590. Всего за первые 10 лет прибыло 15766 человек, из них 8416 мужчин и 5130 женщин⁴. По статистике эмигрантского комитета в нем на 1932 г. было зарегистрировано 16 тысяч человек⁵.

Отличием Шанхая от других городов, где наблюдалось массовое скопление русских эмигрантов, было то, что юридическим обустройством вновь прибывших здесь занимались дипломаты. Первые заботы по приему русских беженцев из Владивостока легли на плечи генерального консула В.Ф.Гроссе. Уже во время гражданской войны стало изменяться правовое положение русской колонии в Шанхае. Из письма Гроссе на имя российского посла в Риме М.Н.Гирса: “25 сентября [1920] мною получено предписание миссии, предлагающее мне объявить русским гражданам о прекращении официальной деятельности Генерального консульства в связи с декретом правительства от 23 сентября. Руководствуясь тем, что декрет касается лишь прекращения дипломатических сношений консулов с китайскими властями, учитывая международное положение Шанхайского сэттльмента, где проживают до 4500 русских, я пришел к убеждению, что судебная и нотариальная части консульства не могут быть закрыты без явного ущерба русских интересов. Выполнение же китайцами этих функций в пределах сэттльмента без согласия и участия договорных держав практически неосуществимо, не говоря уже о том, что декрет не утвержден парламентом. Специально ездил в Пекин, дабы заручиться мандатом Дипломатического корпуса на продолжение моей судебной и нотариальной деятельности, которая носит со времени официального закрытия консульства частный характер и, следовательно, нуждается в новом акте, санкционирующем ее. Несмотря на горячую поддержку нашего и Французского посланников, Дипломатический корпус не мог согласиться с моими доводами за отсутствием прецедента и пассивным сопротивлением американского и отчасти японского представителей, поддерживающих, по-видимому, Китайское правительство”⁶.

Самой большой проблемой, с которой столкнулся Гроссе во время своей дипломатической карьеры, было прибытие военных и их семей из Владивостока. Хотя в Шанхае с началом гражданской войны и ожидали русских, они стали полной неожиданностью для местных властей, вначале категорически отказавшихся дать разрешение на высадку людей на берег. Каждый приход русского корабля сопровождался длительными переговорами. Русские дипломаты путем компромиссов старались добиться от китайских властей и французского муниципалитета разрешения сойти на берег вновь прибывшим. Всего в Шанхае на берегу оказалось около 800 человек. Сопутствующей проблемой было требование китайских властей снять с кораблей вооружение. Офицеры не хотели просто так отдавать оружие и требовали компенсацию. Дипломаты успешно решили и эту задачу, представив денежный взнос не как плату за продажу корабельного вооружения, а как компенсацию за разоружение. “Такая реакция, — отмечал Г.К.Старк, — не была, конечно, почетной для нас, но была хороша в случае попытки привлечь нас к суду за контрабандную торговлю оружием с Китаем, а также и на случай, если бы будущее национальное русское правительство нашло нужным напомнить китайцам этот акт насилия”⁷.

После длительных переговоров Гроссе с китайскими властями и французским муниципалитетом было образовано Бюро по русским делам, заведовать которым он и был назначен. В 1924 г. договор о признании Китаем СССР привел к упразднению этого бюро, тогда по инициативе Гроссе в июне 1924 г. был организован Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае, который он же и возглавил. В 1925 г., когда в Шанхае вспыхнула всеобщая забастовка, Гроссе смог быстро организовать русских эмигрантов, и они заняли опустевшие рабочие места на электростанциях, в водопроводных и газовых компаниях, пароходстве и т.д. Русских рабочих рук в этот период в Шанхае было достаточно, так как там наблюдался большой наплыв русской эмиграции из Харбина и Мукдена после установления контроля СССР над КВЖД. Бывшие российские дипломаты имели большие разногласия с военны-

ми, прибывшими из Владивостока, которые требовали к себе внимания со стороны властей, но сами не признавали местных порядков и законов. Гроссе же старался не обострять отношения с властными структурами: ни с муниципалитетом, ни с теми представителями СССР, которые уже находились в Шанхае. В 1937 г. здесь уже жило около 27 тысяч эмигрантов. Точную цифру назвать трудно, так как постоянно шел приток из Харбина, откуда под влиянием японских властей часть эмигрантов разъезжалась. Шанхай часто служил для них транзитным пунктом по пути в разные страны. "Нельзя отрицать, — писал Н.Лидин, — эмигрантских достижений на фронте житейского благополучия. На французской концессии много русских предприятий — от больших магазинов до маленьких лавчонок, от солидных ресторанов и кабаке до кафе и столовок. Понятно, что русские предприятия только русскими и обслуживаются. Немалое число русских эмигрантов снискивает дневное свое пропитание, работая в этих русских предприятиях"⁸.

Начало Второй мировой войны привело к делению эмиграции на два основных лагеря. Несмотря на то, что старшее поколение принимало участие в Первой мировой войне, большинство ее деятелей, так называемые "пораженцы", желали поражения СССР. Младшее не было столь политизировано и надеялось на победу советского оружия. Большинство эмигрантов, не принимавших активного участия в общественных "белых" организациях были "оборонцами". В это число входили представители интеллигенции и служащие. После побед советских войск количество "оборонцев" увеличивалось, а "пораженцев" уменьшалось⁹. В связи с тем, что подавляющая часть иностранных компаний закрылась, некоторые русские лишились работы.

21 января 1927 г. было учреждено одно из самых важных русских военнизированных формирований — Шанхайский русский полк (Русский отряд) по предложению Шанхайского муниципального совета на основе Дальневосточной казачьей группы генерала Ф.Л.Глебова, которая пришла в Шанхай 14 сентября 1923 г. Новое подразделение вошло в состав Шанхайского волонтерского полка, занимавшегося охраной иностранных концессий. Первым его командиром стал Н.Ю.Фомин, затем им командовали Г.Г.Тиме и С.Д.Иванов. 19 октября 1928 г. отряд был реорганизован в Русскую волонтерскую роту (Russian detachment S.V.C.), он неоднократно участвовал в наведении порядка и защите мирного населения. 16 февраля 1932 г. подразделение получило название Шанхайского русского полка, численность которого составила 19 офицеров и 438 солдат. 16 января 1941 г. его переименовали в Русский вспомогательный отряд Шанхайской муниципальной полиции. Отряд был расформирован в 1947 г. "Чины полка (отряда), в особенности его старослужащие (в том числе почти все офицеры поступили на службу в 1927-28 гг., в расцвете своих сил и здоровья, почти двадцать лет они верно и добросовестно несли свою службу, рассчитывая на то, что Муниципальный совет оценит это и не забудет их на старости лет. Получилось, однако совсем не то!!!"¹⁰.

Собственная полиция в Шанхае, получившая название Шанхайской муниципальной полиции (ШМП), действовала с 1853 г. после основания иностранного селтлмента. В ней были образованы китайский и японский отделы. Это была привилегированная и высокооплачиваемая служба: предусматривались прибавка к зарплате за знание языка, бесплатная медицинская помощь, льготы для муниципального служащего, ежегодный месячный отпуск и т.д. В 1921 г. на работу приняли троих русских, которые приехали из Владивостока. Для помощи служащим, не владевшим английским языком, в ШМП была учреждена должность офицера по связи, который являлся переводчиком. Спустя некоторое время в Шанхае открылась полицейская школа, куда принимали молодых людей до 25 лет со средним образованием¹¹. Дополнительно к специальным предметам там изучали английский и китайский языки. В отделении для европейцев большинство служащих были русскими. Бывали случаи, когда русские полицейские гибли на своем посту (в том числе харбинец В.Михин)¹².

После Второй мировой войны число русских полицейских стало уменьшаться. 1 марта 1948 г. были уволены детективы уголовного розыска О.Н.Грешнер, начавший службу в 1937 г. и М.К.Федоров, служивший с 1925 г.¹³. Особо важными для истории эмиграции являются учетные карточки Шанхайской муниципальной полиции.

Наряду с открытой или подрывной работой против СССР руководители эмиграции вели борьбу против деятельности Коминтерна в Китае¹⁴. Занимались этим и русские служащие Шанхайской муниципальной полиции вместе с военизированными русскими организациями. 30 мая 1925 г. состоялась большая забастовка, которая парализовала жизнь в Шанхае. Власти арестовали представителя нефтяного синдиката в Китае Э.Доссера. Суд признал его виновным и выслал за пределы селтльмента. Затем возникло дело консульского врача Е.Фортунатова, начальника местного отдела ГПУ, которого обвинили в даче взятки, чтобы замять дело Доссера. Фортунатов бежал. Достоянием широкой эмигрантской общественности стали документы советской разведки, которые были опубликованы¹⁵. Разведывательной деятельности СССР в Шанхае была посвящена одна из последних больших работ Д.И.Густава¹⁶. Автор постарался не только обобщить весь имеющийся у него материал, но и показать на многочисленных примерах как ведется эта работа. Это могло стать причиной того, что в конце 1930 годов Густав был выдан французскими войсками китайским коммунистам и, вероятно, убит. В это же время был обезврежен и А.А.Пурин. Несмотря на многочисленные провалы и налеты китайских властей с участием русских эмигрантов на дипломатические представительства СССР в Китае, когда были обнаружены секретные материалы, деятельность спецслужб СССР надо признать успешной. При этом некоторое число эмигрантов принимало в ней непосредственное участие.

Были среди русских и такие представители, которых надо отнести к категории авантюристов. Впервые их описал П.П.Балакшин в книге "Финал в Китае". Автором нескольких политических памфлетов "Прошлое и будущее русской эмиграции" был общественный деятель казак М.Н.Третьяков. Поселившись в Шанхае в 1931 г., он имел тесные связи с японскими властями и Антикоминтерном, выступал против К.Э.Мецлера. "Политическая деятельность вскружила голову Третьякову, — писал П.П.Балакшин. — Он совершенно свободно начинал говорить от лица всего русского Шанхая и считал себя связующим звеном между ним и японскими властями. Его тон стал еще более заносчивым и бесцеремонным. За вымогательство он был арестован на территории Международного селтльмента и приговорен к тюремному заключению, но через месяц под давлением японских властей был освобожден. [...] С обострением политической жизни русской колонии Шанхая и усилением давления со стороны японских властей уточнилась и роль Третьякова как политического деятеля. К этому времени он близко сошелся с "русским отделом" при японской газете "Дальневосточное время" и его японскими и эмигрантскими руководителями по самому бесцеремонному вмешательству в жизнь тридцати с лишним тысячной русской колонии¹⁷. Известным в Шанхае политическим деятелем и авантюристом был Е.М.Хованс (Хованс-Пик, Кожевников Е.М.), который считался агентом многих разведок¹⁸. В предисловии к своей книге "Финиш" он отметил, что готовит к печати книгу "Блюхер", а также сообщал, что его книга *China in the grip of Reds*, якобы изданная в Шанхая в 1927 г. и вторым изданием в США в 1928 г., переведенная на французский, немецкий, японский и китайский языки, распродана. На самом деле, она вообще не увидела свет. В этой книге, написанной весьма плохо, имеется только один рассказ "Двойная игра", который имеет под собой какую-то реальную почву. Хованс был хорошим певцом. Существует версия, что его псевдоним взят из названия оперы "Хованщина". По мнению В.Д.Жиганова, он был застрелен на улице в г. Тайпе, Тайвань, после 1947 г.

Авантюристом, хотя и более безобидным, чем Третьяков и Хованс, был и Н.Г.Савин, окончивший Александровский лицей и служивший в лейб-гвардии. Он участвовал в войнах, одно время был гражданином США, жил во Владивостоке, в Харбине и Шанхае. Он именовал себя корнетом Савиным, графом де Тулуз Лотреком, экс-королем болгарским. Многие его истории были фантазиями, хотя частично, вероятно, имели под собой реальное основание¹⁹.

Японская оккупация весьма осложнила жизнь русской общины в Шанхае. «Шанхай превратился в грязный и запущенный город, — писал Н.Лидин. — Некоторые улицы, и не на окраинах, а в центре города превратились в настоящую клоаку, место для свалки нечистот. В центральных, людных районах города на панелях расположились мелкие китайские торговцы. Безданно и беспощадно вели они свои коммерческие операции. Из муниципалитетов и связанных с ними разных городских предприятий начали выбрасываться на улицу европейцы с долготлетним служебным стажем и знанием дела. Освободившиеся вакансии заполнялись японцами и китайцами. Штаты служащих пухли, разбухали, а развал городского хозяйства и благоустройства был все заметнее. Время от времени в местной прессе (японской и китайской) появлялись статьи и заметки, вскрывающие развал городского благоустройства и злоупотребления, порою вопиющие, в муниципалитетах. Власть на это реагировала обещанием расследования, устранения беспорядка и злоупотреблений, наказания виновных. Но все оставалось по-старому. Разные хлопоты и наведение справок в муниципальных учреждениях порою были настоящим хождением по мукам. Зато пышные всходы дала японская обработка китайских масс в духе ксенофобии и разжигания ненависти против всех белых безотносительно их национальности»²⁰.

По сравнению с Харбином, где наблюдались более сильные семейные устои, в Шанхае доля женщин в эмиграции была особенно тяжелой. Некоторые из них работали в барах, на подсобных службах. Но в отличие от мужчин они быстрее приспособились к эмигрантской обстановке. Существовало множество благотворительных организаций, которые оказывали некоторую помощь, кроме того, особое внимание женщинам уделяли православие. Так, епископ Нестор опубликовал на эту тему в Шанхае небольшую брошюру²¹. В 1930-е гг. русские женщины стали предпринимать попытки фиктивных браков с морскими пехотинцами, чтобы попасть в США. Это стоило до 800 американских долларов. Вскоре правительство США распорядилось запретить заключение таких браков за границей²². Существовали две противоположные точки зрения на положение женщин в эмиграции. По одной, они представляли собой слой представительниц «веселых профессий», по другой были настоящими труженицами, на плечи которых ложилась большая часть семейных обязанностей. «Ошибочно думать, что большинство русских женщин избрали увеселительные профессии данс-герл и бармейд. Лишь незначительная часть русских резиденток, не обладавших никакими знаниями, принуждена была воспользоваться этим видом заработка. Также меньшинство работало портнихами и белошвейками. Зато гораздо больше наших соотечественниц проявило инициативу и коммерческие способности — для примера можно указать хотя бы на обладательниц бординг-отелей»²³. Много было русских в рекламных и торговых компаниях, среди переводчиков. Известны доктор Н.Антонова, начавшая медицинскую практику в 1926 г., владелица Shanghai Health Studio А.Ермакова-Бар, хозяйка магазина драгоценностей «Ателье Аркус» Л.Аркус. Большую помощь женщинам оказывали благотворительные организации, такие как Лига русских женщин, студия газеты «Шанхайская заря» и др.

Как в Европе или Америке, в русских общинах городов Китая почти ежегодно устраивались различные конкурсы, часто носившие благотворительный характер. Иногда победителям вручались дорогие призы в виде автомобилей или поездок в Америку. Особенно много конкурсов проводилось в Шанхае, самым популярным был на звание «мисс Шанхай». В основу легли голливуд-

ские традиции, когда конкурсы красоты устраивались на премьере какого-нибудь фильма. В 1941 г. таким стал фильм "Под знойным небом Аргентины". Победила 18-летняя харбинка Т.Мельникова²⁴.

Окончание Второй мировой войны привело к массовому оттоку русских из Шанхая, но это уже другая история.

1. Сюннерберг Г.Г. Путеводитель по Шанхаю. Шанхай, 1919. С. 167.
2. Шанхай // Путеводитель по Дальнему Востоку. Харбин. 1925. С. 21.
3. Там же. С. 21.
4. Статистика прибывших в Шанхай русских эмигрантов с 1922 г. по 1 янв. 1932 г. // Парус. Шанхай, 1933. № 12(март). С. 93.
5. Hoover Inst. Serebrennikov I.I., box 1 (запись от 25 марта 1932).
6. Hoover Inst. Girs. В. 48. Телеграмма В.Ф.Гроссе полномочному послу в Риме М.Н.Гирсу.
7. Hoover Inst. Stark. 1 f.
8. Лидин Н. Русская эмиграция в Шанхае // Русские записки. Париж, 1937. № 2. С. 315.
9. Лидин Н. Пораженческие мотивы в правой аранжировке // Новая заря. Сан-Франциско, 1941. 3 декабря.
10. Красноусов Е.М. Шанхайский Русский полк, 1927-1945. Сан-Франциско: Глобус, 1984. 367 с. Ил., портр.
11. Со школьной скамьи на охрану порядка в Шанхае: Фабрика полисменов на Юлинод // Рубеж в Шанхае. Шанхай, 1941. № 39/12 (27 сент.). С. 10.
12. Аргус. Смерть русского героя, всколыхнувшая интернациональный Шанхай // Рубеж. Харбин, 1935. № 26 (22 ИЮНЯ). С. 18.
13. Увольнение последних русских агентов полиции Шанхая // Новая заря. Сан-Франциско, 1948. 2 апреля.
14. Андрей Н. Шанхай в паутине большевиков // Прожектор. Шанхай, 1933. № 42 (14 окт.). С. 12-12; Россов А. Коминтерн и его работа. Харбин: Монарх. об-ние, 1938. 50 с.
15. От ареста до ареста — от обыска до обыска // Прожектор, 1933. № 43 (21 окт.). С. 12-13.
16. Густав Д.И. Работа ГПУ в Шанхае // Парус, 1937. № 54 (20 июля). С. 37-44.
17. Балакшин П.П. Финал в Китае. Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк: Сириус. 1958. Т. 1. С. 373-374.
18. Музей русской культуры, Сан-Франциско. Материалы об агенте иностранных контрразведок Евгении Михайловиче Хованс-Пик. 1927 г. Б.с.; Балакшин П.П. Финал в Китае. Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. 1. С. 363-369.
19. Корнет Савин против "Шанхайской зари" // Новая заря, 1929. 22 авг.: Умер корнет Савин — граф де Тулуз-Лотрек // Новая заря, 1936. 4 апр.; "Правда" корнета Савина // Новая заря, 1936. 18 апр.; Записки корнета Савина. Харбин, 1921.
20. Hoover Inst. Nikolaevsky V.I. (Горчаков Н.Н., Лидин Н. Что было и что стало: Письмо из Шанхая. Рукоп, 1946. Л. 1-2).
21. Нестор. епископ. Облик женщины в свете христианства. Шанхай, 1932. 27 с.
22. Два месяца тому назад в Шанхае... // Новая заря, 1937. 25 сентября.
23. Завоевание русских женщин в Шанхае // Рубеж в Шанхае, 1941. № 28 (12 июля). С. 9.
24. Лович Я. Тамара Мельникова // Рубеж, 1941. № 11 (8 марта). С. 15.

Трансформация северокорейского общества и подготовка профессиональных кадров (1945-1960 гг.)

© 2003

Син Хё Сук

В данной работе рассматриваются вопросы трансформации северокорейского общества и особенности подготовки профессиональных кадров с учетом происходивших изменений в политике и экономике, дается описание особенностей подготовки профессиональных кадров в довоенный (1945-1950 гг.) и послевоенный (1953-60 гг.) периоды. Основное внимание уделяется характеристике высшей школы, стажировке студентов за рубежом, идеологическому преследованию интеллигенции и студентов, получивших образование за границей, в период "внутрипартийной антифракционной борьбы".

Период строительства национальных кадров после освобождения (1945-50 гг.)

Недостаток квалифицированных кадров, доставшийся в наследство Северной Корее от японского колониализма, стал серьезным препятствием на пути строительства молодого государства. Это было связано с образовательной политикой японского империализма, которая заключалась в раздельном обучении японцев и корейцев, причем последние подвергались значительным ограничениям в плане получения знаний.

Северокорейскому руководству предстояло решить одну из главнейших задач — восстановить промышленность и улучшить жизнь населения. Была разработана политика подготовки "национальных кадров", определившая ход реформы образования, отличительные особенности которого заключались в следующем.

Во-первых, на месте ликвидированной японской колониальной системы образования была заложена совершенно новая структура национального образования с новой доктриной. Реформа образования заключалась в ликвидации японских принципов и стереотипов и предоставлении широких прав населению в получении образования, в первую очередь рабочим и крестьянам в школах начального образования, где полностью отсутствовал классовый подход, укреплявший ранее прослойку помещиков и прояпонских элементов. Число рабочих и крестьян, обучавшихся в школах, значительно увеличилось.

Во-вторых, фундамент северокорейской системы образования был заложен под влиянием Советского Союза. СССР участвовал в разработке реформы системы образования и направлял необходимые материалы для обучения, при Советской гражданской администрации работали советники по образованию, а

Син Хё Сук, аспирантка ИДВ РАН

Данное исследование подготовлено при поддержке Korea Research Foundation в 2001 г. (KRF-2001-037-CB0006)

среди тех, кто непосредственно занимался образовательной реформой, было немало советских корейцев.

В этой связи необходимо дать правильную оценку роли СССР в процессе реформирования северокорейской системы образования. Конечно, помощь советской стороны была огромна, в условиях дефицита у Северной Кореи предметов и оборудования для обучения Советский Союз оказывал ей всю необходимую помощь. Северокорейский народ активно перенимал советский опыт и даже участвовал в строительстве школ. В результате этого в КНДР была заложена база образовательной системы по советскому образцу. Но реформа была проведена благодаря стремлению корейского народа получить образование и построить независимое национальное государство.

Корейская война и послевоенный восстановленный период (1950-60 гг.)

Корейская война (1950-53 гг.) оставила на севере полуострова после себя огромные разрушения. Было уничтожено около 8700 заводов, 70 тыс. жилых домов, 5 тыс. школ.¹

Примечательным в образовательной политике того времени было то, что подготовка кадров не прекратилась в период войны и велась в отечественных и зарубежных университетах. Во время боевых действий в университетах продолжали идти занятия. Научно-исследовательские институты не прекратили работу только благодаря усилиям правительства.

В соответствие с указаниями правительства в безопасные районы страны были переведены: Университет им. Ким Ир Сена, Политехнический университет им. Ким Чака, Вонсанский сельскохозяйственный институт, Пхеньянский педагогический институт, Высшая партийная школа, Высшая кадровая школа правительства и другие.² Естественно, в этот период было много трудностей. Поэтому правительство отбирало и направляло на учебу в социалистические страны (Советский Союз, Китай и Восточную Европу) наиболее перспективных кандидатов. Так, например, все курсанты Мангедеского революционного училища и большинство детей руководства страны учились за границей.

Перед послевоенной Северной Кореей стояла острая проблема — восстановление страны и завершение строительства социализма. В этой связи необходимо рассмотреть систему образования того периода. Цель ее состояла в том, чтобы вовремя подготовить людей, необходимых для восстановления разрушенной войной страны. Ведь после войны за короткий срок невозможно подготовить квалифицированные кадры, а дефицит специалистов может серьезно сказаться на восстановлении и развитии экономики.

В дальнейшем на развитие системы образования повлияли такие факторы, как послевоенное восстановление страны и помощь зарубежных партнеров; утверждение единоличного руководства Ким Ир Сена и связанная с этим "антифракционная борьба"; строительство социализма.

1) По решению только советского правительства послевоенной Северной Корее было выделено 1 млрд. рублей безвозвратного кредита. Каждая страна социалистического лагеря выполняла определенную задачу в реализации восстановительного плана, а именно отвечала за конкретную отрасль промышленности, предприятие или город, обеспечивая материалами, оборудованием и иной технической помощью для реконструкции. Только в 1953-54 гг. соцстранами было оказано технической помощи на сумму в 120 млн. долларов. Доля безвозмездной помощи в валовом продукте страны в 1954 году составляла 31,6%.³

Помощь включала также командирование консультантов и специалистов. Советскими специалистами разрабатывался план восстановления народного хозяйства. В январе 1957 года в министерстве торговли, энергетики, сельского хозяйства, госплане, кабинете министров и других правительственных

структурах работало 17 консультантов из СССР. В последствии северокорейское руководство посчитало нужным оставить советских специалистов только в тех правительственных ведомствах, где нельзя будет обойтись без их помощи.⁴ 31 июля 1953 года СССР направило в КНДР 55 специалистов, в том числе 48 человек сроком на два месяца и 7 человек на 1 месяц.⁵ В марте 1955 года работало 250 человек из Чехословакии, в том числе 108 были консультантами при Центральном государственном комитете, 60 человек — в медицинских учреждениях, 70 — на различных промышленных предприятиях.⁶ Как следует из рассказа Ким Сок Хена, участвовавшего в работе Хамхынского и Хыннамского комитетов во восстановление народного хозяйства, в этих городах работало 200 человек из ГДР и 100 человек из Чехословакии.⁷

В свою очередь Северная Корея направляла в социалистические страны на практику в административные учреждения и на промышленные предприятия различных отраслей (строительство, угледобывающая, легкая промышленность, сельское хозяйство и др.) своих специалистов на короткий или длительный срок. В конце 50-х годов, когда направленные на учебу и практику северокорейцы вернулись на родину, ситуация в экономике стала улучшаться.

2) Внутрипартийная антифракционная борьба 50-х годов, изменившая политический расклад в северокорейском обществе, стала переломным периодом в истории корейской интеллигенции. XX съезд КПСС усилил внутрипартийную борьбу, которая закончилась провалом противников Ким Ир Сена, открыто выступивших против него на августовском пленуме 1956 года. После этих событий Ким Ир Сен начал укреплять идеологический контроль над сферой образования в рамках “необходимости революционной борьбы” и “идеях чучхе”. В учебных заведениях главными предметами стали революционная история партии и история революционной деятельности Ким Ир Сена.

3) В 1953–58 гг. можно было уже говорить об окончательном утверждении социализма в стране. Социалистические производственные отношения требовали формирования системы среднего специального и всеобщего бесплатного образования. В 1956 году, когда уровень экономики достиг довоенного, была создана система обязательного начального образования. С завершением кооперирования села система образования стала полностью социалистической. Кроме обязательного начального образования появились обязательное среднее образование, а 28 октября 1959 года — профессионально-техническое. Суть реформы образовательной системы заключалась в попытке соединить теорию и практику, учебу и производство, и скорейшей подготовке квалифицированных кадров и специалистов для форсирования развития отечественной промышленности.

Расширение заведений по подготовке высших кадров

После освобождения Кореи на Севере не существовало ни одного высшего учебного заведения. Единственным институтом того времени был Кенсонский имперский институт — продукт японской колониальной политики образования. Кроме него существовали различные специальные школы. 15 сентября 1946 года в Северной Корее был образован университет им. Ким Ир Сена. Целью его создания была “подготовка высокообразованных кадров для руководства строительством народной экономики и культуры в соответствии с принципами прогрессивной демократии”.⁸ Это совсем не означало подготовку “высококвалифицированных технических специалистов”. Понятие “принцип прогрессивной демократии” подразумевал воспитание высших кадров на идеях социализма. К “высококвалифицированным техническим кадрам” относились те, кто получил образование в период дислокации советских войск на севере полуострова и их тесной связи с коммунистической северокорейской администрацией.

В целях подготовки специалистов в разных областях кроме университета им. Ким Ир Сена были основаны Хамхынский медицинский институт, Хынамский политехнический институт, Чхончжинский педагогический институт и др. К концу 49-го года в стране насчитывалось 15 высших учебных заведений. Корейская война не остановила рост их численности, хотя в результате боевых действий построенные до войны ВУЗы были разрушены.

На 6-м пленуме ЦК ТПК (август 1953 года) был утвержден первый трехлетний план народного хозяйства (1954-56 гг.), наметивший основные принципы развития образовательной системы. Целями плана были поднятие экономики и "подготовка национальных кадров с упором на воспитание высших и технических кадров", а также восстановление к 1956 году "системы общего образования до довоенного уровня".⁹

На августовском пленуме ЦК партии в 1956 году было объявлено об успешном выполнении первого трехлетнего плана и о необходимости принятия дальнейших мер по подготовке кадров для ускорения развития народной экономики. Для выполнения первого пятилетнего плана (1957-60 гг.), предусматривавшего завершение закладки фундамента развития промышленности, требовалось значительное количество специалистов и инженеров. Рост числа ВУЗов стал главной задачей на пути ликвидации дефицита требуемых специалистов, так как, например, потребность в инженерных кадрах в отраслях тяжелой промышленности покрывалась только на 50%. В этот период в августе 1956 года выходит постановление правительства "О выполнении плана по подготовке инженерных кадров". Количество ВУЗов увеличилось с 15 в 1949 г. до 78 в 1960 г., в которых обучалось около 97 тыс. человек.¹⁰

В целях обеспечения сбалансированного развития экономики велась подготовка специалистов среднего уровня — увеличилось количество профессионально-технических училищ. В 1956 году их насчитывалось 103 (с числом учащихся в 34 тыс. человек за исключением в педагогических ПТУ), вечерних технических школ — 56 (5400 чел.). Число выпускников с 1953-56 гг. составило 22 тысячи человек.

В результате предпринятых мер к 1960 году количество инженеров, техников и других специалистов различных областей, составляющих высшие и средние кадры, увеличилось до 133 тыс. человек, то есть в два раза по сравнению с 1956 годом, с 1953 годом — на 610%.¹¹ Можно сказать, что крупные промышленные предприятия Северной Кореи больше не зависели от помощи специалистов из социалистических стран и могли управляться своими инженерно-техническими кадрами.

Таблица 1.

Рост количества ВУЗов в сравнении с выполнением народнохозяйственного плана

	Год	Количество	Кол. уч-ся	План
Период гос. строительства	1945			
	1946			
	1947	4	3000	1947 (1-й)
	1948	11	8731	1948 (2-й)
	1949	15	11984	1949-50 (1-й)
Корейская война	1950			
	1952			
	1953			
Послевоенный период восстановления экономики	1953	15	11268	1954-56
	1954	16	7700	
	1955	16	12857	
	1956	19	16592	

	Год	Количество	Кол. уч-ся	План
	1957	20	20510	1957-60
	1958	23	25640	
	1959	37	52000	
	1960	71	97000	

Источник: Ким Хен Чан. Пукханный Кеюк [Образование Северной Кореи]. Сеул: Ылло, 1990 г. С.288.

Важно рассмотреть преподавательский состав, который оказал немалое влияние на формирование системы подготовки высших кадров. Для Северной Кореи насущной проблемой наряду с увеличением количества ВУЗов было расширение профессорско-преподавательского состава. После освобождения большинство ученых и деятелей искусства устремилось на юг полуострова, занятого американскими войсками. Была предпринята попытка подготовки собственных преподавателей и их переманивания с юга на север. В результате в главных ВУЗах страны, в том числе в Кимирсеновском университете работало значительное количество преподавателей с Юга.

Преподавателями, перешедшими на Север и получившими звание профессора, были То Сан Рок (квантовая физика), Ким Сок Хен (история), Пак Си Хен (история), Ким Хан Чжу (агрономия), Ли Чжон Сик (юридические науки), Ким Чжи Чжон (математика), Пак Кы Чхе (экономика), Чон Пхен Су (физика), Пак Чон Сик, Син Гу Хен, Хван Ен Сик, Ким Су Ген, Ю Ен Нак, У Хен Чжу, Цой Юн Сик, Квак Тэ Хон, Ке Ын Сан, Хан Пхир Ха, Хон Сон Хэ, Цой Ен Дар, Чо Ен Сик, Кан Дэ Чхан, То Ю Хо, Хван До Ен, Ким Чжон Хи, Цой Ын Сок и другие.¹² После 1947 года около 30 человек стали преподавателями Университета им. Ким Ир Сена — Ли Сын Ги (высокомолекулярная химия), Чон Гын (физика), Ли Дон Хва (мировая история). Большинство из них были выходцами из Кенсонского имперского института, выдающимися учеными, членами прогрессивных политических партий. Они стояли у истоков основания Кимирсеновского университета и были представителями ученых кругов Северной Кореи.¹³

Нельзя недооценивать и вклад советских корейцев, среди которых были Нам Ир и Пак Ир. Приехавший в Северную Корею в октябре 1946 года Нам Ир стал заместителем начальника управления образования в Народном комитете, а Пак Ир был назначен проректором Университета им. Ким Ир Сена. Пак Ир окончил в 1941 году Ленинградский педагогический институт, проработал в Казахском университете, и поэтому имел большой опыт преподавательской деятельности. Среди других советских корейцев-преподавателей Кимирсеновского университета были Чон Ен Хван, И Дон Хва, Хо Ик, Пак Ен, Ким Ен Сон, Чхэ Гю Хен, Ким Тхэк Ен, О Ван Мук, Мен Воль Бон и другие. Они внесли огромный вклад в дело "прививания передовых идей советского образования" к северокаорейскому дереву.¹⁴

Советские корейцы занимали ведущие позиции в системе высшей школы — Чан Ик Хван был заместителем министра образования, Ю Сон Хун — ректором Кимирсеновского университета, Пак Пен Юр — директором Кандонской политехники, Кан Сон Хо — директором Высшей партийной школы. До возвращения в Советский Союз они закладывали базу северокаорейской образовательной системы на основе советской модели и воспитали многих будущих деятелей правительства и партии. Такая тенденция сохранялась вплоть до конца 50-х годов, пока не начались репрессии после разгрома "внутрипартийных фракционеров".

Стоит также рассмотреть “систему консультантов” из СССР, принимавших участие в формировании образовательной системы КНДР. В северокорейском правительстве, промышленности и сфере образования существовала так называемая “группа советников”. С 1948 года советские преподаватели стали приглашаться на работу в учебные заведения в качестве преподавателей. Такая практика сохранилась и после окончания Корейской войны.

В соответствии с соглашением между СССР и КНДР от 20 мая 1948 года советская сторона направляла преподавателей в качестве “консультантов”. В их числе были Лышаков (русский язык), Частухин (всемирная история), Чупуров (марксизм-ленинизм), Панкратов (педагогика), Лебедев (философия), Осадько (политэкономия), Каденская (география), Трахукин (химия), Чамарев и Виноградов (биология и животноводство), Сивухин (физика и математика) и другие.¹⁵

В период войны в Северную Корею были направлены Соколов (философия), Юрьев (политэкономия), Аксанов (марксизм-ленинизм), Соловьев (физика и математика), Майбрада (экономика). Все они, несмотря на ход войны, продолжали свою преподавательскую деятельность. После войны — И.Нестерович (неорганическая химия), Добротин (мелиорация и физика), И.Канев (основы дарвинизма), С.Лудашевский (биология человека и животных), Демченко (география), Давидович (планирование народного хозяйства), Беспалый (товароведение) и другие.¹⁶

Говоря о структуре преподавательского состава системы образования Северной Кореи, ставившей во главу угла необходимость подготовки высших кадров, можно сказать, что костяк преподавателей состоял, во-первых, из ученых, перебравшихся с Юга на Север и работавших в Университете им. Ким Ир Сена. Во-вторых, из советских корейцев и советских преподавателей, направленных в КНДР для закладки фундамента образования. В-третьих, из тех северокорейцев, которые получили ученую степень в стране, а также во время обучения в СССР. Учитывая этот факт, можно утверждать, что имевших связи с заграницей было достаточное количество. Это не могло не стать причиной начала идеологического преследования против них во время “антифракционной борьбы” в 1957 году.

Подготовка кадров за границей

Одной из особенностей северокорейской системы образования стала подготовка кадров за рубежом с целью изучения науки и культуры “передовых стран”. С 1946 по 1950 гг. студенты направлялись на практику только в Советский Союз, с 1951 г. — в Польшу, Чехословакию, Румынию, с 1952 г. — в Китай, ГДР, Венгрию, Болгарию, Монголию, с 1956 г. — в Албанию.¹⁷

В 1946 году в СССР было направлено 299 человек. До 1951 года ежегодно в Советском Союзе обучалось по 100-200 человек. В 1953-54 гг., когда география стран расширилась, количество студентов-стажеров (в том числе в составе исследовательских групп, практикантов, сирот, чьи родители стали жертвами войны) достигло 5 тысяч. Каждая страна соцлагеря принимала специалистами определенного профиля, число которых быстро росло. Это внесло значительный вклад в увеличение в стране численности профессиональных кадров.

По количеству студентов-стажеров Северная Корея превосходила Южную, где число студентов, побывавших за границей в период с 1951 по 1961 гг. по программе обмена, консультаций и краткосрочной практики, составляло всего 2309 человек, а общее количество южнокорейских студентов, прошедших стажировку за границей, — 5520 человек.

Таблица 2.

**Количество северокорейских студентов, обучавшихся за границей
(к январю 1958 г.).**

1946-57 гг.			1958 г.				
ПТУ	ВУЗ	Аспирантура	ПТУ	ВУЗ	Аспирантура	Практика на производстве	Сироты
731	895	138	652	2182	131	642	2540
Итого: 1764			итого: 2965				
			Итого: 4729				

Источник: АВПРФ. Ф0102, оп.14, п.75, д8, с. 104-106.

Специалистов в каких областях готовило правительство Северной Кореи? На этот вопрос можно ответить, рассмотрев предметы, которым обучались студенты, направляемые за рубеж. В таблице 3 представлены данные по ВУзам, где обучались в период с 1949-50 учебные года 60 студентов и 20 аспирантов из Северной Кореи.

Таблица 3.

ВУЗы и специальности северокорейских студентов и аспирантов

Студенты	Аспиранты
<p>Московский институт полиграфии — 3 чел. Московский государственный институт искусств: режис. фак — 2 чел., певческий — 2 чел., балет — 2 чел. Московский музыкальный институт: композиторский фак. — 2 чел., вокал — 2 чел. Московский институт иностранных языков: фр.яз. — 2 чел., англ. яз. — 3 чел., кит. яз. — 1 чел., исп. яз. — 1 чел. Московский авиационный институт — 5 чел. Ленинградский университет, корейский отдел. — 3 чел. Центральный институт физкультуры им. И.В.Сталина — 2 чел. Одесский институт морской навигации — 3 чел. Ленинградский университет, отделение морозильн. установок — 2 чел. Ирригационный институт — 2 чел. Московский архитектурный институт — 3 чел. Московский строительный институт — 3 чел. Ленинградский университет, отд. градостроительства — 2 чел. МГУ им. М.В.Ломоносова: химфак, отд. искусств. каучук. соедин. — 2 чел. Московский институт нефтяной промышленности — 2 чел. Московский институт проектирования и моделирования — 2 чел. Институт внешней торговли — 3 чел. МГИМО — 4 чел. Московский институт геодезии и картографии — 2 чел. Итого: 60 чел.</p>	<p>биология — 2 чел. география — 2 чел. механика — 2 чел. ж/д перевозки — 2 чел. философия — 1 чел. металлургия — 2 чел. экономика — 2 чел. физика — 2 чел. математика — 2 чел. история — 2 чел. литература — 1 чел.</p>
Итого: 60 чел.	Итого: 20 чел.

Источник: АВПРФ, ф. 0102, оп. 5, п.16, д.67, с.13-14.

Северокорейское правительство активно направляло студентов на зарубежную стажировку, так как было заинтересовано в подготовке специалистов для работы на предприятиях и в административных учреждениях. Подавляю-

шая часть обучалась в ВУЗах Советского Союза техническим специальностям, как этого требовало скорейшее восстановление народного хозяйства.

Северокорейцы учились не только в ВУЗах, но и в профессиональных училищах. В послевоенный период развития экономики кроме специалистов с высшим техническим образованием требовались и те, кто получил средне-специальное образование. Таким образом, с одной стороны, большое количество специалистов готовилось внутри страны, с другой — в техникумах за рубежом. Из таблицы 3 следует, что до 1957 года число студентов, обучавшихся в ВУЗах составляло 895 человек, в ПТУ — 731 человек, в 1958 году — 2128 и 652 человека соответственно. Выдвинутая в 1953 году правительством задача восстановления послевоенной экономики привела к тому, что число студентов, направленных в СССР, Чехословакию и Польшу для обучения в институтах и профтехучилищах, было одинаковым. Дело в том, что период обучения в ПТУ был значительно короче, чем в ВУЗах.

Не стоит упускать тот факт, что в рамках помощи соцлагеря дети-сироты погибших в войне родителей тоже получали образование в этих странах. Выйдя из детских домов (в Китае — около 20 тыс. человек, в Восточной Европе — 5 тыс.), они продолжали обучение в ПТУ, в результате чего Северная Корея приобретала воспитанников со средним специальным образованием.

Другой особенностью политики была отправка специалистов разных отраслей на производственную практику. Так, например, 21 февраля 1953 года “в целях изучения передовой советской культуры и искусства и развития отечественной культуры и искусства” в СССР сроком на один год на практику были направлены одиннадцать человек. В состав группы вошли выдающиеся деятели искусств, такие как драматург Син Го Сон, композитор Ким Ек Сок, музыкант Ли Со Хен.¹⁸ Кроме того, 25 ученых из Северной Кореи познакомились с достижениями советской науки, находясь в Москве в течение трех месяцев (профессор физики Хыннамского политехнического института Лим Гык Че, члены Академии наук Ли Сын Ги, Ке Ын Сан и другие видные деятели науки).¹⁹

Практиканты направлялись в определенные административные учреждения и на предприятия зарубежных стран, которые представляли для Северной Кореи наибольшую значимость для развития собственного народного хозяйства. 65 северокорейцев проходили производственное обучение в совхозах и на предприятиях, подведомственных министерству сельского хозяйства СССР²⁰, 20 человек — на объектах строительства²¹. Для последующей разработки горных рудников и восстановления вагоностроительного завода в Польшу был направлен 31 специалист. Всего в Польше обучалось около 100 северокорейских инженеров, технологов и рабочих, которые познакомились с принципами работы на оборудовании различных отраслей²².

Студенты, прошедшие стажировку, и специалисты, побывавшие на производственной практике за рубежом, внесли немалый вклад в реализацию политики подготовки высококвалифицированных кадров. По возвращении на родину они заняли места преподавателей, специалистов, сформировав тем самым слой отечественных ученых и отвечая за выполнение важных задач развития народного хозяйства. В 1955 году только 41% преподавателей имели только трехлетний опыт работы в высшей школе и представляли собой тех, кто недавно окончил ВУЗ и прошел стажировку в СССР.²³ В 1954 году 400 специалистов, получивших образование в соцстранах, были заняты в строительстве и промышленности, 40 человек получили ученую степень кандидата наук и звание доцента. Большинство стажировавшихся за рубежом занимали ответственные посты в кабинете министров и правительственных структурах. Из 532 специалистов, работавших на предприятиях тяжелой промышленности, 62 человека обучались в ВУЗах Советского Союза и других социалистических

стран.²⁴ Они приобретали новые знания и осваивали новую технику соцстран, вносили вклад в повышение уровня отечественной культуры и преумножения достояния республики. Однако вместе с тем — автоматически внедряли опыт и стереотипы чуждой им страны.

Политико-экономические разногласия и идеологическое преследование ученых

В пятидесятые годы план послевоенного восстановления народного хозяйства стал предметом политических разногласий.

В феврале 1956 года в СССР состоялся XX съезд КПСС, а затем в странах Восточной Европы — Польше и Венгрии — прошла волна борьбы за независимость. В русле этих событий на августовском пленуме ЦК ТПК в 1956 году представители советской и китайской фракций партии попытались вывести Ким Ир Сена из руководства партии. Но эта попытка обернулась против самих их — их обвинили в “антипартийной фракционной деятельности” и устранили.

Среди корейской интеллигенции, не оставившей без внимания внутриполитическую ситуацию 1956 года, возникли дискуссии. В политических кругах открыто осуждали Ким Ир Сена, в ученых — негласно протестовали против культа личности и политики Трудовой партии Кореи.

Недовольство политикой партии было заметным среди профессоров и студентов ВУЗов, особенно тех, кто получил образование за границей. Реакцию вызвали выступления венгерского студенчества. Северокорейских студентов, принимавших участие в венгерском движении за свободу и независимость и не окончивших обучение, а их насчитывалось 110 человек кроме 1200 студентов-сирот, в январе 1957 года отправили на родину. В этот момент некоторым студентам удалось бежать в Западную Германию и Австрию.²⁵

Вернувшиеся из Венгрии в мае 1957 года студенты подверглись нападкам. Их критиковали за то, что “они не смогли прочувствовать все трудности, охватившие Северную Корею, и оценить помощь Советского Союза и других социалистических стран, открыто выступили с антиреволюционными лозунгами, присоединившись к венгерскому движению, и критиковали СССР за его развитой социализм, “покрытый соломой”.”²⁶

Негативные настроения среди студентов встретили ответную реакцию со стороны властей. Количество направляемых на практику студентов резко сократилось. В соответствии в личным указанием Ким Ир Сена от 1957 года “процесс отбора необходимо было упростить, в братские страны следовало направлять только лиц с высшим образованием для повышения уровня уже приобретенных знаний”.²⁷ Обучение теперь проходили только в Советском Союзе, а не в Восточной Европе.

Тем не менее, некоторые студенты, продолжившие обучение в СССР, позволяли себе открыто критиковать институт культа личности и августовскую фракционную борьбу. Они незамедлительно отправлялись на родину и подвергались репрессиям. Только десяти удалось остаться в Советском Союзе. После того, как советские власти отказались вернуть их в КНДР, количество студентов подверглось очередному сокращению. В 1959 году в СССР поехали только 19 человек. Вопрос об отправке студентов на 1960-61 учебный год даже не рассматривался.²⁸

Изменение внутривнутриполитической ситуации после 1956 года коснулось образования и ученых кругов — развернулась борьба против фракционизма и сектантства. В министерстве образования и культуры, в высших учебных заведениях также прошли идеологические чистки. После событий в Венгрии по указу ЦК ТПК в целях укрепления единства партийных органов в ВУЗах со-

стоялись массовые митинги протеста против фракционных проявлений. Из числа высших лиц партии и правительства была сформирована группа из 40 человек, которая в течение трех месяцев проводила идеологическую проверку студентов и преподавателей. А в Университет им. Ким Ир Сена были направлены работники контрольного управления ЦК ТПК.²⁹

Под партийным контролем в институтах состоялись расширенные заседания парткомов, на которых заслушивали доклады "о вреде фракционизма" и осуждали контрреволюционеров. Жесткой критике за антипартийные фракционные действия подверглись и некоторые преподаватели. Они обвинялись в попытке раскола единства партии своими лозунгами за расширение демократии, улучшение жизни народа и критику культа личности. Вместо того, чтобы воспитывать новое поколение политически образованной молодежи, они заботились только о своем личном благосостоянии, утверждало партийное руководство. Больше всего пострадали профессора и преподаватели общественных наук.³⁰

В частности, заведующий исторической кафедрой Ким Чон До, получивший в СССР ученую степень кандидата наук, критиковался за то, что выступал в защиту улучшения жизни преподавательского состава. Он опровергал утверждения о том, что Первомайское движение за освобождение Кореи произошло под влиянием Октябрьской революции в России.³¹ Это послужило поводом к рассмотрению вопроса о его дальнейшем членстве в партии.

Лектор по основам теории марксизма-ленинизма Сон Гун Чхан, упоминая независимость позиции Северной Кореи и критикуя государственную политику, утверждал, что ее взаимоотношения с Советским Союзом начинают затухать. Профессор политэкономии Рим Хэ говорил о том, что экономическая политика ТПК, проводниками которой являются необразованные люди, не защищает интересы трудящихся и морит голодом народ. Кроме них, профессор философии Сон Тхэк Ен, профессор всемирной истории Ким Хен Су и другие, выступавшие с подобными рассуждениями, подверглись серьезной критике.³²

В связи с такими свободными высказываниями заместитель министра образования Чан Ик Хван сказал следующее: "Все они (преподаватели) имели тесные связи с фракционерами типа Цой Чхан Ика и через свои лекции оказывали дурное влияние на студенческую молодежь. Число студентов, разделявших точку зрения этих преподавателей, превысило 100 человек. Профессора ВУЗов, студенты и часть преподавателей средних школ после августовского пленума и венгерских событий потеряли свою политическую и идеологическую сознательность, вследствие чего только в одной из провинций (Южная Пхенан) пришлось заменить около трех тысяч учителей начальных и средних школ".³³

Заместитель заведующего отделом объединения Кореи ЦК ТПК Ким Чхон Хан отметил: "В период с февраля по август 1957 года прошли партийные собрания, повесткой дня которых было обсуждение "вопроса о вреде фракционного движения в партии и совершенствовании классовой структуры партийных органов". Результаты партсобраний показали, что у 300 членов партии — работников министерства образования, оказался низкий уровень идеологических знаний. Писатели, артисты и часть работников министерства образования и культуры в своих докладах говорили об отсутствии в политике ТПК демократизма и заботы о народе. Как результат 13 человек было арестовано, а 50 работников, ответственных за идеологию — переведены на другую работу".³⁴

В основанной в феврале 1952 года Академии наук (АН) также прошли проверки на наличие фракционеров. По словам члена-корреспондента АН Чан Чу Ика, в течении 12 дней осенью 1957 года непрерывно проводились партсобрания, в процессе которых на членов АН Ким Со Рена, Ли Чхон Вона и Цой Ик Хвана обрушился шквал критики. Член компартии Южной Кореи, перешедший на Север в 1948 году, Ким Со Рен после XX съезда КПСС открыто

выступил за искоренение обращения к Ким Ир Сену “великий руководитель” и необходимости повышения благосостояния населения. Член ЦК ТПК директор исторического исследовательского института, заведующий исторической секцией Академии наук Ли Чхон Вон и Цой Ик Хван также получили большие внарекания.³⁵

Открытая критика и репрессии против Ли Чхон Вона, яркого представителя отечественной социалистической интеллигенции, имели большой резонанс в обществе. С одной стороны, он пострадал за политическую приверженность к “фракционерам”, с другой — за отстаивание своей точки зрения противоположной доктрине руководства о главенстве “идей чучхе”. Это стоило ему исключения из отечественных научных кругов. Сейчас отстраненный от должности Ли Чхон Вон работает в редакторской группе издательства “Наука и образование”.

Августовская антифракционная борьба и венгерские события, приведшие к началу идеологического преследования и репрессиям в сфере образования и культуры, изменили характер формирования профессиональных кадров. В подведомственных структурах министерства образования и культуры, в институтах, начальных и средних школах были искоренены не только сами противники партийной политики, но и любые проявления инакомыслия. Критические выпады в адрес руководства, в том числе по вопросам внутренней и внешней политики, а также улучшения положения преподавателей, становились поводом для идеологического контроля и репрессий. Начиная с 1956 года все чиновники, деятели науки и искусства, студенты и преподаватели должны были проявлять абсолютную поддержку политике партии. Основными качествами, которыми они должны были обладать, стали партийность и политическая сознательность, а не профессиональные знания.

Трансформация послевоенного северокорейского общества и оценка государственной политики в области высшего образования

В 1950-х годах по-новому был поставлен вопрос о введении “идей чучхе” в образовании и культуре. Предстояло уяснить “роль основных принципов теории марксизма-ленинизма для КНДР”. Была выдвинута идея не перенимать догматически опыт и знания Советского Союза, а исходить из главенства самобытности нации. Советская модель, еще недавно восхваляемая, стала объектом критических замечаний со стороны чуждеего сознания. Все предметы изучались с позиции практической значимости марксизма-ленинизма для Северной Кореи. Учебные пособия других стран проверялись на наличие догматических постулатов. Вследствие этого тематика предметов и их содержание значительно пересматривались.

По утверждению партийного руководства законности партии и государства были заложены в период антияпонской вооруженной борьбы Ким Ир Сена. В образовательных учреждениях и партшколах основное внимание стали уделять воспитанию в духе “революционных традиций”. Главными предметами стали история революции, история партии и практика партийной работы. Помимо марксизма-ленинизма обязательным стало изучение борьбы ТПК за свободу и независимость Кореи и демократическое строительство.³⁶

Доминирование идей чучхе требовало от Кореи самостоятельного воспитания своих кадров. В качестве первоочередной меры было сокращено количество студентов, направляемых в другие страны на стажировку. Считалось, что студенческая молодежь могла неизбежно стать проводником антикимерсеновского движения и угрозой для режима. В 1958 году число студентов, отли-

чившихся в зарубежных ВУЗах, составило около 6 тысяч человек, но затем сократилось.

С одной стороны, такие государственные меры отвечали развитию ситуации. Чучхеизация Кореи не требовала нахождения за границей значительного количества студентов. После завершения восстановительного периода ряды высококвалифицированных кадров пополнились за счет вернувшихся из-за границы и прошедших обучение внутри страны.

В то же время это послужило поводом для развития науки и техники за счет собственных опыта и знаний. Проблему спроса на инженерные кадры предстояло решить за счет создания новых ВУЗов. Их количество выросло с 20 в 1957 году до 78 в 1960 году. Правительственные меры позволили успешно выполнить народнохозяйственный план и покрыть дефицит в специалистах. Но стоит отметить, что уровень полученных ими знаний был довольно низким.

Другим изменением в образовательной политике стала "реформа правил поступления в ВУЗы", целью которой являлось изменение классовой принадлежности студентов. Число окончивших среднюю школу и затем поступающих в высшие учебные заведения уменьшилось, но увеличилось количество рабочих и специалистов в промышленности и сельском хозяйстве. Отслужившие в армии и получившие рекомендации ЦК партии пользовались привилегиями при поступлении в ВУЗ. В 1958-59 учебном году доля рабочей молодежи среди всех студентов составила 70%.³⁷ Таким образом, профессиональные кадры приобретали признаки рабочего класса.

Однако на перестройку структуры профессиональных кадров большое влияние оказали идеологический контроль и репрессии. Объектами репрессий стали просоветская и прокитайская фракции, имевшие тесные связи с другими странами, и многие интеллигенты. Это привело к ограничению значения идей чучхе в "антифракционной борьбе" против лиц, препятствующих единению партии. И что касается процесса формирования слоев интеллигенции против единовластия Ким Ир Сена, то он был приостановлен, и в то же время представилась возможность для дальнейшего укрепления авторитарной власти в Северной Корее.

Тем не менее происходившие в 50-х годах события стали поворотным пунктом в приобретении независимости от СССР в области образования. В то время было воспитано много профессиональных кадров, которые выполнили послевоенное восстановление страны и строительство социализма, хотя только те представители интеллигенции, которые поддерживали государственную политику, могли участвовать в процессе утверждения "Идей Чучхе" в 60-70 годы.

1. И Чжон Сок. Сэро ссын хёндэ Пукханэый [Новое понимание Северной Кореи]. Сеул: Эксапипхёнса, 2000. С. 73
2. Чосонкёюкса [История образования в Корее]. Пхеньян: Сахвеквахакчулпханса. Пукхан кёюкса [История образования в Северной Корее]. Переиздано в Сеуле под названием "Пукхан кёюкса". [История образования в Северной Корее]. 2000. Тт. 3-6. С. 237.
3. Пэк Чун Ги. 1950-нёндо Пукханэ кволлёккальтынгва пэгёнхва сорён [Борьба во власти в Северной Корее в 1950-х]: Эксамунчжээнгусо; 1950-нёндо намбукханэ сонтхэккwa кульчоль [1950: выбор Северной и Южной Кореи] Эксапипхёнса. Сеул, 1998. С. 454-455.
4. АВПРФ, ф. 0102, оп.13, п.7, д.6, лл. 48. С. 62.
5. Там же, оп. 9, п.44, д. 9. С. 173.
6. Там же, оп. 11, п.60, д. 79. С. 9.
7. Ким Сок Хён. Нагын чосоннодонданоно [Я — член ТПК]. Сеул: Соннин, 2001. С.397.
8. Пукчосон ппомненчип [Собрание законов КНДР]. Пхеньян, 1947. С. 226.

91. Чосонкёюкса [История образования в Корее]. С. 308-309.
- 1.0. Там же. С. 410-412.
- 1.1. Там же. С. 418.
112. Ким Ги Сок. Кимильсончонхаптэхаге чхансоре кванхан иль ёнгу [Исследования по созданию университета им. Ким Ир Сена] // Кёюк ирон [Вопросы образования]. Сеул: Соультэхаккё, 1996. Т. 10. Ч. 1. С. 230.
113. Ким Ги Сок. Указ. соч. С. 235-236.
114. Син Хё Сук. Хэбанху пукхан кодынкёюкчхегез хёнсонгва тхыкчин [Особенности формирования системы образования в Северной Корее после освобождения] // Пукханёнгухакхвебо. Сеул: Пукханёнгухакхве [Вестник ассоциации изучения Северной Кореи]. Т. 2. Ч. 2. 1998. С. 207-209
115. АВПРФ, ф. 0102, оп. 4, п.8, д. 10. С. 3-6; Кимильсончонхаптэхаг 10-нёнса [Десятилетняя история университета им. Ким Ир Сена]. Пхеньян: университет им. Ким Ир Сена, 1956 г. С. 59-63. Отсутствие здесь и ниже инициалов вызвано тем, что в корейских источниках часто фигурируют только фамилии, записанные корейской транскрипцией.
16. Там же. С. 100, 135-136.
17. АВПРФ, ф. 0102, оп.16, п.24, д.6. С. 97-99.
18. Там же, ф. 0102, оп. 9, п.44, д.4. С. 3,15-26.
19. Там же. 27-34.
20. Там же, оп.10, п.52, д.9. С. 59; там же, оп.10, п.52, д.8. С. 103.
21. Там же, оп.12, п.68, д.5. С. 146.
22. Там же, оп.10, п.52, д.9. С. 78.
23. Десятилетняя история университета им. Ким Ир Сена. С.126.
24. АВПРФ, оп.10, п.59, д.57. С. 6-7.
25. Там же, оп.13, п.7, д.6. С. 43-45,78.
26. Там же, оп.23, п.7, д.6. С. 201.
27. Там же, оп.13, п.7, д.6. С. 109.
28. Там же, оп.16, п.86, д.15. С. 4.
29. Там же, оп.13, п.7, д.6. С. 194-197.
30. Там же, оп.13, п.74, д.44. С. 7.
31. Там же, оп.13, п.7, д.6. С. 160-161, 198.
32. Там же. С. 196-199.
33. Там же. С. 198-199.
34. Там же. С. 280-281.
35. Там же. С. 333. С. 348-349.
36. Сборник указов. Пхеньян, 1956. С.112-114.
37. Десятилетняя история университета им. Ким Ир Сена. АВПРФ. С. 201; оп.19, п.34, д.32. С. 33.

Принцип *хонгаку* —
"исходной просветленности" —
в традиции японского буддизма

© 2003

Д. Главева

Постижение национального характера, логики и мотивации поступков современных представителей той или иной восточной культуры по-прежнему невозможно без обращения к корням конкретной традиции. Так, проникновение в национальную психологию и культурное мировоззрение японцев требует учета того обстоятельства, что они складывались под влиянием развивавшихся в недрах японской культуры духовных систем. А те, в свою очередь, обретали формы, наиболее соответствующие особенностям культурного субстрата.

Одной из специфических особенностей мировидения в системе японской культуры является стремление остаться в пределах наглядно-чувственного восприятия. Японцы познают мир **практически-конкретно-чувственно**. Они слушают и смотрят очень внимательно. При этом взгляд как бы продлевает себя в слухе, обонянии, осязании, вкусе (здесь, как и в индийской и китайской культурах, все пять чувств мыслятся нерасторжимым единством). Подобное "обнюхивание", "ощупывание" мира являются следствием визуальной перцепции окружающей человека действительности, в частности, ее "ближнего" пространства. Это свойство японского мировидения оказало огромное влияние и на японскую буддийскую субкультуру. Настойчиво подчеркиваемая возможность достичь "просветления" (яп. *каку* или *сатори*) в этой жизни — характерная черта японской интерпретации учения Будды. В контексте классического буддизма состояние "просветления" означает постижение того, что находится за феноменальным миром, в системе японского — того, что **внутри** него.

Эта трактовка природы "просветления" основывалась на двух основных положениях, разработанных в Индии и получивших широкое распространение в Японии: о недualности, всеединстве реальности (санскр. *адвайя*², кит. *бу эр*, яп. *фуни*); об "исходной (изначальной) просветленности" ("исходной пробужденности", санскр. *читта бодхи*, кит. *бэнь цзюэ*, яп. *хонгаку* или *сигаку*), т.е. о наличии "просветленной природы" у всех живых существ.

Одна из центральных религиозно-философских проблем средневековой Японии — правильное понимание принципа *хонгаку*, или “исходной просветленности”.

Трактовки этого принципа в построениях мыслителей разных буддийских школ Японии могли иметь отличия. И в то же время именно концепция *хонгаку* была той философской доктриной, которая объединяла эти школы и течения.

Несмотря на различия определений “изначальной просветленности”, все их можно подытожить следующим образом: согласно *хонгаку*, “природа *жаку*”, т.е. природа “просветленности”, или “постижения”, принадлежит чему-то уже существующему “здесь и сейчас”, а не воображаемому или возможному в будущем.

Концепция “изначальной просветленности” основывается на учении о “недуальности” и “всеединстве” всего сущего, разработанном в философии буддизма *махаяны* (кит. *дачэн*, яп. *дайдзэ*; букв. “Великая Колесница”), в частности, в школе *мадхьямиков*¹, с опорой на теорию *Татхагатагарбхи* (кит. *Жу лай цзан*, яп. *Не:райдзо*).

Татхагата — один из основных эпитетов Будды. Обычные варианты перевода этого саскритского термина — “Так Приходящий” или “Так Уходящий”. В махаянских текстах он чаще всего интерпретируется как “Ушедший в Истинную Реальность/Таковость” или “Пришедший из Истинной Реальности”. На китайский и японский языки этот термин переводится однозначно: “Так Приходящий” (кит. *Жу лай*, яп. *Не:рай*).

Слово *гарбха* полисемично. Во-первых, оно имеет значение “зародыш”, “эмбрион”. Во-вторых, оно обозначает то вместилище, в котором зародыш пребывает. Таким образом, слово *Татхагатагарбха* может быть понято и как “Зародыш Будды”, и как “Лоно Будды”, “Вместилище Будды”.

В первом случае *гарбха* понимается как зародыш “природы Будды” (“буддовости”, санскр. *буддхатва*) в каждом живом существе. Иными словами, каждое живое существо потенциально является Буддой. Этот тезис в свою очередь получил в традиции *махаяны* две интерпретации. Согласно первой из них, *гарбха* “должна пониматься сугубо метафорически, как некая возможность для каждого живого существа стать Буддой... Ни о какой сущности, или субстанции, которая могла бы называться “природой Будды”, в данном случае речь не идет”⁴. Данная интерпретация *гарбхи* получила распространение в основном в тибетской ветви *махаяны*.

Согласно второй интерпретации, *гарбха* есть не “возможность”, а “реальность” проявления “буддовости” всего сущего. Отсюда непосредственно и вытекает ее толкование как “Вместилища Будды”, предполагающее, что в живых существах изначально присутствует некая особая сущность, понимаемая как субстрат *сансары* (феноменального мира) и одновременно всеобъемлющая абсолютная реальность, которая может быть названа “природой Будды”.

Следовательно, если в первом случае утверждается, что все могут стать Буддами, то во втором — провозглашается, что все живые существа уже есть Будды и им надо только реализовать свою потенциальную “буддовость”. Это положение легло в основу учений основных течений буддизма *махаяны* на Дальнем Востоке. С предельной ясностью оно провозглашается китайской школой “созерцания” (Чань, сокращение от *чаньна*, транскрипции санскр. *дхьяна*) и ее японским инвариантом — Дзэн: “Смотри в свою собственную природу и станешь Буддой” (кит. *цзянь син чэн фо*, яп. *кэнсе: дзе:буцу*). Именно доктрина *Татхагатагарбхи*, обосновывающая тезис об “изначальной наделенности” человека “природой Будды”, переросла в знаменитую теорию *хонгаку*.

В ее истоке лежало понятие об Абсолюте, впервые введенное в буддизм *мадхьямиками*. Абсолют трактуется как безатрибутный, рационально не поз-

наваемый и в этом смысле “пустой” (и, тем не менее, истинно-реальный). В учении *мадхьямахи* и *махаяны* в целом безатрибутный Абсолют, открывающийся “просветленному” (достигшему *нирваны*), никоим образом не противопоставляется конкретному, осязаемому бытию единичных вещей (*сансаре*). Более того, эта абсолютная, единственно безусловная реальность мыслится как бы “разлитой” во всем сущем, охватывающей все и вся. Не случайно одним из основных принципов буддизма *махаяны* являлся принцип *дайсинко* (яп.) — “Великая вера” в то, что все сущее имеет ту же “природу”, что и Будда. Присутствующий во всех проявлениях жизни, он и есть Абсолют, истинно-реальный субстрат всех единичных сущностей, который не имеет предела и от которого нельзя дистанцироваться.

Из этого принципиального положения вытекал важнейший вывод о том, что все многообразие мира, включая различия между людьми, существование множественности и противоположностей, только кажущееся, неистинное. Человек (как и любое другое живое существо) *двуипостасен*. С одной стороны, он условно-реален, но с другой — как бы пребывает в Абсолюте-Будде, изначально обладает “природой Будды” и поэтому “пронизан” всеми качествами Будды (в том числе “изначальной просветленностью”), хотя может и не подозревать об этом.

Таким образом, в школах *махаяны* огромное значение приобретала помощь человеку в понимании того, кто он есть на самом деле, и в обретении пути к “состоянию Будды”.

Представители *махаяны*, исходя из тезисов о тождественности феноменального и абсолютного, о возможности спасения не только монахов, в конечном счете пришли к заключению о принципиальной возможности каждого человека обрести *нирвану*, причем в нынешней его жизни. Они назвали свое учение “Великой колесницей”, прежде всего имея в виду всеобщность спасения. В *махаянских* школах *нирвана* трактовалась как постижение и полное раскрытие в себе универсальной субстанции, “истинной сущности”, “природы Будды”.

Собственно концепции, легшей в основание принципа *хонгаку*, посвящена “Махаяна шрадподхада шастра” (кит. “Да чэн ци синь лунь”, яп. “Дайдзе: кисин-рон”, — “Трактат о пробуждении веры в махаяну”, или “Трактат о пробуждении истинного видения махаяны”). Этот текст приписывается индийскому философу Ашвагхоше (кит. Ма-мин, ок. 80—150). Из него принцип *хонгаку* перешел в труды Ку-кая (774—823), принесшего в Японию из Китая учение эзотерического (тантрического) буддизма (кит. Чжэньян цзун — “Школа мантры”, “Школа Истинной Речи”, яп. Сингон-сю:⁵), а также мыслителей школ Тэндай, Дзэн и Чистой Земли.

В самом общем плане доктрина “Трактата о пробуждении веры в махаяну” сводится к следующему. Необходимость перехода от “непросветленного” к “просветленному” состоянию сознания безусловна. Однако последнее характеризуется недуральным восприятием действительности, возвращением к изначальной гармонии бытия: “дхармовая природа всеохватна и величественна, она, словно пелена, окутывает все живые существа, равностна и не-двойственна. В ней нет места различению “того” и “этого” (т.е. объекта и субъекта. — Д.Г.)...”⁶. Таким образом, возникает необходимость снятия в сознании грани между “просветленностью” и “непросветленностью”.

Сама мысль о желании “стать просветленным”, часто ошибочно именуемая “зерном просветленности”, возникает в “непробужденном”, заблуждающемся сознании. “Что касается непробужденного сознания, то оно появляется по причине отсутствия должного и сущностного знания единства всех *дхарм* и истинной реальности как она есть. По этой причине непробужденное сознание возникает и имеет в себе различающую мысль.

Различающая мысль лишена собственных свойств и неотделима от изначально пробужденности, подобно заблудившемуся человеку, потерявшему правильное направление. Если бы он освободился от направления, то нельзя было бы заблудиться.

Таковы и все живые существа: опираясь на пробуждение, они оказываются во власти заблуждения⁷.

С литературной тонкостью и логической последовательностью "Трактат о пробуждении веры в махаяну" демонстрирует единство "просветленного" и "непросветленного" состояний сознания, намеренно меняя местами элементы схемы жизненного цикла — *се-дзю-и-мэцу* ("рождение-пребывание-изменение-разрушение"). По аналогии с ней некоторые школы выстраивали систему обретения "просветленности". 1. Возникновение мысли о "просветлении" (вхождение в сознание самой мысли о "просветленности"), сравнимое с рождением ребенка. 2. Терпение и дисциплина (аскетической и медитативной практики), укрепляющие эту мысль, уподобляемые росту и развитию от детства до зрелости. 3. Постепенная трансформация "непросветленного сознания", сравниваемая с изменением от расцвета жизненных сил до старости. 4. Уничтожение всех заблуждений, сравниваемое со старением и исчезновением.

В "Трактате о пробуждении веры в махаяну" этот порядок намеренно изменен с тем, чтобы продемонстрировать, что толкование "просветленности" в терминах процесса, последовательности и проектирования будущего состояния — иллюзия сама по себе. Иными словами, нельзя понять "просветленность" в терминах формальной логики. Утверждалось, что "уже в начале, или в основе (*хон*), этого очевидного процесса может быть обнаружена просветленность (*каку*). Без исходной просветленности такого состояния невозможно достичь в конце. Это снимало дистанцию между состояниями обыденным и просветленным, всю ту же дуальность, которая есть заблуждение само по себе"⁸.

Данное утверждение, развитое Кукаем, легло в основу его концепции *сокусин дзе:буцу* ("достижение [состояния] Будды", яп. *дзе:буцу суру*) в собственном нынешнем теле (яп. *сокусин*) "внезапно" и "мгновенно".

Достижение "[состояния] Будды" при этой жизни занимает главное место во всех работах Кукаю. Он, однако, не был первым, кто выдвинул это положение. О том же писали в своих трудах патриархи китайского эзотерического буддизма — переводчик тантрических текстов на китайский язык Амогхаваджра, получивший в Китае имя Букун Цзиньган (яп. 705—774), и Хуэйго (яп. Кэйка, или Эка, 746—805). Так, Хуэйго является первым в истории тантрического буддизма монахом, получившим инициацию в обоих направлениях эзотерической традиции — "религии чарья", выражающей идеал подвижничества: движение к "просветлению", восхождение по ступеням совершенствования "на протяжении бесчисленных *кальп*⁹", и "религии йогу", предлагающей путь созерцания в неподвижности и возможность достижения "состояния Будды" сразу, в "настоящем теле". Хуэйго сумел объединить эти два направления. На передний план им выдвигается идея всеединства, присутствия во всем "природы Будды". У единственного Всего есть разные аспекты, которые можно разделить на две большие группы по принципу парности (мужское—женское, статика—динамика и т.д.). Эту "раздельность" Хуэйго сводил в цельную систему, подчеркивая, что именно парные элементы выражают недвойственную природу всего сущего¹⁰.

Идея быстрого достижения "[состояния] Будды" культивировалась не только эзотерическим буддизмом. Подобное положение содержалось также в учениях школ Кэгон-сю:¹¹ и Тэндай-сю:¹²

Основополагающая идея философии Кэгон — утверждение известного махаянского положения о Будде в "теле Закона" ("теле Дхармы")¹³ как суб-

страте всех уровней бытия. В основополагающем тексте школы — “Аватамсака сутре” (“Сутре о величии цветка”) говорится: “Тела всех живых существ полностью входят в одно тело, из одного тела исходят бесчисленные тела...”¹⁴. Все миры прошлого, настоящего и будущего представляются не чем иным, как буддой Вайрочаной¹⁵, символом “тела Закона”. Разработки теоретиков школы концентрируются вокруг вопроса об “отсутствии преград” (яп. *мугэ*) между абсолютным (кит. *ли*, яп. *ри*) и феноменальным (кит. *ши*, яп. *дзи*) уровнями бытия, а также между отдельными феноменами (последнее является особенностью учения Кэгон-сю:). Многообразие отношений между Абсолютом и феноменами (а также между феноменами) определяется формулами *сосоку* (досл. “взаимное так”), что означает тождественность одного другому, и *со:ню*: (“взаимовхождение”), взаимопроницаемость одного и другого¹⁶. Из концепции “отсутствия преград” вытекала возможность обрести “плод Будды” в будущем (в результате изучения догматики, соблюдения обетов, психической регуляции и т.д.).

В догматике Тэндай-сю: получило развернутое обоснование учение китайской школы Тяньтай о наличии в каждом живом существе “природы Будды”. Сайте:, принесший учение Тяньтай в Японию, указывал, что единичные сущности продуцируются не “только сознанием” (“хранилищем семян”, “сознанием-сокровищницей”, санскр. *алая-виджняна*, кит. *алие ши*, яп. *арая-сики* или *юйсики*)¹⁷, содержащим “плохие” и “хорошие семена”, а *татхатой* (кит. *чжи*, яп. *си*), т.е. “природой Будды”. Сайте абсолютизировал значение “прекращения [неведения] и постижения [сути]” (кит. *чжи гуань*, яп. *сикан*)¹⁸ — буддийской медитации, теория которой была разработана мыслителями Тяньтай, подчеркивая тождество *сикан* и *татхаты*: “Постижение [истинного вида всех дхарм] есть слияние, соединение с *Татхагатой*”¹⁹. Утверждая полное слияние феноменального и абсолютного уровней бытия, Сайте привлек в качестве аргумента упомянутое выше учение школы Кэгон о взаимоотношении *дзи* и *ри*.

Ку:кай полагал, что указанные школы рассматривали возможность “быстрого достижения [состояния] Будды” чисто теоретически, тогда как эзотерический буддизм предлагал практический, принципиально новый путь. Если ранее основная цель магических ритуалов усматривалась в обретении конкретных благ в данной жизни (яп. *гэндзэ рияку*), то Ку:кай выдвигал их в качестве решения сверхзадачи — стать “Буддой в настоящем теле”, в данной жизни²⁰.

Признав принцип *хонгаку* принципом радикального недуализма, Ку:кай пришел к заключению, что было бы нелогичным относить “просветленность” куда-то в будущее, утверждая, что “просветление” относится к “этой самой жизни”.

Ку:кай толковал также о существовании двух реальностей: “внешней” и “внутренней”. Та реальность, в которой происходит совершенствование, предшествующее моменту “просветления”, и собственно “просветление”, обозначается как “тайная”, “внутренняя” — “сердце”, или “сердцевина” (яп. *син/кохоро*), а реальность, применительно к которой можно говорить о “просветлении” — как “явная”, “внешняя”, “тело” (яп. *син/ми*).

Но эти две реальности, согласно Ку:каю, как бы совмещены, наложены одна на другую, существуют одна в другой, “составляют два, но не есть два” (*дзини фуни*)²¹. Таким образом, философ отбрасывает противопоставление тела и сознания, утверждая, что человек есть неразделимое единство.

В рассуждениях Ку:кая выявляется единство всех миропроявлений, недуальность феноменов природы и сознания. Попыткой совмещения “внешнего” (синтоистского) и “внутреннего” (буддийского) взглядов на мир и процессы, протекающие в нем, является разработанная Ку:каем теория *ре:бу-ситто*:

(Досл. “двустороннее синто:”, “двойкий путь богов”), ставшая результатом взаимодействия установок синтоизма и буддизма.

В основу этой концепции легло известное положение эзотерического буддизма о единстве двух миров вселенского Будды Дайнити Махавайрочаны — “мира чрева” (санскр. *гарбхадхату*, яп. *тайдзо:кай*) и “мира алмаза” (санскр. *ваджрадхату*, яп. *конго:кай*). Это единство определяется формулой “обе части — не два” (яп. *ре:бу фуни*), которая и обусловила название данного учения — *ре:бу синто:* (“двустороннее синто”). Согласно этой теории, синтоистские божества являются манифестациями (так называемыми “превращенными телами”, временными воплощениями, санскр. *аватарами*) божеств буддийского пантеона, точнее — Будды Махавайрочаны. Ку:кай интерпретировал соотношение между божествами синто и буддизма, исходя из того, что вся Вселенная есть тело Будды Махавайрочаны, который, таким образом, присутствует во всех проявлениях живой и неживой природы.

Теория *ре:бу-синто:* основывалась на концепции *кэммицу-нике:* — “двух учений, явного и тайного”, подробно изложенной в трактате Ку:кай “Бэн-кэммицу нике:-рон” (“Рассуждения о различении двух учений: явного и тайного”, 819 г.).

Проповеди Будды подразделяются Ку:каем на те, что произнесены Буддой в “превращенном” (человеческом) теле (“Тело соответствия”), и проповеди абсолютного, вечного Будды (“Тело Дхармы”). Первые произносились историческим Буддой Шакьямуни в связи с теми или иными обстоятельствами и были адресованы конкретным лицам: “То, что именуют открывающимися проповедями [Будды] в превращенном [теле]... — явное учение. Эти речи явные, сокращенные, приспособленные к способностям [слушающих]”²². Данные проповеди, по словам Ку:кай, признаются всеми школами, имеют множество толкований и, следовательно, не являются универсальными и безусловно ценными. Такие учения именуются в эзотерическом буддизме явными (яп. *гэнке:*). Вторые — не имеют формы и вида, но в скрытой форме присутствуют в первых: “То, что говорит Будда в [теле] Дхармы, — хранилище тайн. [Эти] речи тайные, глубокие и являются истинными проповедями”²³.

Основной идеей трактата является положение о том, что тайное открытие (“истинные слова” Будды) содержится повсюду, только надо уметь его разглядеть. По этому поводу Ку:кай отмечал, что люди видят то, что видеть в состоянии, воспринимают эту жизнь так, как позволяет им их уровень постижения истинной действительности²⁴.

Согласно центральной догматической формуле Сингон, любой человек, постигнув суть “истинных слов”, может достичь “просветления” в своем нынешнем теле, “внезапно” и “мгновенно”.

Принцип хонгаку лег в основу учения Ку:кай о “косвенном выражении истины” с помощью искусства. Это учение не только способствовало своеобразной эстетизации японской культуры, но и существенно повлияло на формирование структуры художественного образа. Еще учитель Ку:кай Хуэйго говорил, что только посредством искусства можно понять сокровенные писания. Вернувшись из Китая, Ку:кай развил ту же мысль во вступлении к “Списку привезенных и преподносимых вещей”. По мнению мыслителя, путь к достижению “просветления” и слияния с сакральной истиной лежит через художественные образы, ибо сама природа творчества — сакральна и содержит в себе “исходную просветленность”: “Дхарма не имеет речи, но без речи выражена быть не может. Вечная истина (*татхата*) превосходит чувственное, но лишь посредством чувственного может быть постигнута... “Тайное” учение Будды столь глубоко, что трудно выразить его на письме. С помощью искусства неясности могут быть рассеяны”²⁵.

В этом смысле для Ку:кая было естественно представлять буддизм как учение, разварачивающееся в телесно-экспрессивных ритуалах, принадлежностью которых являются почти танцеобразные *мудры* — фигуры, составленные из пальцев, *мандалы* — изображения систем мироздания с их сложными сочетаниями цветов и фигур, *мантры* — магические формулы, вибрации которых буквально физически доносят буддийское учение до ушей и голосовых связок последователей. Это воплощение истины в телесной форме никогда не было для Ку:кая движением по нисходящей или олицетворением какого-либо высшего, более духовного плана, но — естественным, ни в коей мере не адаптированным выражением истины в физическом мире. Телу и сознанию не позволялось становиться отдельными, или противоположными реальностями.

Исходя из принципа *хонгаку*, Ку:кай в своем “тайном учении” продемонстрировал, как в каждый из моментов буддийской практики — при чтении текстов, составлении трактатов, произнесении *мантр*, созерцании *мандал* — в полной мере достигается “просветление”. По его мнению, “явные учения” (школы Санрон²⁶, Хоссо²⁷, Кэгон и Тэндай) отделяют “упражнение” от “достижения”, “путь к прозрению” от самого “прозрения”. Четырем школам философия Сингон-сю: противопоставляет свою интерпретацию махаянского “закона не-двойственности”: “прозрение” и путь к нему суть “не-два”.

Подобную интерпретацию получило положение о *хонгаку* у До:гэна (1200–1253), основателя японской школы Со:то:²⁸. В “Беседах о различении Пути” (яп. “Бэндова”) он отмечал: “Хотя и считается, что люди изначально в достаточной мере обладают этой Дхармой, но без практики ее не проявить, без просветления ее не обрести”²⁹.

Спасение, или “просветление”, заключено в “первоначальной природе” человека, однако оно остается скрытым, непроявленным, если его не раскрывают, не выражают в прямом переживании. Здесь До:гэн практически полностью воспроизводит положение, которое приведено в трактате “Общие рассуждения Бодхидхармы о четырех действиях, ведущих на путь Великой колесницы” (кит. “Путидамо люэбянь дачэн жудао сысин”, VI в.), приписываемом легендарному Первопатриарху учения Чань, индийскому проповеднику Бодхидхарме (кит. Путидамо, Дамо, яп. Бодайдарума, Дарума): о том, что в нашем мире “духовный принцип” может проявиться лишь через поступки (кит. *син*, яп. *ге*:).

Именно Бодхидхарме ставится в заслугу создание целой системы обучения, направленной на внутреннее “проникновение в Чань”. Эта система условно может быть разделена на два основных этапа (“два проникновения”, или “два вступления”): 1) сначала успокоение собственного сердца в медитации; 2) затем посвящение в истинное, глубинное знание. Каждому этапу соответствует отдельная психотехническая методика. Теория “двух проникновений” предусматривает использование двух параллельных путей достижения “освобождения”: “проникновение через [духовный] принцип” (кит. *жу ли*) (через созерцание “духовного принципа”) и “проникновение через дела”, или “проникновение через практическую деятельность” (кит. *жу ши*). В трактате “Общие рассуждения Бодхидхармы о четырех действиях, ведущих на путь Великой колесницы” есть часть, специально посвященная учению о “двух проникновениях”. В ней говорится: “Существует множество способов проникновения в Дао, но все они сводимы к двум: проникновение через принцип (*жу ли*) и проникновение через поступки (*жу син*)”³⁰.

Согласно До:гэну, “изначальная просветленность” — это особое реальное состояние духа, регулируемое каким-то особым “практическим” сознанием или даже подсознанием. Таким образом, состояние “просветления” тесно увязывается с саморегуляцией сознания (яп. *сю:ге*:). В ходе своих дальнейших рассуждений, касающихся реализации “изначальной просветленности”, До:гэн

пришел к основному положению своего учения: не существует разницы между “практикой” и “просветленностью” (яп. *сю:ге: итто* — неразрывное “единство практики и обретаемого”). Под “практикой” в данном случае подразумевается саморегуляции сознания, являющаяся частью метода *дзадзэн* (“сидячей медитации”, медитативного сосредоточения в положении сидя). В более широком смысле практикой для До:гэна являлись все действия, речь и мысли человека.

Один из интерпретаторов доктрины До:гэна, известный философ Юаса Ясуо, указывает на то, что подлинная реализация *сю:ге:* наступает, по До:гэну, тогда, когда имеет место “единоство практики и постижения истины”²¹. Он приводит слова До:гэна из “Бесед о различении Пути”: “Те, кто считает, что практика и просветление не есть одно и то же, идут по ложному (букв. “внешнему”. — Д.Г.) пути. В буддийском учении они единоподобны”²².

До:гэн чувствовал, что в обыденном различении средств и целей есть что-то неверное. Ему не нравилось безоговорочно подчиненное положение, отдаваемое практике по отношению к обретаемому, превращавшее практику во всего лишь средство достижения цели, полагаемой вне этого средства.

В разделе “Гэндзе: коан” (“Проявление изначального, присущего всему состоянию”) До:гэн приводит следующую историю:

“К учителю Чань Бао Чэ с горы Ма-юй, когда он обмахивался веером, подошел монах и спросил:

“Природа ветра — непрерывное движение, нет [у него постоянного места и окружения; зачем же почтенный учитель пользуется веером?”

Учитель сказал: “Ты знаешь, что природа ветра — непрерывное движение, но не знаешь, что нет места и окружения”.

Монах спросил: “В чем состоит отсутствие места и окружения?”

Учитель лишь обмахнулся веером.

Монах почтительно поблагодарил.”²³

Эта история исключительно наглядно иллюстрирует единство “практики” и “постигания”. Изначальная природа ветра, присутствующего везде, может быть реализована или стать явной только при помахивании веером. “Природа Будды”, которой мы изначально обладаем, может проявиться только в практике. Считать, что “просветление” может быть испытано вне и без усердной практики — заблуждение.

В “Гэндзе: коан” рассматривается проблема снятия одной из основных противоположностей: — “просветленного” состояния и пути его достижения (практики) — на основе проникновения в сущностное всеединство мира. Суть этого акта выражена в самом названии раздела. Иероглифы *гэн-дзэ*: буквально означают “проявление-становление”. Здесь До:гэн имеет в виду не возникновение чего-то нового, ранее не существовавшего, не дополнение ущербного, но выявление, обретение исходно целого (морфема *гэн* входит в слово *гэнбицу* — “действительность”, “реальность”, а *дзэ*: — в *дзэ:буцу* — “становление [в качестве] Будды”, т.е. “просветленного”). Это изначальное, “высшее состояние” (яп. *ан*) присуще “всему” (яп. *ко*) сущему.

По мнению До:гэна, лишь спокойное “сидение” в медитации (“предаться исключительно сидению” — яп. *сикан-тадза*), не отягощенное какими-бы то ни было размышлениями и специально поставленной целью, позволяет практикующему реализовать наличествующую в нем от рождения “сущность Будды”. “Исключительно сидение” являлось для До:гэна, по мнению Абэ Сигэру, не средством достижения “просветления”, а “просветлением как таковым”; высшей религиозной практикой, в которой заключено “просветление”²⁴.

Таким образом, До:гэн переомыслил и развил центральное положение философии Нагарджуны (конец I в. — начало II в.), основоположника *мадхья-махи*, о несуществовании *нирваны* вне *сансары*²⁵. Центральную концепцию

школы Сингон — “становление Будды в нынешнем теле” (*сокусин дзе:буцу*), т.е. в данной жизни, — он переработал в теорию о том, что “поистине сердце и есть Будда (*сокусин дзэбуцу*). Если у мыслителей школы Сингон Буддой надо стать, то у До:гэна надо им быть.

В “Гэндзе: коан” читаем: “Если человек просветляется практиками на Пути будд. то, обретая одну дхарму, он проникает в Единое Учение; совершив одну практику, он оказывается в Едином Подвижничестве”³⁶.

Следует отметить, что подобная интерпретация *хонгаку* встречается и в системе школы Тэндай. Каждый из ее мыслителей подчеркивал по-своему положение о том, что мир рождений и смертей является одновременно миром “истинной просветленности”. Однако, белой нитью через все их рассуждения проходила та мысль, что “просветленным” надо быть, а не становиться. Логическим следствием этой посылки для таких мыслителей Тэндай, как Рёган (912—985) и Тюдзин (1065—138), стало использование принципа *хонгаку* в качестве основы пространственных аргументов в пользу признания того, что даже растения и деревья обладают “природой Будды” (яп. *сомоку дзе:буцу*).

Согласно До:гэну, в практике и “просветленности” нет разделений. Между ними нет ни переходных этапов, ни различий, т.е. практиковать дзэн следует и после достижения “просветленного” состояния. Поэтому До:гэн также считал, что между буддийским мировоззрением и общественной деятельностью разницы не существует: “Тот, кто считает мирские дела препятствием для своих практик, знает лишь то, что в мирских делах нет Пути, не ведая, что Путь и мирские дела нераздельны”³⁷.

В этой связи следует отметить, что вслед за До:гэном постижение “истинной природы” (“просветление”) в системе практики японского Дзэн стало рассматриваться не как конечный итог, а как процесс непрерывного совершенствования и развития духа. “Просветление” — начало, но не конец постижения Истины. Оно предполагает процесс дальнейшего совершенствования и развития духа до полной зрелости. Это следующее за *сатори* развитие вместе с предшествующими *сатори* поиском и стремлением есть то, что дзэн-буддисты называют *ге*: (кит. *син* — “занятие”, “действие”, “движение”, “деятельность”). Без *ге*: “просветление” не может быть полностью достигнуто и реализовано. Больше того — без постоянно возобновляющегося процесса “продвижения в духе” *сатори* “выцветает”. Следовательно, дзэнское “просветление” предполагает непрерывную практическую саморегуляцию сознания, приравниваемую к “истинному постижению бытия”.

Учение До:гэна является одним из примеров влияния принципа *хонгаку* на религиозно-философские построения и эстетические настроения средневековой Японии. В системе мышления “изначальной просветленности” стирается имплицитная дуализму иерархия, а следом за ней — привычка относить некоторые феномены к категории “просто средств”, подчиненной другой категории — целей.

Во многом именно следствием логики *хонгаку* явилось возникновение весьма специфического эстетического направления, обычно ассоциируемого с Дзэн. Согласно требованиям этой традиции, восприятие и сознание поэта должны вернуться к “простому осознанию” простых явлений. Из утверждения абсолютного равенства феноменов следует, что одна вещь не должна служить указателем на другую (т.е. не должна выступать в качестве ее символа), или средством для ее познания.

Символы по определению подразумевают двухуровневость бытия: когда нечто трансформируется в символ, оно остается тем, чем было ранее, но к тому же становится чем-то еще. Так для средневекового японского буддиста по-

остоялый двор, где путешественник оставался на ночлег, стал символом быстротечности, преходящего характера человеческого бытия.

С точки же зрения хонгаку, сам процесс символизации снижает способность “правильного видения” “гор — как гор”, а “вод — как вод”. Следует фокусировать внимание на феноменах ради них самих. В конечном счете постоянные дворы — это не более чем дорожные гостиницы. Таким образом, в системе самой буддийской философии на основе принципа “изначальной просветленности” развивается своеобразная критика буддийской символики, обусловившая в дальнейшем ее секуляризацию.

Поэзия, развивавшаяся в рамках упомянутого выше течения, намерено отвергает попытки открыть подтексты, “значения”, сокрытые в произведении и является эстетическим приглашением вернуться к “изначальной просветленности”, к “истинному видению” (стихи Сайге, 1118—1190; Фудзивара-но Тэйка, 1162—1241).

Прямо или косвенно учение Догэна о “единстве практики и просветления” сказалось и на творчестве самого значительного драматурга театра Но, одного из величайших мыслителей в японской истории — Дзэами Мотоки (1363—1443). В своем трактате “Предание о цветке стиля” (яп. “Фуси кадэн”, или “Предание о цветке” (яп. “Кадэнсе:”), он предложил ставший знаменитым афоризм: “Цветок — это сердце, а семя — это формы”³⁸. Сценическое “очарование”, сценический гений актера Дзэами трактовал в переносном смысле, как “цветок” (яп. хана). Путь к “цветку” прост, утверждал Дзэами. Необходимо владеть всем объемом технических навыков, освоить в совершенстве актерское ремесло (это и будет “семя” “цветка” — яп. се:), а затем проникнуть в дух искусства (это будет сам “цветок”). Обладание тем и другим создает цветок неутрачиваемый (“долговременный”, т.е. истинный). Дзэами отрицает внутренний иерархический порядок. Технические навыки суть не просто средство обретения “цветка” (сценического обаяния), они и есть сам “цветок”. В пятой части трактата — “О сокровенных принципах” — читаем: “Принято говорить, что особенно наше искусство держится своей традиции. И однако же, когда имеешь манеру [игры], рожденную из твоих собственных возможностей, то такое [мастерство] — неизреченно. Обретение подобного стиля есть цветок, в который посвящают через сердце в сердце, и поэтому я называю [эти записи] “Предание о цветке стиля”³⁹. ““Долговечный цветок” при слабом мастерстве невозможен. “Неимение же долговременного цветка можно почитать равным незнанию никаких стилей”, — заключает Дзэами свои рассуждения, в которых связывает воедино цветок, мастерство и стиль”⁴⁰. Таким образом, он утверждает идентичность практики и цели.

С другой стороны, согласно Дзэами, сценическое обаяние “должно быть присуще актеру столь же естественно, цветок так же должен быть органическим свойством его природы, как цветущему дереву от природы суждено породить цветы”⁴¹. Иными словами, проявление “цветка” актера как результат совершенствования его мастерства возможно, поскольку сам “цветок” изначально присутствует в сердце (сознании). Этот постулат Дзэами сразу включает его в традицию, идущую от Нагарджуны (единство *нирваны* и *сансары*), через “Трактат об обретении веры в махаяну”, учение Ку:кая о “достижении [состояния] Будды в своем нынешнем теле” к пониманию хонгаку в философии Догэна.

У дзэнского мыслителя Хакуина Экаку (1686—1789) положение о “единстве средства и цели” на основе “изначальной просветленности” получило дальнейшее развитие и еще более яркое выражение.

Принцип хонгаку обусловил у него неразрывность двух главных аспектов практики “внутреннего взгляда” (яп. *найкан синсю*; кит. *нэй гуань чжэнь*)

сю): “видения” (созерцания) и “действия”. Обнаружение в себе “природы Будды” (яп. *буцусе:*) — изначально, безусловной, абсолютной реальности — и ее реализация рассматриваются в контексте “внутреннего видения” (яп. *найкан*) и “действий по совершенствованию духа” (яп. *се:син куфу:*; кит. *цзин цзинь гунфу*) как единого целого.

“*Се:син куфу:*” я перевожу как “действия по совершенствованию духа”, исходя при этом из специфики дзэн-буддийской терминологии — в данном случае, как представляется, имеется в виду предъявляемое к ученику требование продвигаться вперед в своей практике⁴².

Наиболее близкий по смыслу перевод слова *куфу:* в данном контексте — “волевой поиск”. Система Дзэн подразумевает поиск “высшей истины” путем волевого “совершенствования духа”, тренинг душевный (психический) и духовный⁴³. В “Оратэгама” Хакуин употребляет термин *куфу:* в значении “мастерство”, “умение”, “действия по самосовершенствованию”, подразумевая тем самым “искусство истинной медитации” — сложный метод, объединяющий в единое целое практику и “сидячей медитации” (яп. *дзадзэн*), и размышления над коанами (парадоксальными задачами, яп. *канна-дзэн*).

Практические действия совершаются в соответствии с “духовным принципом”, в качестве которого у Хакуина выступает прозрение, видение “истинной”, “сокровенной природы” (яп. *синсе:*; кит. *чжэнь син*) всего сущего.

Обретение “внутреннего духовного опыта” (фундамент дзэн-буддизма) приводит к тому, что человек обнаруживает Абсолют, Будду “в теле Дхармы” как единственную истинную реальность, в своей природе. Познав, что такое его “истинная природа”, человек достигает совершенства Будды только одним этим пониманием. Он соприкасается с Буддой, обнаруживает его в своей природе непосредственно, без всякой дискурсии, без всяких слов. Речь идет о так называемом радикальном способе медитации — непосредственном созерцании реальности “мира Будды”⁴⁴, которое приводит к “просветлению”⁴⁵.

Здесь обнаруживается основополагающий принцип дзэнской (чаньской) психологии, согласно которому “просветленное” состояние сознания изначально присутствует в обыденном сознании каждого человека, поэтому его следует искать не в ритуалах, предметах культа, религиозных символах, а в “истинной (изначальной) человеческой природе” (*синсе:*), которая есть “природа Будды” (*буцусе:*).

Обладание “природой Будды” предполагает обладание всеми его качествами, в том числе и “изначальной просветленностью”, благодаря чему и возможна реализация человеком способности “внутреннего видения”. В результате развития “внутреннего видения” адепт обретает “целостность духа”. Духовное совершенство приводит его к самовосполнению и самопроявлению в акте творения повседневной жизни: “Не говорится ли [об этом] также и в военных трактатах: “Сражайтесь и вместе с тем возделывайте землю. Не это ли самое важное?”

Изучение Дзэн как раз и есть то же самое. Истинная медитация есть настоящая искусство сражения. [Практика] внутреннего взгляда есть возделывание земли. Это два крыла одной птицы, два колеса одной колесницы”⁴⁶.

Поскольку философия практики “внутреннего взгляда” сводится к преодолению дуальности мировосприятия, ее реальное приложение естественным образом заключалось в нахождении оптимального равновесия между “действиями по совершенствованию духа” и “обретением просветленности”. Требование внутренней работы для достижения “просветления” означало обращение к обыденному и повседневному, которое в любой миг может стать самым важным и сакральным — все зависит от отношения к нему человека, от его точки зрения. В результате Хакуин не проводит разграничение между мирянином и монахом. Каждый может достичь “просветления”, все зависит от интенсивно-

сти его продвижения в духе. По этому поводу дзэнский мыслитель отмечал: "Будь ты даже монахом, но если ты не продвигаешься упорно по Пути [к просветлению], если твои помыслы не чисты, то чем [ты] отличаешься от мирянина? Будь ты даже мирянином, но если ты продвигаешься упорно на Пути [к Просветлению], если твои помыслы чисты, то чем ты отличаешься от монаха?"⁴⁷.

В результате развития способности "внутреннего видения", по мнению Хакуина, человек обретает "целостность духа". Духовное совершенство приводит его к самовосполнению и самопроявлению в акте творения повседневной жизни.

Призыв к самому активному участию в практической деятельности стимулировал чисто прикладное применение достижений дзэнской психотехники, что расширяло и усиливало адаптирующее воздействие практики "продвижения в духе" на окружающую социокультурную среду. Богатый психорегулятивный опыт дзэнской традиции сыграл большую роль в формировании социально-психологического стереотипа японцев и оказал несомненное влияние на их поведенческие нормы.

Концепция *хонгаку*, во многом сформировавшая мировоззренческие основания буддийской культуры Японии, обусловила "земную", практическую направленность ее основных школ и направлений, с одной стороны, и представление буддийских мыслителей об абсолютном равенстве феноменов и ценностей, средств и целей, с другой. Отрицание дихотомии телесного и духовного давало верующему надежду на достижение "просветления" еще в этой жизни с помощью его собственных сил (яп. *дзирики*), так как само "просветление" заключено в "изначальной природе" человека. Благодаря концепции "исходной просветленности" в японском искусстве и эстетической мысли появился принцип возврата к "истинному видению", к "возобновленной простоте".

1. Для перевода санскритского термина *бодхи*, которым обозначается высшее переживание принца-отшельника Сиддхартхи Гаутамы, Е.А. Торчинов отдал предпочтение слову "пробуждение". Оно, по его мнению, "четко выражает имманентный психотехнический смысл происшедшего с Сиддхартхой, тогда как "просветление" содержит в себе намек на действие некоей трансцендентной просветляющей силы, оказывающей благодатное воздействие на ее восприимчика" (см.: Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1997. С. 219). Соглашаясь с аргументацией Е.А. Торчинова, я тем не менее буду придерживаться традиционного перевода, привычного для читателя.
2. Е.А. Торчинов отметил тонкое различие между брахманским термином *адвайта* и буддийским *адвайя*, обозначающими не-двойственность, недUALность. Первый из них акцентирует единство реальности, второй — отсутствие в истинной реальности оппозиций, противоположностей (субъект и объект вовсе не являются противоположностями: и то и другое есть, но их противостояния нет) (см.: Философия китайского буддизма. Пер. с кит. яз., предисл. и коммент. Е.А. Торчинова. СПб., 2001. С. 141).
3. Классическая *махаяна* представлена двумя течениями: *мадхьямакой* (*шуньявадой*) и *йогаচারой* (*виджнянавадой*). Дж. Сингх указывает, что распространенное в западных работах название *мадхьямика* — неверно. *Мадхьямика* — последователь этого течения, а само течение — *мадхьямака* (яп. *тю:до*, букв. "срединный путь"). См.: Singh J. An Introduction to Madhyamaka Philosophy. Delhi, 1976. P. 4).
4. Философия китайского буддизма. С. 8.
5. Об учении Сингон-сю: как японской версии тантрического буддизма см.: Буддизм. Словарь. М., 1992. С. 227; Буддизм в Японии. М., 1993. С. 132; Буддийская философия в средневековой Японии. М., 1998. С. 155-162.
6. Философия китайского буддизма. С. 96.
7. Философия китайского буддизма. С. 58.
8. Буддизм в Японии. С. 153.

9. Кальпа (санскр.; кит. *цзе*, яп. *го*) — в буддийской космологии период существования Вселенной, или один "поворот колеса времени Вселенной"; традиционная единица измерения времени, обозначающая бесконечно долгий период.
10. Буддизм в Японии. С. 139-140.
11. Кэгон-сю: (кит. Хуаянь-цзун) — японская версия китайской буддийской школы Хуаянь-цзун. Главный канонический текст — "Сутра о величии цветка" (санскр. Аватамсака-сутра, кит. Хуаянь-цзин, яп. Кэгон-кё; самая поздняя версия текста появилась в середине VIII в.).
12. Тэндай-сю: — японская версия китайской буддийской школы Тяньтай-цзун, принесена в Японию в начале IX в. Сайтё (767-822).
13. По учению махаяны, Будда проявляет себя в трех "телах" (санскр. *три-кая*, кит. *сань шэнь*, яп. *сансин* или *сандзин*): 1. "Тело Закона" ("Тело Дхармы", санскр. *Дхарма-кая*, кит. *фашиэнь*, яп. *хоссин*) — базисная ипостась Будды. 2. "Тело воздаяния" (санскр. *самбхога-кая*, кит. *баошиэнь*, яп. *хо:дзин*) — "вечное мистическое тело наслаждения (блаженства)". В этом "теле" Будда является на уровне миров форм и не-форм. 3. "Тело соответствия" (санскр. *нирмана-кая*, кит. *иншиэнь*, яп. *о:дзин*) — "феноменальное тело", переходящее физическое тело Будды (Будда Шакьямуни). Реальность, в которой Будда проявляется в "теле соответствия", — это условная реальность.
14. Цит. по: Буддизм в Японии. С. 73.
15. Будда Вайрочана (санскр.), Бирусяна (яп.) — один из пяти *дхьяни-будд*, олицетворение "зерцалоподобной мудрости". Главный будда в учениях школы Хуаянь/Кэгон и школ эзотерического буддизма (где носит имена Махавайрочана, т.е. Великий Вайрочана, или Великое Солнце, кит. *Дажу*, яп. *Дайнити*).
16. Буддизм в Японии. С. 75.
17. *Алая-виджняна* — в классической *виджнянаваде* Асанги и Васубандху — восьмое, субстратное сознание, источник всех эмпирических форм сознания и вместилище следов-впечатлений, "семян" (санскр. *биджа*), закладываемых и определяемых "силой привычки" как своего рода зародышей последующих тенденций деятельности живого существа (см.: Философия китайского буддизма. С. 125).
18. Согласно учению о "прекращении [неведения] и постижении [сути], разработанному тяньтайским патриархом Чжичжэ (Чжи, 538-597), существуют три типа "прекращения и постижения": "постепенное" (кит. *цзяньцы*, яп. *дзэндзи*); "неопределенное" (кит. *будин*, яп. *фудзё*); "круглое и внезапное" (кит. *юаньдунь*, яп. *энтон*). Наиболее эффективным, (но и самым сложным для выполнения) является "круглое" (т.е. совершенное. — Д.Г.) и внезапное прекращение [неведения] и постижение [сути]. Причем "внезапным" является обретение "плода", т.е. озарение и открытие в себе "мира Будды", однако ему предшествует долгая практика — постепенное прохождение по ступеням, ведущим к "просветлению".
19. Буддизм в Японии. С. 121.
20. Буддизм в Японии. С.145.
21. Буддизм в Японии. С. 146.
22. Буддизм в Японии. С. 412.
23. Там же.
24. Там же.
25. Ко:бо: Дайси тэсаку дзэнсю: ("Полное собрание сочинений Ко:бо: Дайси"). Токио, 1968. Т. 2. С. 25; Буддизм в Японии. С. 162.
26. Санрон-сю: (кит. *Саньлунь-цзун*, букв. "Школа трех трактатов", VIII в.) — японизированная форма китайской версии *мадхьямахи*.
27. Хоссо-сю: (кит. Фасян-цзун) — японизированная форма китайской версии *виджнянавады* (*йогачары*).
28. Сото-сю: — японская версия одного из направлений Чань, школы Цаодун. Принесший ее учение в Японию Догэн предписывал для достижения *сатори* применять исключительно классическую "сидячую медитацию" (кит. *цзо чань*, яп. *дзадзэн*).
29. Цит. по: Догэн. Избранное. М., 1999. С. 14.
30. Цит. по: Маслов А.А. Письмена на воде. Первые наставники Чань в Китае. М., 2000. С. 319.
31. Юаса Ясуо. Догэн-Синран-ни окэру нихонтэки — дзиссонтэки-на моно. Дзиссонсюги кодза. I. Токио, 1968. С. 312.

32. Там же. С. 23.
33. Цит. по: Догэн. Избранное. С. 69.
34. Абэ С. Религия материалиста. Вселенская жизнь человека. М., 1993. С. 45.
35. Поскольку "природа Будды", согласно Нагарджуне, изначально содержится во всех живых существах, а *нирвана* трактуется как постижение этой универсальной субстанции, то *нирвана* содержится в *сансаре* (иллюзорном, преходящем феноменальном бытии).
36. Цит. по: Догэн. Избранное. С. 66.
37. Цит. по: Там же. С. 82.
38. Цит. по: Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн) или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер с яп., предисл. и коммент. Г.М. Анариной. М., 1989. С. 49.
39. Цит. по: Там же. С. 49.
40. Там же. С. 50.
41. Цит. по: Там же. С. 47.
42. В даосских текстах этим термином обозначается психическое действие, обеспечивающее течение "семени" *цзин* (яп. *сё*:) вверх по позвоночному столбу к головному мозгу, что соответствует даосскому принципу "попятного течения" (кит. *ни лю*) как основы "внутреннего делания". Исходное значение "сё:" (кит. *цзин*) "отборный, очищенный рис", обрело два семантических полюса: "*семя*" (физическая эссенция) и "*дух*" (психическая эссенция) (см.: Кобзев А.И. Цзин [3] // Китайская философия: энциклопедический словарь. М., 1994. С. 407). В контексте учения и практики дзэн-буддизма, как представляется, актуально второе значение *сё*: — "*дух*".
43. См.: Анарина Н.Г. Три статьи о японском менталитете. М., 1993. С. 39.
44. Чжичжэ различал два подхода к медитативной практике: "радикальный" способ — непосредственное "созерцание" реальности "мира будды"; и более постепенный — концентрация мыслей на имени, образе и добродетелях какого-либо будды. "Радикальный" способ предполагает умение практикующего отказаться от всех ложных теорий, отбросить все случайные мысли, избегать каких-либо характеристик и полностью погрузиться в переживание "мира Будды", отождествляя собственное состояние с "миром Будды". См.: Stevenson D. The Four Kinds of Samadhi in Early T'ien-t'ai Buddhism. — Traditions of Meditation in Chinese Buddhism. Honolulu, 1968. P. 322.
45. Ibid.
46. Хакуин Экаку. Оратэгама. Пер. на совр. яп. и коммент. Камада Сигэю. Токио, 1994. С. 122.
47. Там же. С. 132-133.

Загадочный "мир Харуки Мураками"

© 2003

К. Родченкова

Современный японский писатель Харуки Мураками (родился в 1949 г.) обратил на себя внимание японских критиков уже первыми публикациями. В 1979 г. он получает за свое первое произведение "Слушая песню ветра" приз литературного журнала "Гундзо", учрежденный в Японии для ранее не публиковавшихся писателей. С тех пор на протяжении уже почти четверти века Мураками буквально завораживает своим творчеством души читателей не только Японии, но и десятков зарубежных стран. Его произведения приобрели огромную популярность за границей, в том числе и в России, где молодые читатели, как пишет газета "Асахи", "с головой погрузились в творчество Мураками"¹. И это действительно так: в прошлом году только московский Дом Книги продал примерно 20 тыс. экземпляров его книг.

Произведения Мураками уже переведены на 29 языков мира и стали бестселлерами. Критики даже называют это странной болезнью "Мураками-мания"². Примечательно, что за границей произведения Мураками сейчас востребованы, пожалуй, больше, чем в самой Японии. Например, в стране Восточной Азии его "легкий" стиль породил множество писателей-подражателей, так называемых "детей Мураками". В Южной Корее его работы не покидают первых мест в списке бестселлеров. Чё Янг Юк, директор Института Японской литературы в Сеуле отмечает, что произведения Харуки Мураками "в Южной Корее так же популярны как и в Японии"³. Там уже изданы переводы его 50 книг. В них включены, кроме художественных произведений, еще и эссе и различные интервью.

Большинство японских и зарубежных критиков, анализируя творчество Мураками, отмечают, что он создает мир, где герои, запутавшиеся в своей жизни, бессмысленно скитаются по городским кварталам современной Японии. Они поглощают, в прямом и переносном смысле, продукты западной культуры, начиная с бесчисленных гамбургеров и чизбургеров и заканчивая поп- и рок-музыкой. В этом мире любовь — это только случайные встречи, где женщины неженственны, а властны и бесчувственны. Мужчины же — слабы и безвольны, живут по принципу никому не докучать и никого не нервировать. Они только и мечтают о новой комфортной машине и о том, как можно беззаботно прожить всю жизнь, слушая музыку "Битлз" или "Бич Бойз". Кругом сплошной мир поп-культуры американского типа. Это общество — потребления с его характерным внешним материальным достатком, но с абсолютной внутренней пустотой, то есть с полным отсутствием духовности.

В этом мире, как заметила французский литературный критик Агнэ Жиар, "тебя не покидает чувство горечи, чувство полной пустоты"⁴. Тогда возникает вопрос: почему именно этот "мир Мураками" проникает в душу совершенно разных людей, живущих в странах с различными ценностями и традициями? Почему за рубежом его творчество было принято читателями и критиками практически сразу? Может быть потому, что он смог понять замешательство большинства представителей нового поколения молодежи в различных странах, которые не в состоянии найти удовлетворение от жизни в обществе потребления, но при этом даже не задумываются над тем, что надо что-то менять или хотя бы попытаться заявить о своих проблемах, стремиться выбраться из — под пресса системы. Мураками надеется, что его "книги помогут им ощутить чувство свободы — свободы от реального мира"⁵.

Мураками описывает не только жизнь современной Японии. Сэм Норт, редактор известного журнала по культуре и искусствоведению "Хакрайтерс", считает, что "он пишет о потерянных человеческих душах, которые скитаются в поисках хотя бы маленького счастья". "Даже я, — признается Сэм Норт, — который полагал, что со мной все в порядке, прочитав лишь одно из его произведений, понял, что на самом деле я совершенно другой"⁶. Они открывают дверь в душу читателя, а также в этот странный мир городского пространства, переполненный, с одной стороны, различными психопатами, музыкой, сексом, едой, а с другой — монстрами, призраками тьмы, которые вторгаются в эту жизнь и переворачивают обычный ее ход. Все это, замечает Сэм Норт, "просто происходит в тебя и становится с тобой одним целым"⁷.

Мураками, наглядно изображая банальность современного существования человечества, помогает читателям опомниться. Он заставляет их задуматься над своим образом жизни, над своими идеалами, помогает раскрыть глаза на мир, демонстрирует то, что они были не в состоянии увидеть и понять, так как до этого скитались по своей банальной жизни с шорами на глазах, погрузившись с головой в повседневные заботы. Газета "Вашингтон Пост" признала Мураками лучшим писателем "современной Японии, страны, ошеломленной внезапным изобилием, ищущей потерянные идеалы. В его Японии старые традиции разрушаются, а их место занимают различные, не имеющие никакого смысла идеалы, и никто не знает, что будет дальше"⁸.

Одна из привлекательных, но также и шокирующих черт произведений Мураками заключается в том, что в конце прочтения большинства его произведений читателя не покидает ощущение того, что там, внутри закрытой книги, герои продолжают жить. Туда, в эту жизнь тянет. Не зря его произведения сравнивают с наркотиком. Совершенно не случайно Френсис Лин, помощник редактора известного американского литературного журнала "Триппени Ревью", замечает: "В начале чтения его книг ощущаешь опьяняющее восхищение, к которому постепенно привыкаешь как к наркотику"⁹.

Уже в реальной жизни после "мира Мураками" невольно пытаешься поймать тень монстра, найти границу между двумя мирами, миром повседневной банальности и загадочным параллельным миром призраков тьмы. Американский журналист Филипп Вэйс заметил, что японскому писателю Харуки Мураками удалось завоевать сердца читателей в других странах прежде всего потому, что "в его произведениях так легко перемещаться из реальной жизни меркантильных трудоголиков в ужасы чувствительного воображения"¹⁰. Для этого не обязательно ехать в Японию или быть японцем. Хотя действия в произведениях разворачиваются, в основном, в Токио, "мир Мураками" приобретает планетарный масштаб, затрагивает проблемы всего человечества. "Все это, — отмечается в редакционном обзоре журнала "Экономист", — могло происходить и в любом другом уголке мира, в каком-то другом безжалостном городе, где люди теряются, как слезы во время дождя, где найти свою любовь так же сложно, как играть с кубиком Рубика в потемках..."¹¹

Профессор японской литературы в Национальном университете Южной Кореи Норико Каянума пишет, что молодые читатели “начинают сопереживать японцам их возраста благодаря книгам Мураками. Они осознают, что у японской молодежи такие же как и у них чувства, проблемы и переживания”.¹² Еще более масштабным вопросом задается профессор японской литературы Гарвардского университета Джэй Робин: “Это голос нашего времени? Но если судить по реакции людей различных культур, то можно сказать, что творчество Мураками делает что-то невероятное с читателями разных культур, и это вызывает рост популярности японской литературы”¹³.

Русскоязычный читатель также получил возможность достаточно подробно ознакомиться с творчеством Мураками по переводам его основных произведений, таких как “Охота на овец”, Dance, Dance, Dance, “Слушай песню ветра”, “Пинбол 1973”, “Хроники Заводной птицы”, “Страна Чудес без тормозов и Конец света”. В России сначала не решались издавать книги Мураками, так как боялись, что на них не будет спроса, но, оказалось, что эти страхи были беспочвенны. Мураками в России полюбили и, кажется, надолго. Беседы со студентами в Москве показывают, что большинство из них прочитало хотя бы одно из произведений Мураками, а многие — 3–4 книги. Те, с кем предоставилась возможность побеседовать, заметили, что в своих произведениях Мураками заполняет духовную пустоту героев набором всевозможных предметов материального мира, только вещи являются неотъемлемой частью городской жизни, там нет места настоящим чувствам. Именно это заставляет читателей задуматься над тем, почему городские жители больше не в состоянии общаться друг с другом, почему они способны только на бессмысленное потребление. Это совпадает с мнением японского критика Харука Фукума, который признает, что “зачитывается Мураками”¹⁴ и воспринимает “восхваление банальности” как осознанную тактику автора, с помощью которой он пытается изобразить мир, в который попадет человечество, если вовремя не задумается о смысле своего существования.

Однако в Японии отношение к творчеству Мураками не столь однозначно. С одной стороны, ряд критиков, таких как Харука Фукума и Тэцуо Мацуда, сравнивают его со “светом в сумерках”, который, “что бы не случилось в мире”, поможет “найти выход из тупика”¹⁵. Есть в Японии и те, у кого огромная популярность произведений Мураками как на родине, так и за рубежом вызывает неприязнь. И это не обусловлено только банальной завистью.

Дело в том, что в Японии вся литература делится на “высокую”, дословно “чистую” (дзюн-бунгаку) и “массовую” (тайсю-бунгаку). Писатели из “высокой” литературы стремятся получить Премию Акутагава (Акутагава Рюноскэ сё), которую учредил в 1935 г. Кан Кикиути, издатель журнала “Бунгэй Сюдзю” в честь Рюноскэ Акутагава, одного из самых известных писателей “высокой” литературы. Писатели, произведения которых рассчитаны на массового читателя, претендуют на премию Наоки, учрежденную тем же издательским домом в том же 1935 г., но в честь представителя “массовой” литературы Сандзюго Наоки.

Что касается Мураками, то в его коллекции литературных наград ни одной из вышеперечисленных премий нет.

Профессор Токийского Университета Мицуёси Нумано следующим образом разъясняет сложившуюся ситуацию: “Работы Мураками принадлежат промежуточной литературе (тюкан сёсэцу)”¹⁶. По его мнению “если писатель принадлежит к высокой литературе, то его произведения не продаются в таком количестве”.¹⁷ Одна из последних работ Мураками “Кафка на побережье”, опубликованная в сентябре 2002 г., опять вызвала огромное недовольство среди сторонников “чистоты традиционной японской эстетики”. Но обвинения сводились прежде всего к тому, что за два месяца произведение сразу же возглавило список бестселлеров и разошлось тиражом в 460 тыс. экземпляров в течение 2-х месяцев. На эти весьма сомнительные обвинения Мураками в одном

из интервью отвечает: "Некоторые люди полагают, что литература принадлежит к высокой культуре, и что она должна иметь узкий круг читателей. Я так не думаю... Мне приходится конкурировать с такими видами поп-культуры как телевидение, журналы и видеоигры".¹⁸

В Японии Мураками критиковали и критикуют также за то, что он "предал японские литературные традиции", которых придерживались нобелевские лауреаты Ясунари Кавабата, Кэндзабуро Оэ и многие другие японские классики, например, Дзюнъитиро Танидзаки, Мори Огай, за то, что он попал под влияние зарубежной поп-культуры. В глазах некоторых японских критиков Мураками — "маслоед", так в стране Восходящего Солнца, где до недавнего времени, в отличие от Запада, к молочным продуктам относились с пренебрежением, традиционно называют чужаков.

В 1986 г., на следующий год после того, как вышла в свет книга "Страна Чудес без тормозов и Конец света" (1985), Кэндзабуро Оэ, публикует статью под названием "Жалобная песня писателя". В ней он критикует Мураками за то, что тот в своих произведениях, "изображая образ жизни молодежи, не обратился к интеллигенции в широком смысле этого слова, не изложил модель настоящего и будущего Японии".¹⁹ Через два года свою другую статью Оэ начинает с риторического вопроса: "Загнивает ли японская литература?". По его мнению, "начиная с 1985 г., в списке бестселлеров нет ни одного произведения высокой литературы, ни среди художественных, ни среди научных работ"²⁰. Говоря о творчестве Мураками, Оэ утверждает недовольство тем, что его произведения не относятся к "высокой литературе". По его мнению, популярность Мураками свидетельствуют о процессе разложения современной японской литературы.

Что бы не говорили критики Мураками, но его популярность у читателей в Японии и за рубежом необычайно высока. По этому поводу одна из тайваньских газет писала, что придут времена, когда японские банкноты будут украшены изображением Мураками, подобно изображению одного из самых известных японских писателей начала XX века, Нацумэ Сосэки на 1000- йеновой банкноте.²¹

Сам Мураками не очень огорчается тем, что его творчество не относят к "высокой литературе". В одном из интервью он говорит: "В мире японской литературы сильно ощущается иерархичная система, в которой надо пройти путь с самого низа наверх. И если ты на вершине, то ты имеешь право оценивать других писателей. Ты читаешь различные произведения, потом вручаешь различные награды. Но там, наверху, даже не подозревают, чем занимаются внизу молодые писатели... Когда я написал свои первые произведения, верхи заявили, что японская литература загнивает, находится в упадке. Это не упадок, это просто что-то новое. Многие не любят перемен. Писатели старшего поколения живут в очень замкнутом мире. Они не имеют никакого понятия о том, что происходит вокруг".²²

В связи с этим американский литературный критик Джэй Рубин подчеркивает, что отрицательное отношение Оэ к творчеству Мураками имеет "четкий оттенок определенного поколения"²³. Для Оэ "высокая литература" ассоциируется с рассуждениями о социальной борьбе, которая была характерна для эпохи первых послевоенных десятилетий, 40-60-х годов. В то время писатели "жили духом борьбы против войны и фашистского правительства".²⁴ И поэтому для Оэ изображение социальной борьбы является просто неотъемлемой частью "высокой литературы". С этим высказыванием созвучно и мнение японского писателя Наоми Ватанабэ, который с гордостью называет себя "упорным критиком Мураками"²⁵. В статье, написанной в 1998 г., он относит творчество Мураками в "миру трусости", в котором герои любым способом пытаются избежать контакта с обществом.

В свою очередь японский критик Такааки Ёсимото, в статье "Обаяние "Danse, Dance, Danse" (1989) критикует Мураками за то, что он сгущает крас-

ки при описании проблем современного мира. Ёсимото согласен с тем, что в мире происходят серьезные перемены, но не в таких масштабах как в своих произведениях изображает Мураками. Это всего лишь выдумки писателя, который, "испытав все прелести жизни, просто пытается ввести читателя в мир загадочных мифов и проблем".²⁶ Но это далеко не так. В одном из интервью Мураками говорит: "1968 или 1969 годы были идеалистическим временем, у нас была своя философия, у нас был марксизм. Но эта пора прошла. Современная молодежь не знает чем заняться, куда пойти, в частности в Японии... Если бы я написал мои книги в 70-е годы, никто бы не читал их. После войны мир стал лучше, жить стало легче. Но не все так просто: мы стали богаче, но мы все-таки не знаем по какому пути нам идти".²⁷

В своих произведениях Мураками заполняет духовную пустоту общества перечислением всевозможных вещей. Его книги изобилуют названием рок-групп, джазовых пластинок, марками машин, пива. Такое восхваление вещей повлияло на отношение к его творчеству литературных критиков. Разброс мнения довольно-таки большой. Например, Оэ видит в этом всего лишь изображение банального образа жизни молодежи, а писателю Миёси Масао не нравится его "изошренная стилизация обыденности".²⁸ Масао даже заявил, что "только сумасшедшие могут зачитываться" произведениям Мураками. Для критика Кодзин Каратани счастье городского потребительства, изображаемое в работах Мураками, — всего лишь стремление писателя показать читателям главного героя как "исключительную личность", который "путем изображения своего восторга вещами испытывает чувство превосходства над теми, кто упорно пытается что-то найти в этой жизни"²⁹. Каратани сравнивает эту "исключительную личность" с "мошенником", который "воспринимает отказ от борьбы как полную победу над обществом"³⁰.

Не однозначно отношение критиков и к "вещизму" Мураками. Так, американская писательница Харна Вёрс Нэшер считает, что в работах Мураками вещи "показывают то, что есть на самом деле", но если их в произведении слишком много, то они еще и помогают осознать, чего "не хватает"³¹. В случае с Мураками, считает Нэшер, не хватает человека как личности.

Действительно, современная городская жизнь в произведениях Мураками изображается как каждодневные походы по магазинам, где тщательный выбор товаров воспринимается как попытка самовыражения. Этот процесс выбора вещей с дотошной аккуратностью становится, по Мураками, единственным способом самопроявления в обществе людей, воспринимающих себя как личность. Но это совершенно не означает, что, изображая таким образом жизнь молодежи, он соглашается с этим способом жизни. Наоборот, решительно отказывается от слепого согласия с этой действительностью.

Постиндустриальная культура, которая расширяет свои рамки в мировом масштабе, требует от нас, как предложил профессор Колумбийского университета Эдвард Сэйд, "пересмотреть некоторые традиционные взгляды японских критиков". Например, "предположение, что литература существует только в национальных границах и что литература находится всегда в неизменном виде, не подвергаясь никаким изменениям"³². Именно на такое глобальное будущее литературы работает Мураками. И именно это подтверждает сам Мураками в своей беседе с Джейм Мак Инернеем, утверждая, что "старое поколение недовольно тем, что происходит угасание литературы... Но это не так, просто мои современники и я стараемся создать новый японский язык. Если ты хочешь говорить о чем-то новом, тебе придется говорить на новом языке"³³, общем для всего человечества. Мураками, по его словам, старается "что-то предпринять, чтобы вывести Японию из языковой изоляции, которой японцы долгое время гордились". Он хочет общаться с остальным миром на этом новом языке. Конечно, Мураками ценит красоту, утонченность языка, которым пользовался Юкио Мисима, но для него "все традиции принадлежат прошлому и не могут по-настоящему что-то сказать о современной Японии"³⁴.

Каким бы ни было отношение к творчеству Мураками, он остается истинно японским писателем. На протяжении веков литература Японии развивалась, не стояла на месте, разные поколения писателей придавали ей новый облик. Но неизменным остался такой принцип японского литературного мышления как “моно-но аварэ”. В буквальном переводе — это “очарование вещей”. (“Моно” — это “вещь”, “нечто” в самом широком смысле слова. “Аварэ” — “прекрасное”, “трогательное”.) “Моно-но аварэ” — неповторимое очарование, присущее каждой вещи или явлению, вызывающее эмоциональный восторг, но с оттенком грусти, так как все в этой жизни не вечно, все куда-то ускользает. Считалось, что задача художника в искусстве — выявить и выразить “аварэ” в изящной форме. Во время зарождения этого явления, а именно в период Хэйан (794-1185), период расцвета средневековой японской культуры, литературные круги простили бы писателям отступление от достоверности характера или событий, но не простили бы “безвкусицы”, отсутствие “аварэ”. И может быть и сейчас критики, которые считают Мураками “предателем традиций”, смягчат свой гнев на милость, так как произведения Мураками пропитаны сентиментальной грустью, нежным чувством горечи, которое испытываешь, придаваясь ностальгическим воспоминаниям о прошлом, чувству, которое известно в Японии как “моно-но аварэ” или “очарование вещей”. Сам Мураками в одном из интервью говорит: “Главная тема в моих произведениях — это изображение того, что прошло, того, что потеряно”.³⁵

Мир Мураками — это реальность вперемешку со сновидениями, где герои ищут каждый свой способ отвлечься от происходящего. Это мир, в котором печальные герои говорят о проблемах с такой простотой и мудростью одновременно, что создается впечатление, что это твои друзья, которых хочется слушать всегда. Перед глазами читателей проходит жизнь поколения “Эры пустоты”, свершаются судьбы, и никто в них не вмешивается.

В отличие от Запада, где не считается предосудительным “влезть в душу”, Восток в этом смысле более гуманен. Здесь из человека не делают предмет исследования, да и сам человек не испытывает особого желания “копаться” в себе. Такое его поведение базируется на буддийском отношении к жизни, где мир иллюзорен, где истина лежит по ту сторону вещей, по ту сторону видимого мира и недоступна пониманию; поэтому надо следовать за своей душой или “просто танцевать”, как говорит Овца, один из представителей именно того потустороннего мира произведений Мураками.

Вряд ли можно считать обоснованным отрицательный настрой японских критиков по отношению к “нетрадиционному”, с их точки зрения, творчеству Мураками, в котором нет социальной борьбы главных героев, не выражено отношение автора к происходящим в обществе процессам. Тем более, что именно в традиционной японской литературе часто использовался принцип “недеяния” (увэй), пришедший из буддийской концепции о произрастании мира из самого себя. В связи с этим появилась тенденция, когда автор как бы остается безучастным, повинуется естественному ходу и ритму вещей. Именно эта концепция в средние века обусловила появление таких популярных в Японии литературных жанров как “дзуйхицу”, что буквально означает “следовать за кистью”, и “монологари”, что дословно можно перевести как “вещи рассказывают”. И именно Мураками исползует в своем творчестве такую “естественность” изложения, он “следует за кистью”. Вот что он говорит в своем творчестве: “Если бы я заранее знал, о чем я буду писать, то это было бы очень скучно. Образы людей и факты их жизни приходят ко мне произвольно. Я не выдумываю все это сам”.³⁶

Мураками добился изображения современного мира таким образом, что читатель начинает понимать: человек не живет, и проживает свою жизнь, является в ней и зрителем, и участником одновременно. Нет никакой критики, никаких осуждений, просто воссоздаются образы членов общества потребления, которые сгнут изнутри, если вовремя не опомнятся. Единственное пре-

пятствие на их пути — это они сами. Человек является неотъемлемой частью природы, поняв себя, можно понять ход вещей в нем.

- 1 Izuru Yokomura. Young Russian jump on the Murakami bandwagon // The Asahi Shimbun. 15 January 2003. P. 1.
- 2 Jean-Cristopher Castelli. Tokyo Prose // Harper Bazaar. March 1993. P. 2.
- 3 Cho Yang Uk. The Asahi Shimbun. 1 May 2000. P. 1.
- 4 Agnes Griad. Haruki Murakami, un sentiment tres doux de desespoir // Magazine litteraire du salon du livre. Mars 1997. , №352. P. 1.
- 5 Matt Thompson. Nobel prize winner in waiting? // The Guardian. 26 May 2001. P. 1.
- 6 Sam North. Haruki Murakami-outside looking in // The Hackwriters, 2001. P. 2.
- 7 Ibid. P. 2
- 8 The Washington Post. 25 December 1989.
- 9 Francie Lin Break on Through // Threepenny Review. Summer 2001. P. 2.
- 10 Philip Weiss. The New York Observer. 1 February 1999.
- 11 The Economist. 17 May 2001.
- 12 Velisarios Kattoulas. Pop Master // Time Asia. 25 November 2002. Vol. 160. № 20. P. 1.
- 13 Ibid. P. 1.
- 14 Фуками Харука. Мураками Харуки-но ута [Песнь Мураками Харуки] // Сэйкюся. 1990. С. 179.
- 15 Там же. С. 3
- 16 Там же. С. 2
- 17 Там же. С. 2
- 18 Там же. С. 2
- 19 Oe Kenzaburo. A Novelist's Lament // The Japan Times. 23 November 1986.
- 20 Oe Kenzaburo. Japan's Dual Identity: A Writer's Dilemma // World Literature Today. Summer 1988. P. 359.
- 21 Velisarios Kattoulas. Op. cit. Ibid. P. 3.
- 22 Roll over Basho: Who Japan is reading, and why? A dialog between Jay McInerney and Haruki Murakami // The New York Times Book Review. 27 September 1992. P. 4.
- 23 Jay Rubin. The other world of Haruki Murakami // Japan Quarterly. Oct.—Dec. 1992. P. 499.
- 24 Ibid. P. 499.
- 25 Ватанобэ Наоми. Тярити фудо-но кансэй [Ощущение благоприятных природных условий] // Нихон бунгаку кэнкю ронбун сю:сэй: Вакакуса Сёбо., 1998. Т. 46. Нихон бунгаку кэнкю ронбун сю:сэй. С. 239.
- 26 Ёсимото Такааки. Дансу, Дансу, Дансу-но мирёку. [Очарование Dance, Dance, Dance] // Синсё Фев. 1989. С. 239.
- 27 Katherine Knorr. A Japanese Novelist in Search of Lost Ideals. www.iht.com.
- 28 Masao Miyoshi. Off Center: Power and Culture Relation between Japan and United States : Harvard University Press, 1991. P. 235.
- 29 Каратани Кодзин. Сю:эн о мэгутте [По поводу смерти] // Фукутаку Сётэн. 1990. С. 90.
- 30 Там же. С. 91.
- 31 Hana Wirth-Nesher. City Codes: Riding The Modern Urban Novel: Cambridge University Press, 1996. P. 8.
- 32 Edward W. Said. Globalizing Literary Study: PMLA 2001. P. 64.
- 33 Roll over Basho Op. cit. P. 4.
- 34 Ibid. P. 4.
- 35 Katherine Knorr. Op. cit. www.iht.com.
- 36 Haruki Murakami in the interview with Matt Thomson // The Gardian. 26 May 2001.

Научная жизнь

В Ученом совете ИДВ РАН

5 сентября 2003 г. состоялось заседание Ученого совета ИДВ РАН, на котором был заслушан и обсужден доклад директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко "О задачах, стоящих перед Институтом", были утверждены изменения в структуре Института, проведены выборы заместителей директора по науке, ученого секретаря и руководителей научных подразделений.

В своем докладе М.Л.Титаренко отметил, что фундаментальные исследования в Институте ведутся в рамках общеакадемических программ и, в том числе программы "Россия и Восточная Азия в мировых процессах на рубеже XX-XXI веков" по следующим основным направлениям:

1. Становление многополюсного мира и восточноазиатское измерение национальной безопасности России.
2. Процессы экономической интеграции в АТР. Россия и АТР в XXI веке.
3. Комплексный анализ и прогноз социально-политического и экономического развития стран Восточной Азии.
4. Реформирующиеся Россия и Китай в мировых процессах глобализации и регионализации в XXI веке.
5. Межцивилизационные отношения в АТР.

Кроме того, часть сотрудников участвует в текущем году в выполнении программы Отделения общественных наук РАН "Россия в глобализирующемся мире" по 7 темам.

Директор Института подчеркнул необходимость усиления внимания к изучению ряда актуальных проблем, в том числе таких, как развитие российско-китайских отношений стратегического партнерства, деятельность Шанхайской организации сотрудничества, политика Китая в отношении США, Японии, стран СНГ, государств Центральной и Южной Азии, Европейского союза и НАТО, процессы экономической интеграции в АТР, место и роль реформирующихся России и Китая в мировых процессах глобализации и регионализации в XXI веке. В целом, особо подчеркнул докладчик, исследования Института должны еще более эффективно выполнять роль научного сопровождения реализации основных направлений и мероприятий дальневосточной политики Президента и правительства страны, поиску новых возможностей в этом регионе для российского бизнеса. М.Л.Титаренко призвал к углублению сотрудничества с институтами Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, а также с организационными структурами Байкальского экономического форума. Он также предложил создать учебное заведение по подготовке специалистов по проблемам стран Азиатско-Тихоокеанского региона, ядро штата преподавателей которого должны составить сотрудники ИДВ РАН.

С учетом стоящих перед Институтом задач Ученый совет принял предложение академика М.Л.Титаренко о внесении некоторых корректив в расстановку научных кадров в ряде научных Центров Института и изменении названий ряда подразделений, с тем чтобы они точнее отражали содержание их работы.

Ученый совет избрал следующих заместителей директора по науке: к.и.н. Р.М.Асланова, также заместителем директора по образовательной деятельности; члена-корреспондента РАН, д.э.н. В.В.Михеева, руководителя Центра экономической интеграции в Восточной Азии; д.э.н., А.В.Островского, руководителя Центра научной информации и документации; д.э.н. В.Я.Портякова, руководителя Центра современной истории и политики Китая.

Ученый совет также избрал на новый срок ученого секретаря Института (к.и.н. А.А.Козлов), руководителей Центров "Россия-АТР" (д.воен.н., проф. А.В.Болятко), сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии (д.филос.н., проф. А.Е.Лукиянов), японских исследований (к.и.н. В.Н.Павлятенко).

А.Г.

Рецензии

История Кореи (Новое прочтение). Под ред. А.В.Торкунова. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 430 с.

Вышедшая коллективная работа по истории Кореи ожидалась уже давно и была сразу востребована широким кругом читателей. Универсальность работы заключается в том, что она, будучи учебником для студентов-востоковедов, одновременно является и серьезнейшим научным изданием, предназначенным для требовательных специалистов, а также широкого круга читателей, интересующихся "Страной утренней свежести".

Одна из причин успеха книги — состав авторского коллектива, представляющего ведущие исследовательские и образовательные центры России — кафедру Востоковедения МГИМО(У) МИД РФ, Центр корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, Центр АТР Дипломатической Академии МИД РФ, Международный Центр корееведения МГУ. Основная заслуга в успешной реализации издательского проекта принадлежит ответственному редактору и автору ряда разделов рецензируемой книги, члену-корреспонденту РАН, Чрезвычайному и Полномочному Послу, ректору МГИМО(У) МИД РФ А.В.Торкунову, который является признанным в мировых научных и дипломатических кругах экспертом по корейской проблематике.

Под руководством А.В.Торкунова над книгой работал весь цвет современного российского корееведения: д.и.н., проф. С.В.Волков, к.и.н., проф. А.Н.Ланьков, заслуженный деятель науки РФ, д.и.н., проф. В.Ф.Ли, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., проф. В.И.Денисов, к.и.н.В.П.Ткаченко, Чрезвычайный и Полномочный Посол В.Е.Сухинин. Эти авторы обладают несомненным научным потенци-

алом и колоссальным практическим опытом работы на корейском направлении на ключевых государственных постах. Квалификация, авторитет и талант авторов делают книгу яркой, достоверной, фундаментальной и объективной.

Главная идея данного проекта — впервые осветить "без купюр" всю историю Кореи (с древности до наших дней), многие страницы которой были известны до сих пор лишь узкому кругу специалистов.

С другой стороны, авторы не отмечают все то ценное, что было наработано раньше советской и российской корееведческими школами, и развивают уже осуществленные исследования, особенно по древней, средневековой и новой истории. Речь идет о качественно новом осмыслении корейской истории с древнейших времен до наших дней, об освещении не только основных внутренних, но и всех внешних коллизий, которые пережила и переживает страна.

Весьма важными представляются разделы книги, посвященные аналитической характеристике древней и средневековой корейской государственности с учетом всех факторов развития — династических, культурно-религиозных, экономических, географических, личностных, внешнеполитических. На большом историческом материале авторы сумели проследить внутреннюю и внешнюю эволюцию различных форм корейских государств. Речь в особенности идет о государстве Бохай (VII — IX вв.), о государстве Коре, провозглашенном в 918 г., и о Чосон (XV — XVIII вв.). Последний период был связан с эпохой внешнеполитического "отшельничества" Кореи, которое сыграло нема-

лую роль в последующем комплексном отставании страны не только от западных цивилизаций, но и от ее восточноазиатских соседей.

XX век стал для корейского народа трагическим и судьбоносным одновременно. Потеря государственности в 1910 г. и превращение Кореи в японскую колонию (до августа 1945 г.) не только глубоко деформировали корейский менталитет, но и направили дальнейший ход истории страны в иное русло. Возникновение корейского коммунистического движения, деятельность Коминтерна и т.п. привели не только к появлению на полуострове качественно иных (коммунистических) освободительных мотиваций, но и к расколу корейского национального движения, фракционной борьбе, созданию нескольких коммунистических партий и правительств на соседствующих территориях.

Авторы не обходят молчанием эти и другие острые проблемы. Наоборот, они вскрывают невидимые ранее переплетения новейшей истории Кореи 20-х — 40-х годов.

Один из кульминационных периодов новейшей истории Кореи связан с окончанием Второй мировой войны на Дальнем Востоке, образованием двух корейских государств (РК и КНДР) и началом их политического, идеологического и военного противостояния, вылившегося в кровопролитную корейскую войну 1950 — 1953 гг., которая унесла миллионы жизней и привела к жесткому расколу полуострова по 38-ой параллели, ставшей на долгие годы границей подозрительности и страха.

Принципиально важным для анализа 1953 — 1970-х годов было выявление ключевых тенденций параллельного развития КНДР и РК. Именно в эти годы происходило формирование на Севере и Юге альтернативных моделей модернизации.

Авторы учебника одними из первых в российской историографии провели научную экспертизу: они осуществили сравнительный анализ комплексной эволюции этих моделей по экономической, политической, идеологической, военной и внешнеполитической опциям. Особо ценным здесь является то, что широта и многоплановость представленного материала дают возможность читателю самостоя-

тельно и творчески осмысливать характеризуемые реалии, строить собственные выводы, заключения, а также версии дальнейшего развития названных моделей.

Суммируя изложенный в книге материал, авторы демонстрируют, что северокорейская модель в ее сегодняшнем виде является тупиковым вариантом модернизации, в то время как южнокорейский вариант, несмотря на трудности 1997-1998 гг., имеет большой потенциал развития. Однако своеобразное экономическое соревнование Севера и Юга складывалось не всегда в пользу РК. В 1960 г. Север опережал Южную Корею по всем основным экономическим показателям, и к 1970 г. КНДР еще не исчерпала возможностей экстенсивного экономического развития, сохраняя его внешние ресурсы и источники в виде содействия КНР, СССР и некоторых стран социалистического лагеря. Тогда же Южная Корея в условиях военных режимов шла по пути строительства мобилизационной экономики при параллельной установке на создание высокоэффективной экспортно-ориентированной модели национального хозяйства.

Но окончательный итог этого напряженного соревнования известен: КНДР в 90-е годы оказалась в глубоком кризисе, породившем тотальную деиндустриализацию (работают в основном военные предприятия), массовый голод (1 млн. человек умерло в сер. 90-х годов), карточную систему и сокращение ВВП до 9 млрд. долл. А РК в начале XXI в. имеет ВВП в 595 млрд. долл., занимает 1-е место в мире по производству морских судов, 3-е — по производству компьютеров, 4-е — по производству стали, 5-е — по выпуску автомобилей и пр.

Из предложенного читателю богатого материала логично вытекает и проблема эволюции политических доктрин и систем на полуострове после 1953 г. В работе отмечается, что "к началу 70-х годов, группировка Ким Ир Сена одержала окончательную победу над своими противниками. В КНДР утвердилась система неограниченной власти Ким Ир Сена". Идеи "чучхе" были объявлены по новой конституции 1972 г. государственной идеологией. В настоящее время в условиях жесткого экономического кризиса Ким Чен Ир делает ставку на усиление корейского наци-

онализма и милитаризацию страны. На военные цели тратится 25% ВВП. Последний шаг северокорейского руководства — выход из Договора о Нераспространении Ядерного Оружия (ДНЯО) и работа по военным ядерным программам — подтверждает эту тенденцию.

Если концепция “чучхэ” и идеи северокорейского национализма были достаточно консервативны и не подверглись (как и сам режим) за последние годы серьезным изменениям, то на Юге идеологические доктрины и политическая система претерпевали существенные изменения пройдя через 30-летний период военной диктатуры, в 1992 г. Юг плавно перешел к гражданскому правлению президента Ким Ен Сама и окончательной победе демократии в 1997 г. с приходом к власти бывшего политзаключенного Ким Дэ Чжуна. Избрание Ро Му Хена в 2003 г. закрепило в стране общую тенденцию к дальнейшей демократизации и развитию гражданского общества.

В заключительных разделах работы в сжатой и четкой форме характеризуются весь спектр современных международно-политических проблем корейских государств, среди которых особой значимостью сегодня обладают проблема ядерной

безопасности, межкорейский диалог, нераспространение ракетных технологий, заключение мирного договора, политика России в отношении двух Корей, китайская стратегия на полуострове, взаимоотношения США с КНДР. Представленный материал в хорошем смысле провоцирует читателей на дальнейшую полемику и постановку новых острых вопросов сверх тех, что уже задаются авторами после каждого раздела.

Понятно, что на многие из поставленных вопросов сегодня нет однозначного ответа. Другое дело, что вышедшая в свет книга ведущих российских корееведов дает возможность продолжить обсуждение жгучих проблем, напрямую затрагивающих интересы России, в широкой среде ученых и экспертов различных школ и направлений.

В заключение хотелось бы еще раз поздравить авторский коллектив с выходом данной работы, которая являет собой не только прекрасный познавательный и научный результат, но и своеобразный “мостик” между академической и университетской науками, столь необходимый и преподавателям вузов, и ученым в плане взаимного обогащения и углубления сотрудничества в наше противоречивое время.

Цай Хуншэн. Записки о Российской духовной миссии в Пекине [Элосы гуань цзи ши]. Гуанчжоу, 1994.

Три года назад я впервые услышал имя ученого историка из университета им. Сунь Ятсена в г. Гуанчжоу профессора Цай Хуншэна, который на протяжении многих лет изучает историю китайско-российских отношений, в том числе историю Российской духовной миссии в Пекине. Цай Хуншэн — автор монографии "Записки о Российской духовной миссии в Пекине" — пользуется неоспоримым авторитетом среди историков, занимающихся проблемами современного Китая.

В мае прошлого года мне удалось побывать в университете им. Сунь Ятсена и познакомиться с профессором Цай Хуншэном. Состоялось несколько содержательных бесед. Профессор Цай произвел впечатление скромного и внимательного человека, обладающего широчайшей научной эрудицией. После этой встречи я прочитал его монографию, которая вызвала у меня искреннее уважение к ее автору. Написанная хорошим литературным языком, эта работа основана на широком круге источников и раскрывает сущность одного из важнейших аспектов истории российско-китайских отношений.

"Записки о Российской духовной миссии в Пекине" состоят из четырех глав. Из наименований разделов первой главы становится понятным основное содержание книги — исследование истории Российской духовной миссии в Пекине.

При этом ученый не стремился написать учебник. В книге нет отступлений или банальностей. Отобраны и досконально исследованы самые важные проблемы. Сложные мысли изложены четко и ясно, исторические факты даны в причинно-следственной связи. Например, в разделе первой главы "Государственная церковь во время династии Романовых" кратко, но емко говорится об истоках соединения трех важнейших функций деятельности Российской духовной миссии — религии, экономики, дипломатии. Автор приходит к выводу, что организация правительст-

вом царской России Духовной миссии в Пекине не была случайной и связана с расширением миссионерской деятельности православной церкви на восточном направлении в первой половине XVIII в.

История создания и развития Духовной миссии в Китае стала отражением характера ранних контактов между Китаем и Россией. Все началось с устройства храма "Лоша мяо" для пленных албазинцев, так называемого "Северного Подворья" (Бэй гуань). В 1689 г. между Россией и Китаем был заключен Нерчинский договор. В 1694 г. Цинское правительство приняло решение создать Посольский двор для прибывших в Китай русских, выделив место за западными воротами Цунвэнь к югу от моста Юйхэ (Яшмовая речка). В 1727 г. в заключенном между Россией и Китаем Кяхтинском договоре было оговорено размещение здесь Российской духовной миссии (т.н. "Южное подворье" (Нань гуань). В 1715 г. миссия в составе ее главы архимандрита Иллариона Лежайского и еще 10 человек была отправлена в Китай и по прибытии 1 мая в Пекин разместились в "Лоша мяо". Впоследствии царское правительство осуществляло постоянное организационное упорядочение работы миссии, стремясь создать специальный инструмент для осуществления деятельности на трех важнейших направлениях — религиозном, экономическом и дипломатическом. Ситуация изменилась после 1860 г., когда в Пекине в числе дипломатических представительств иностранных государств была учреждена Российская дипломатическая миссия в Китае, а у Духовной миссии остались научная и миссионерская функции.

Автор стремился точно установить даты событий и дать корректную научную интерпретацию исторических фактов. Для этого он привлек широкий круг источников. Так например, он провел специальное исследование и осуществил редактирование сочинения автора цинской эпо-

хи Хэ Цютао "Шофан бэйчэн". Цай Хуншэн полагает что, если во время династии Цин россиеведение уже сложилось, то его основателем можно считать Хэ Цютао.

В разделе первой главы под названием "Почему российское правительство подарило цинскому правительству книги, их хранение и перевод каталога" автор дает понять, что из-за недостатка материалов невозможно найти названия подаренных царским правительством книг. Сложность вызвана тем, что основная часть перевода названий книг была утеряна, а другая — переведена неверно. Он выражает сожаление по поводу невозможности провести детальное изучение конкретного содержания данного эпизода в российско-китайских культурных связях. В этом проявилось подлинное стремление ученого выявлять реальные факты, а когда это невозможно — откровенно говорить об этом.

Во второй главе, озаглавленной "Российская духовная миссия и китаеведение", автор приходит к выводу, что миссия стала колыбелью российского китаеведения. Первые российские китаеведы и сама школа китаеведения вышли из недр миссии.

Автор пишет, что первую миссию в 1715 г. сопровождал Лоренц Ланг, приемный сын придворного лейб-медика, деятельность которого способствовала заключению Кяхтинского договора. Одновременно он получил от иезуитской миссии книги на китайском языке, составившие впоследствии основу книжного китаеведческого фонда в Санкт-Петербурге, который оказал важное влияние на формирование российского китаеведения. В этом отношении его можно считать предтечей китаеведения в России, но истинными его пионерами стали бывшие члены миссии И.К.Россохин (2-я миссия, 1729-1733) и А.Л.Леонтьев (3-я миссия, 1736-1748). Переводы этих двух специалистов заложили основу для становления китаеведения в России.

Однако настоящий научный прорыв в этой области совершил выдающийся российский китаевед Иакинф Бичурин. Его деятельность способствовала тому, что российское китаеведение обрело национальный колорит и стало носить прак-

тический характер. Его вклад в науку трудно переоценить. Необходимо также упомянуть имена его последователей — П.И.Кафарова, И.И.Захарова, К.А.Скачкова, которые заложили основу для формирования самобытной школы российского китаеведения. Они подвели под него научную базу и создали фундамент для подготовки молодых специалистов.

Китаеведческая школа в России приняла присущий ей облик благодаря деятельности В.П.Васильева, важными особенностями которой стали критическое осмысление китайской культуры, целостный методологический подход к изучению Китая.

Следует отметить, что эти выводы, содержащиеся в монографии Цай Хуншэна, имеют большую научную ценность. Труд ученого заслуживает самой высокой оценки, тем более, что он живет в далеком от России городе Гуанчжоу на юге Китая и во время работы над ней не имел возможности побывать в России.

Другие разделы монографии являются примером глубокого научного анализа исторических документов. Автор рассмотрел две темы: "Переводы конфуцианских сочинений в России", "Перевод Троесловия (Саньцзыцзин) в России". Изучение конфуцианства составляет важную тему в российском китаеведении и является проявлением целостности его подходов и высокого научного уровня. Изучением конфуцианства занимались преимущественно члены миссии, им же принадлежат основные достижения в этой области.

В XIX в. в европейском и американском китаеведении с большой помпой был встречен перевод на английский язык "Троесловия" (1835 г.). Однако более чем за сто лет до этого, в 1727 г., "Троесловие" использовалось в качестве учебного пособия для изучения китайского языка и китайской культуры членами Российской духовной миссии. Российские китаеведы называли это сочинение "энциклопедией XII века". Существует несколько переводов памятника на русский язык, самый известный из которых принадлежит И.Бичурину. На нем воспитывалось несколько поколений миссионеров.

Большой интерес представляет раз-

дел об исследовании хранящейся в России рукописи романа "Сон в Красном тереме". В нем рассматриваются проблемы, связанные с происхождением данной рукописи, и пути ее попадания в Россию. Впервые на нее обратил внимание член-корреспондент Российской академии наук Б.Л. Рифтин. По его мнению, она была привезена из Китая А.И. Курлянцевым (11-я миссия, 1830-1840). Но дело в том, что на обратной стороне титульного листа можно разглядеть два одинаковых иероглифа "хун", неразборчиво написанных явно рукой иностранца. Б.Л. Рифтин и Л.Н. Меньшиков посчитали, что это китайский вариант записи фамилии Курлянцева (см. Народы Азии и Африки. 1964. № 5. С. 123 — 126). Однако профессор Цай подверг сомнению этот вывод. Во-первых, у учеников Российской духовной миссии действительно были китайские имена, но не было принято брать китайские фамилии. Во-вторых, инициалы Курлянцева не содержат звука близкого к "хун". Поэтому иероглифы "хун" имеют иное происхождение.

Основываясь на хранящейся в отделе рукописей РГБ смете оплаты приглашенных частным образом для преподавания в миссии учителей китайского и маньчжурского языков, Цай Хуншэн обратил внимание на упоминание имени иезуита Иосифа Хуна. С начала по октябрь 1832 г. он преподавал в миссии китайский язык (см. П.Е.Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 142). Именно это обстоятельство заставило ученого прийти к выводу о том, что эти иероглифы вероятнее всего связаны с Иосифом Хуном. А это значит, что данная рукопись попала в руки Курлянцева от иезуита Хуна.

Этот вывод еще раз демонстрирует глубину и основательность исследовательского подхода автора. С этой точки зрения труд гуандунского ученого может быть признан классическим.

В данной главе рассмотрена еще одна важная проблема. Автор широко использовал материалы дневников китайских дипломатов, побывавших в России. Этому посвящен раздел "Контакты цинских послов с российскими китаеведами", из которого мы узнаем еще об одной сто-

роне развития российского китаеведения и его особенностях.

Автор пришел к выводу о том, что без Российской духовной миссии не было бы российского китаеведения в том виде, в котором мы его знаем. Кроме того, российское китаеведение в течение длительного времени было связано с российской дипломатией. Оно не имело позитивистского педантизма, характерного для западной синологии. Напротив, российское китаеведение обращало внимание на синтез и практичность. Научная школа В.П. Васильева, возникшая во второй половине XIX в., формировалась именно в этих условиях.

Третья глава "Китайско-российская торговля и Российская духовная миссия в Пекине" по объему превосходит остальные главы. В ней автор рассматривает российско-китайскую торговлю как часть общемировых торговых отношений. В качестве предмета исследования автор отобрал основные аспекты российско-китайской торговли, а именно торговлю чаем. Ему удалось раскрыть главные особенности российско-китайских торговых отношений в XIX в., показать, в чем выражалось влияние политики на торговлю и наоборот.

Автор пришел к выводу, что миссия оказывала влияние на русско-китайскую торговлю по двум направлениям: путем предоставления информации о конъюнктуре на китайском рынке и спросе на иностранные товары, а также благодаря активной помощи российскому правительству в осуществлении торговых контактов с китайской стороной и решении возникавших недоразумений. Все это способствовало упорядочению внешней торговли России.

Четвертая глава содержит дополнительные материалы. Особого внимания заслуживает ее третий раздел, в котором впервые в китайской исторической науке предпринята попытка представить полную хронику деятельности миссии.

Отмечая положительные стороны рецензируемой работы, нельзя не сказать, что автор, к сожалению, не имел возможности использовать все многообразие русских архивных материалов и познакомиться с трудами российских авторов, в

частности, такими как: Н.Адортский. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685-1745). Казань, 1887; Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб, 1993; История Российской духовной миссии в Китае. М., 1996. Поэтому некоторые исследуемые проблемы не получили всестороннего освещения.

Одновременно в исследовании многих важных, но, казалось бы, хорошо изученных проблем, Цай Хуншэн находит новые более глубокие подходы.

В целом, следует отметить следующие достоинства данной монографии: во-первых, ее научную новизну и новаторство автора. Это первая и до сих пор единственная в КНР монография, специально посвященная деятельности Российской духовной миссии в Пекине. Новаторским является метод авторского исследования,

стремление к спокойным, объективным оценкам. Во-вторых, отсутствие китаецентризма, синтез достижений западной и китайской науки. Достаточно посмотреть список использованной литературы, в котором указаны работы на русском, английском и японском языках. В-третьих, совершенное владение китайским языком. Работа написана стилистически четко и ясно. Как заметил проф. Академии общественных наук Китая Ли Дань: "Эта книга написана в настолько изящном стиле, что сразу понимаешь: ее автор — великолепный знаток древнекитайской литературы". В-четвертых, впечатляют фундаментальность исследования, обоснованность доводов, глубина аргументации, строгое отношение к ссылкам на источники и работы своих предшественников.

Монография проф. Цай Хуншэна — хороший образец для других исследователей, современных и будущих.

© 2003

Чэнь Кайкэ,
кандидат исторических наук,
докторант кафедры культурных обменов Китая
с зарубежными странами
Университета им. Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу, КНР).

**Жукова И.В. Стилистика японского языка (Учебное пособие).
Издание второе (дополненное). М.: Вост. лит. РАН, 2002. 112 С.**

Книга Жуковой И.В. "Стилистика японского языка (учебное пособие)" является вторым существенно дополненным изданием, содержащим новые разделы и параграфы, посвященные семантике японской лексики, бизнес-стилю и деловой переписке, включая работу в Интернете и в юридической международной компании, а также особенностям стиля японских деловых документов (договоров, контрактов, коммюнике) с необходимой терминологией и анализом работы над ними.

В книге обобщаются особенности современного стиля повседневного общения японцев, включая речь маленьких детей и юношества. Подмечены значительные изменения в лексике современных социально-бытовых и деловых взаимоотношений японок и японцев с примерами определенных оборотов речи, особенностей общения современных детей и подростков в сравнении с историко-культурной ретроспективой, а зачастую и с европейской традицией.

Изложение темы "Язык массовых коммуникаций" значительно расширилось за счет материалов о японской рекламе сегодня. Они включают принципы ее организации в быту, промышленности, спорте, искусстве, культуре, торговле и т.д., а также раскрывают связь японской рекламы с национальными традициями, с одной стороны, и с компьютеризацией — с другой, показывая особое значение японской рекламы в семиотике и языке характерных жанров.

Очень полезны для практиков, работающих с японским языком, приведенные в книге схемы речевого этикета японцев в разговоре по телефону (дома и в офисе), схемы японских деловых писем и посланий частных лиц; схемы типичных вопросов о местоположении тех или иных объектов и ответов-разъяснений японцев.

В качестве иллюстративного матери-

ала И.В. Жуковой использованы статьи японской прессы, произведения японских писателей, цитаты из периодических журналов "Гаико: форуму" ("Международная панорама"), а также диалоги и некоторые схемы из пособия Japanese for Everyone ("Японский язык для всех"), журнала по вопросам экономики и политики Японии Japanese Echo ("Эхо Японии", на англ. яз.), и распечатки из ежемесячного журнала "Нихонго дзянару" ("Журнал для изучения японского языка").

Стоит отметить, что все изложенное в книге основано на самостоятельных исследованиях автора, а не является обработкой каких-либо смежных публикаций, как это иногда бывает при написании учебных пособий.

Книга И.М. Жуковой построена на базе теоретических положений лексикологии и фразеологии, теоретической грамматики японского языка, а также сведений по истории, культуре и литературе Японии, включая материалы по всем разделам, предусмотренным изучением общего и практического перевода с японского языка на русский. Она знакомит с лексическими, грамматическими и фонетическими особенностями функциональных стилей японского языка, устанавливает закрепленность лексических и грамматических средств языка за тем или иным функциональным стилем, анализирует основные изобразительно-выразительные средства.

Безусловно, рецензируемая книга может оказать большую помощь в совершенствовании навыков практического владения современным японским языком, в формировании умения разграничивать функциональные стили при их явной взаимопроницаемости, с учетом языковой традиции передавать их в процессе письменного и устного перевода.

Юбилей ученого

Академику Сергею Леонидовичу Тихвинскому 85 лет

1 сентября с.г. исполнилось 85 лет старейшему отечественному китаеведу, Советнику Президиума Российской академии наук, главному научному сотруднику Института Дальнего Востока, Почетному Президенту Ассоциации китаеведов РАН, видному историку, Председателю Национального комитета российских историков, дипломату, Чрезвычайному и Полномочному Послу, лауреату Государственных премий, видному общественному деятелю, Почетному Председателю Общества российско-китайской дружбы (ОРКД) академику Сергею Леонидовичу Тихвинскому.

В связи с этой знаменательной для отечественного китаеведения датой 3 сентября под председательством директора Института Дальнего Востока РАН академика М.Л.Титаренко состоялось заседание Ученого совета ИДВ РАН. В заседании приняли участие представители Президиума РАН, ряда академических институтов, МИД РФ, ОРКД, сотрудники ИДВ РАН. На заседании с научным докладом "XX век и Китай" выступил юбиляр. Опираясь на свои многочисленные исследования, докладчик высказал ряд глубоких положений о месте и роли Китая в мировой истории в прошедшем столетии.

Поздравив академика С.Л.Тихвинского от имени собравшихся и всех сотрудников ИДВ РАН со знаменательной датой, М.Л.Титаренко подробно остановился на основных вехах жизненного пути, научной и дипломатической деятельности юбиляра, особо отметил его вклад в развитие отечественного китаеведения и отечественной исторической науки, подчеркнув, что С.Л.Тихвинский был и остается для китаеведов разных поколений примером служения науке и Родине.

В адрес юбиляра поступили поздравительные телеграммы и приветствия от Президента Российской Федерации В.В.Путина, Президента Российской академии наук Ю.С.Осипова (тексты телеграмм публикуются ниже), от заместителя руководителя администрации Президента РФ, начальника Управления Президента РФ по внешней политике С.Э.Приходько, вице-президента Россий-

ской академии наук академика А.Д.Некипелова, академика-секретаря Отделения общественных наук РАН В.Л.Макарова, от Отделения историко-филологических наук РАН — академика-секретаря Отделения А.П.Деревянко, академиком А.А.Фурсенко и А.Б.Куделина, член-корреспондента В.А.Тишкова, академика-секретаря Отделения химии и наук о материалах РАН В.А.Кабанова, директора ИМЭМО РАН академика Н.А.Симония, директора Института российской истории РАН, член-корреспондента РАН А.Н.Сахарова, академиком В.Н.Кудрявцева, В.А.Виноградова, В.И.Молодина, Н.А.Платэ, Председателя Дальневосточного отделения РАН академика В.И.Сергиенко, Председателя Уральского отделения РАН академика В.А.Черешнева, Президента Торгово-промышленной палаты, депутата Государственной думы академика Е.М.Примакова, руководителя Росзарубежцентра В.В.Терешковой, Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ, Почетного доктора ИДВ РАН Чжан Дэгуана, Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в КНР И.А.Рогачева, от руководства и коллективов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН и Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Института востоковедения РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН, Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова, Московского государственного института международных отношений (Университета), Института археологии РАН, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Восточного института Дальневосточного государственного университета, Дипломатической Академии, Историко-документального департамента МИД, Федеральной архивной службы, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), Издательства “Восточная литература”, Амурского филиала Общества российско-китайской дружбы и других.

Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” присоединяется к этим поздравлениям юбиляру и от всей души желает ему крепкого здоровья, счастья, долгих лет работы на благо нашей науки, нашей Родины.

Поздравительная телеграмма Президента Российской Федерации

Уважаемый Сергей Леонидович!

Сердечно поздравляю Вас с 85-летием. Во многом благодаря таким ярким и талантливым ученым, как Вы, постоянно развивается российская научная мысль, открываются новые горизонты познания, всеобъемлющее и глубокое изучение Китая. Создание целой исторической школы и активная деятельность на дипломатическом поприще завоевали Вам признание и авторитет. Желаю Вам, уважаемый Сергей Леонидович, доброго здоровья, счастья и благополучия

В.Путин

Поздравительная телеграмма Президента Российской академии наук

Глубокоуважаемый Сергей Леонидович!

От всей души поздравляю Вас, выдающегося ученого, видного дипломата и общественного деятеля с 85-летием и шлю Вам свои наилучшие пожелания доброго здоровья, счастья, благополучия и всяческих успехов на профессиональном и жизненном пути.

*Президент Российской академии наук академик
Ю.С.Осипов*

Незадолго до юбилея вышла в свет очередная книга академика С.Л.Тихвинского. На этот раз он поделился с читателями своими воспоминаниями.

**С.Л.Тихвинский. Возвращение к Воротам Небесного Спокойствия.
М., Памятники исторической мысли, 2002. 387 с.**

Название книги глубоко символично. Автор рассказывает о своей жизни, большая часть которой связана с Китаем. "Мне довелось быть не только современником, но и свидетелем, а порою участником многих важных исторических событий, имевших место в Китае, — пишет он, обращаясь к читателям. — Главным из них стало провозглашение Мао Цзэдуном 1 октября 1949 г. на многотысячном торжественном митинге на площади Тяньаньмэнь ("Ворота Небесного Спокойствия") рождения нового государства на китайской земле — Китайской Народной Республики.

Минуло 50 лет, и 1 октября 1999 г. я вновь был приглашён на трибуны Тяньаньмэнь для участия в грандиозном и красочном праздновании полувекового юбилея КНР".

Память автора сохранила наиболее яркие и значительные эпизоды его жизни, начиная с раннего детства и юношеской поры, когда в поисках своего предназначения он избрал требующий напряженного и неустанного труда путь познания таинственного Востока.

Мемуары привлекают внимание множеством интереснейших фактов, которые даны крупным планом, увиденны глазами не просто очевидца, но и участника многих важных событий политической и научной жизни страны, а также широкой международной действительности. Эти события предстают во всей своей полноте благодаря тому, что они освещаются человеком высокой культуры, выходцем из среды потомственной питерской интеллигенции, свободно владеющим несколькими иностранными языками, — западными и восточными, — непринуждённо ведущим, скажем, на токийском телевидении беседу с местными театральными деятелями о постановке в Японии чеховских "Трёх сестёр" или выступающим на международном научном конгрессе с докладом и отвечающим на вопросы на том языке, на котором они были заданы. Сказывается и то, что география поездок и встреч автора охватывает едва ли не весь земной шар.

В отличие от некоторых мемуаристов, автор "Возвращения" о себе говорит кратко, как бы между прочим. Он предпочитает рассказывать о событиях и людях, отзываясь с неизменным уважением о коллегах, о начальниках и подчинённых, и не поддаваясь соблазну свести с кем-то счёты на книжных страницах.

Прошедший через многие идеологические баталии нашего бурного времени, Сергей Леонидович не склонен также распространяться о своих убеждениях, но у читателей не остается сомнений, что он — истинный патриот, проникнутый заботой о благе своей страны, стойко отстаивающий её интересы на научном и дипломатическом поприще, осознанно гордящийся ею и принимающий близко к сердцу всякий наносимый ей ущерб, будь то последствия волюнтаризма Н.С.Хрущёва или пагубность перестроечного хаоса.

С.Л.Тихвинский — один из немногих наших современников, кому посчастливилось благодаря его одарённости, трудолюбию и целеустремлённости проживать одновременно две полнокровные творческие жизни — учёного и дипломата, и в каждой из них добиться выдающихся успехов, что нашло своё

выражение в сочетании звания действительного члена Российской академии наук с рангом Чрезвычайного и Полномочного посла. Он воспитанник знаменитой ленинградской школы востоковедения, которая привила ему неподдельную любовь к Востоку вообще и к Китаю в частности, пробудила глубокий интерес к научной работе, дала прекрасную профессиональную закуску, заложив ту основу, на которой развернулся его талант. Оглядываясь на пройденный путь, Сергей Леонидович с трогательной душевной теплотой вспоминает о своих учителях: академике В.М.Алексееве, профессорах Б.А.Васильеве, Ю.К.Шуцком, Г.В.Ефимове, А.Н.Драгунове и других наставниках.

Не исключено, что по окончании университета одарённый студент целиком посвятил бы себя науке — тяга к научному творчеству, к накоплению знаний, постижению нового отличала его уже тогда и не покинула по сей день. Не случайно эпиграфом к мемуарам он избрал изречение Конфуция: “Учиться и постоянно совершенствовать свои знания — это ли не радость?”. Однако непростое время — конец 30-х гг. — диктовало особые требования. В 1938 г. по комсомольскому набору студент Тихвинский был направлен в качестве переводчика в НКВД, и очень скоро ему пришлось переводить беседу И.В.Сталина с председателем Законодательного юаня (палаты) китайского парламента Сунь Фо (сыном великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена), который прибыл в Москву с просьбой увеличить объём и ассортимент военных поставок, включая самолёты, танки, боеприпасы и т.д., необходимые для отражения японской агрессии.

Несмотря на напряжённую работу, перед самым началом Великой Отечественной войны молодой сотрудник Наркоминдела сумел сдать экстерном экзамены за полный курс Московского института востоковедения, после чего сразу же подал заявление о приёме в аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР, выдержал вступительные экзамены и начал готовиться к сдаче кандидатских минимумов.

С этого времени его жизнь потекла двумя потоками, каждого из которых вполне хватило бы менее одарённому и энергичному человеку. Но не таким был С.Л.Тихвинский. С 1943 г. он — второй секретарь Посольства СССР в Чунцине; в 1945 г. в Институте истории АН СССР защищает кандидатскую диссертацию, посвящённую внешнеполитическим взглядам и практике Сунь Ятсена, а затем почти пять лет занимает высокий и ответственный пост генерального консула Советского Союза в Пекине.

Это были переломные годы в истории Китая. Их кульминацией стало провозглашение 1 октября 1949 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине рождения нового государства — Китайской Народной Республики. Во время этого исторического события С.Л.Тихвинский как официальный представитель Советского Союза находился на одной из специально сооружённых к этому торжественному событию трибун. Этот эпизод он описывает как ярчайшее событие своей жизни, почему и вынес название площади (Ворота Небесного Спокойствия) в заглавие книги. С установлением советско-китайских дипломатических отношений С.Л.Тихвинский стал первым временным поверенным в делах СССР в КНР, то есть исполнял обязанности посла до назначения на этот пост Н.В.Рощина.

В этом качестве Сергей Леонидович присутствовал 5 октября 1949 г. на учредительной конференции Общества китайско-советской дружбы, председателем которой был избран один из руководителей КПК Лю Шаоци. В апреле-мае 1950 г. С.Л.Тихвинский по просьбе министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая прочёл цикл лекций по международному праву на кафедре, готовившей кадры дипломатов нового Китая в Народном университете, внося тем самым вклад в становление дипломатической службы молодой республики.

В 1950 — 1952 годах деятельность уже приобретшего солидный опыт дипломата и китаеведа протекает на новом важном и ответственном участке — он назначен экспертом и советником делегаций СССР на V и VI сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, где в сложнейшей обстановке, связанной с Корейской войной, наша страна отстаивала интересы КНР, в тот период не допущенной в Организацию Объединённых наций из-за сопротивления США и их союзников.

Год спустя, продолжая, согласно китайской поговорке, “идти на двух ногах”, Сергей Леонидович защищает в Институте востоковедения АН СССР докторскую диссертацию “Движение за реформы в Китае в конце XIX в.”. Заметим, что она была написана на совершенно новую тему, а не путём расширения и продолжения кандидатской, как это зачастую случается. Огромная работа, позволившая поднять новаторскую тему, в основном была проделана в Китае и завершена в Москве, где сотрудники Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР запомнили дипломата, регулярно проводившего там за книгами свой обеденный перерыв и всё свободное время.

Для кого-то докторская диссертация — вершина, взяв которую человек на долгие годы “расслабляется”. Но доктор исторических наук, о котором мы говорим, не дал себе передышки. Назначенный в 1953 г. советником Посольства СССР в Великобритании, он и там, несмотря на острый дефицит времени, не прекращает научных исследований, активно знакомится с деятельностью английских коллег, выступает с докладом на XXIII Международном конгрессе востоковедов в Кембридже (1954 г.) и на других научных форумах, избирается членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, что было воспринято в научных кругах Запада как сенсация.

Стиль мемуаров С.Л.Тихвинского отличает сдержанность, порой даже суховатость, однако и сквозь такую манеру повествования нельзя не почувствовать, сколь напряжённой была политическая борьба, на переднем крае которой автору пришлось действовать. Наглядный пример здесь — участие его как главы Представительства СССР в Токио в процессе нормализации советско-японских взаимоотношений, включая его неофициальные контакты с видными членами японского правительства, содержанием которых была выработка условий восстановления дипломатических связей. Ориентированные на США влиятельные правительственные и парламентские деятели, в их числе министр иностранных дел Сигэмицу, оказывали нормализации отношений между Москвой и Токио сильнейшее сопротивление. Использовались и антисоветские кампании в прессе, вплоть до направленных лично против главы Советского Представительства, и даже такие методы, как налёт экстремистов на Представительство, когда от его главы потребовались решительность, хладнокровие и мужество.

В короткой рецензии нет возможности пересказать всё содержание мемуаров или хотя бы привести сколько-нибудь полный послужной список их автора. Но о некоторых этапах его биографии нельзя не упомянуть. В 1959 г. Сергей Леонидович получает звание профессора и на шесть лет погружается в научную и преподавательскую деятельность. Он — заведующий кафедрой стран Востока в МГИМО МИД СССР, с 1960 — директор Института китаеведения АН СССР и остаётся руководителем китаеведческого коллектива при его переходе в разные академические структуры. Синологическая библиотека, это уникальное хранилище книг на китайском и других языках, литературы по Китаю, во многом обязана своим возникновением инициативе С.Л.Тихвинского.

В 1965 г. Сергей Леонидович вновь возвращается на работу в системе Министерства иностранных дел. Он получает назначение на должность заведующего Отделом Азии в Управлении планирования внешнеполитических ме-

роприятий МИД СССР, перед которым ставились задачи подготовки рекомендаций для высших руководящих инстанций по актуальным международным проблемам. С.Л.Тихвинский и здесь оказался на острие внешней политики СССР, поскольку в этот период всё более осложнялись отношения между Москвой и Пекином. В 1969 г. он был включён в состав правительственной делегации на переговорах о нормализации обстановки на советско-китайской границе. В мемуарах выразительно обрисован их трудный ход, а также воссоздана своеобразная атмосфера, в которой они проходили в Пекине.

Уже тогда будучи одним из ведущих китаеведов нашей страны, С.Л.Тихвинский не мог оставаться в стороне от идеологической полемики между Москвой и Пекином, развернувшейся по широкому спектру вопросов советско-китайских отношений. В своей книге он отмечает, что эта полемика испытывала на себе непосредственное влияние межпартийных разногласий. Но мемуарист обоснованно делает упор на том, что советские китаеведы, среди которых он играл одну из ведущих ролей, неизменно выступали с позиций глубокого уважения к китайскому народу, ратовали за восстановление добрососедства между нашими странами. Убедительным доказательством этого служит, в частности, вышедшая в 1972 г. коллективная монография «Новая история Китая», ответственным редактором которой, автором предисловия и двух глав был С.Л.Тихвинский. В 1969 г., когда в Китае бушевала «культурная революция», принявшая враждебный нашей стране характер, состоялась Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы, на которой с отчётным докладом о работе ОСКД и задачах на будущее выступил Сергей Леонидович. Он был избран первым заместителем председателя ОСКД, а с 1984 г. по 1998 г. избирался его председателем.

В 1975 г. С.Л.Тихвинский переводится на новую должность в Министерстве иностранных дел — начальника Историко-дипломатического управления. Здесь в полной мере проявили себя недюжинные способности Тихвинского-учёного, его талант историка, исследователя минувшего и аналитика современности. В выпущенные Управлением многотомные серии «Документы внешней политики СССР», «Документы внешней политики России», в шеститомный сборник документов международных конференций Советского Союза, во многие другие издания, в том числе в популярный трёхтомный «Дипломатический словарь» вложено немало его творческого и организаторского труда. Особо нужно отметить работу С.Л.Тихвинского как ответственного редактора всех томов и серий документов по истории российско-китайских отношений, содержащих тысячи единиц хранения из архивов России, Китая, Монголии и снабжённых обширным аппаратом научных комментариев, приложений, историческим и археографическим введениями к каждому тому.

В 1980 г. судьба возвращает Сергея Леонидовича к истокам его научно-дипломатической карьеры: он становится ректором Дипломатической академии МИД СССР, где был востребован его талант учёного и педагога, уже ставшего к тому времени членом-корреспондентом Академии наук СССР, и богатейший опыт дипломата. Работа С.Л.Тихвинского на этом посту получила достойную оценку: по случаю 50-летия Дипакадемии он был удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина.

В 1981 г. С.Л.Тихвинский поднимается на высшую ступень академической лестницы — его избирают действительным членом Академии наук по специальности «всеобщая история». Весной 1982 г. он был избран членом Президиума АН СССР и академиком-секретарём Отделения истории. С 1974 г. по 1980 г. Сергей Леонидович являлся также главным редактором авторитетного академического журнала «Новая и новейшая история».

Не можем не отметить такой характеризующий С.Л.Тихвинского факт его биографии: вслед за избранием его в члены Президиума АН СССР он отказался от причитающейся ему как ректору Дипломатической академии заработной платы.

После ухода в 1986 г. с поста ректора Дипломатической академии С.Л.Тихвинский сосредоточился на работе в Академии наук. В 1988 г., 1 сентября, когда ему исполнилось 70 лет, он оставил пост академика-секретаря Отделения истории и перешёл на должность советника Президиума Академии наук. Этот пост Сергей Леонидович занимает и поныне, являясь одновременно главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН.

Вместе с тем он не оставляет общественной деятельности, продолжая принимать активное участие в работе Общества российско-китайской дружбы, почётным председателем которого был избран в 1998 г. и переизбран в 2003 г., являясь членом российской части Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, поддерживая научные связи с учёными КНР и многих других стран.

Творческая энергия С.Л.Тихвинского по-прежнему неиссякаема. Из-под его пера одна за другой выходят научные монографии и книги воспоминаний. В них вложены и неустанный поиск, и сбор материалов в архивах, библиотеках, музеях, семейных коллекциях, многочисленных беседах с коллегами всюду, где автору приходилось работать, будь то в России, Китае, Японии или любой другой стране.

В списке основных трудов автора, помещённых в рецензируемой монографии, значится двенадцать книг, а всего им написано свыше 500 работ. Нынешняя книга воспоминаний, как и предыдущие, проникнута искренней любовью к китайскому народу, к китайской культуре, стремлением укрепить дружбу двух народов, желанием, чтобы Россия обратилась к позитивному опыту успешных реформ, накопленному нашим восточным соседом.

Написанные живым, ясным языком, мемуары выдающегося китаевода С.Л.Тихвинского будут интересны различным категориям читателей, но особенно хотелось бы, чтобы её прочитала молодёжь: яркая, впечатляющая биография автора послужит им, думается, прекрасным образцом для вдохновения.

© 2003

*Б.Кулик,
доктор исторических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посол.*

*А.Ларин,
кандидат филологических наук.*

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Для печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Для интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

Константин Васильевич Шевелев
(5.01.1947 — 27.07.2003)

27 июля с.г. трагически погиб ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук К.В. Шевелев.

Отечественное китаеведение, коллектив Института Дальнего Востока РАН понесли невосполнимую утрату. Смерть вырвала из наших рядов талантливого исследователя, находившегося в расцвете творческих сил, внесшего уникальный вклад в изучение проблем политической истории Китая в новейшее время.

К.В. Шевелев родился 5 января 1947 г. в г. Таллине в семье служащих. В 1971 г. он с отличием окончил восточный факультет Ленинградского государственного университета, где его учителями и наставниками были видные востоковеды Г.В. Ефимов и Л.А. Березный. В 1974 г. он успешно окончил аспирантуру Института Дальнего Востока РАН и в 1975 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию по истории создания Коммунистической партии Китая. В 1976 г. он опубликовал монографию "Из истории образования Коммунистической партии Китая". Эта работа до настоящего времени сохраняет свое научное значение. В дальнейшем изучение различных периодов и аспектов деятельности КПК, ее взаимоотношений с Коминтерном стало основным направлением его плодотворной научной деятельности.

Являясь одним из ведущих отечественных специалистов по проблемам политической истории Китая в новейшее время, К.В. Шевелев принимал активное участие в подготовке всех наиболее крупных работ, опубликованных Институтом Дальнего Востока в 80-90-е годы, в том числе таких как: "Новейшая история Китая. 1917-1927" (М., 1983), "История Коммунистической партии Китая" (М., 1990).

Начиная с середины 70-х годов, К.В. Шевелев активно участвовал в составлении сборников документов и материалов по истории революционного движения в Китае: "Документы по истории Коммунистической партии Китая" (т.1. М., 1979; т. 2. М., 1981), "Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы" (М., 1986 г.). В последнее десятилетие К.В. Шевелев участвовал в подготовке многотомного сборника архивных документов "ВКП(б), Коминтерн и Китай" (т.1. М., 1994; т. 2. М., 1996; т. 3. М., 1999; т. 4. М., 2003), являясь одним из составителей, членом редколлегии и соавтором предисловий и вводных статей.

В этих работах особенно ярко проявились его исследовательский талант, глубокое знание архивного материала, отечественной и мировой литературы по изучаемым проблемам. Среди ученых своего поколения К.В. Шевелев был выдающимся знатоком архивов и архивного дела, а его вклад в подготовку четырехтомной серии документов поистине уникален. Им выявлено и опубликовано большое число ценнейших документов, широко используемых в трудах отечественных и зарубежных специалистов по проблемам политической истории Китая и истории китайской революции. В России и за рубежом опубликовано более 100 его работ.

Для трудов К.В. Шевелева характерны глубокое знание источников и научной литературы, поэтому его многочисленные публикации в отечественной и зарубежной научной печати вызывают большой интерес специалистов.

К.В. Шевелев принимал участие в десятках научных конференций, проводившихся как в России, так и за рубежом, — в Китайской Народной Республике, Германии, Голландии и в других странах. Среди отечественных и зарубежных китаеведов он пользовался большим авторитетом и уважением.

К.В. Шевелев принимал активное участие в деятельности Общества российско-китайской дружбы, многократно выступал с докладами на заседаниях Общества, посвященных памятным историческим датам Китая.

Константин Васильевич был замечательным товарищем, всегда готовым прийти на помощь всем, нуждающимся в ней, прекрасным семьянином и отцом, талантливым и добрым человеком.

Светлая память о К.В. Шевелеве навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция ИДВ РАН
Общественные организации ИДВ РАН
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 15.08.2003 г. Подписано к печати 17.09.2003 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,4 тыс. Уч.-изд.л. 14,7 Бум. л. 6,0
Тираж 912 экз. Зак. 7618

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2003 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6